

Содержание

<i>Предисловие</i>	2
<i>Введение</i>	3
<i>Проявления Духа</i>	
<i>Первое абстрактное ядро</i>	13
<i>Безупречность нагуаля Элиаса</i>	23
<i>Стук Духа</i>	
<i>Абстрактное</i>	35
<i>Последнее обольщение нагуаля</i>	
<i>Хулиана</i>	49
<i>Хитрость Духа</i>	
<i>Очищение связующего звена с Духом</i>	60
<i>Четыре настроения сталкинга</i>	77
<i>Нисхождение Духа</i>	
<i>Видение Духа</i>	95
<i>Кувырок мысли</i>	113
<i>Перемещение точки сборки</i>	123
<i>Место без жалости</i>	141
<i>Требования намерения</i>	
<i>Разбивание зеркала саморефлексии</i>	162
<i>Билет в безупречность</i>	177
<i>Управление намерением</i>	
<i>Третья точка</i>	202
<i>Два односторонних моста</i>	231
<i>Намеревание внешности</i>	247

Предисловие

Мои книги – это точный рассказ о методе обучения, который применял индеец-маг дон Хуан Матус, чтобы помочь мне понять мир магов. В этом смысле мои книги отражают продолжающийся процесс, который становится для меня все более ясным с течением времени.

Необходимы годы тренировки, чтобы научить нас разумному поведению в мире повседневной жизни. Наше обучение – в сфере простых рассуждений или формальных предметов – осуществляется тщательным образом, поскольку получаемые нами знания очень сложны. Те же критерии применимы и к миру магов; обучение магии, основанное на устных инструкциях и манипуляции осознанием, хотя и очень отличается от нашего академического обучения, осуществляется не менее тщательно, потому что их знания, возможно, еще более сложны.

Введение

В разное время по моей просьбе дон Хуан пытался дать название своему знанию. Он полагал, что наиболее подходящим названием было бы «нагуализм», но этот термин является слишком непонятным. Назвать его просто «знание» — означало бы не отразить его сути, а назвать его колдовством было бы унижительно. «Овладение намерением» — слишком абстрактно, а «поиск полной свободы» — слишком длинно и метафорично. В конце концов, он, не сумев найти более подходящего названия, согласился называть его «магией», хотя признавал, что и этот термин недостаточно точен. На протяжении многих лет нашего знакомства он уже давал мне несколько определений магии, но всегда подчеркивал при этом, что они меняются по мере накопления знания. Приближаясь к концу своего ученичества, я почувствовал, что теперь смогу понять более четкое определение, поэтому снова обратился к дону Хуану.

— С точки зрения среднего человека, — сказал дон Хуан, — магия — это чепуха или зловещая тайна, выходящая за пределы его понимания. И в этом он прав — не потому, что это действительно так, но потому, что среднему человеку не хватает энергии, чтобы иметь дело с магией. Немного помолчав, он продолжал.

— Человеческие существа рождены с ограниченным количеством энергии, которая, начиная с момента рождения, непрерывно разворачивается таким образом, чтобы она могла быть использована модальностью времени наиболее выгодным образом.

— Что ты имеешь в виду, говоря о модальности времени? — спросил я.

— Модальность времени — это определенный узел энергетических полей, находящихся в зоне восприятия, — ответил он. — Я считаю, что восприятие человека на протяжении веков меняется. Текущее, действительное время определяет выбор; время решает, какому точно узлу из бесчисленного количества энергетических полей быть используемым. И управление модальностью времени —

этими несколькими избранными полями – отнимает всю имеющуюся у нас энергию, не оставляя нам ничего, что может помочь нам использовать какие-либо другие энергетические поля.

Едва заметным движением бровей он предложил мне подумать над всем этим.

– Именно это я имею в виду, когда говорю, что среднему человеку недостает энергии для занятий магией, – продолжал он. – Если он использует лишь имеющуюся у него энергию, он не сможет воспринять миры, которые воспринимают маги. Чтобы воспринимать их, магам необходимо использовать обычно не употребляемый пучок энергии. Естественно, что обычный человек для восприятия мира магов и понимания их восприятий должен использовать тот же пучок, которым пользовались они. Однако для него это невозможно, так как вся его энергия уже развернута.

Он остановился на минутку, как бы подыскивая нужные слова.

– Подумай об этом так: все это время ты учился не магии, но скорее – умению сохранять энергию. И эта энергия даст тебе возможность овладеть некоторыми из энергетических полей, недоступных для тебя сейчас. Вот что такое магия: умение использовать энергетические поля, которые не участвуют в восприятии известного нам повседневного мира. Магия – это состояние осознания. Магия – это способность воспринимать нечто, недоступное обычному восприятию.

– Все, через что я тебя провел, – продолжал дон Хуан, – все, что я показывал тебе, все это было лишь средством убедить тебя, что в мире есть нечто большее, чем мы можем видеть.

Незачем кому-то учить нас магии, потому что в действительности нет ничего такого, чему нужно было бы учиться. Нам нужен лишь учитель, который смог бы убедить нас, какая огромная сила имеется на кончиках наших пальцев. Какой странный парадокс! Каждый воин на пути знания в то или иное время думает, что изучает магию; но все, что он делает при этом – это позволять убедить себя в наличии силы, скрытой в самом его существе, и в том, что он может достичь ее.

– И это все, что ты делаешь, дон Хуан, – убеждаешь меня?

– Именно так. Я пытаюсь убедить тебя, что ты можешь достичь этой силы. В свое время я прошел через то же самое. И меня так же нелегко было убедить, как тебя сейчас.

– Но после того, как мы достигаем ее, что именно мы делаем с ней, дон Хуан?

– Ничего. Как только мы достигаем ее, она сама начинает использовать энергетические поля, которые доступны нам, но не находятся в нашем распоряжении. Это, как я сказал, и есть магия. В этом случае мы начинаем видеть, то есть – воспринимать нечто иное, но не как воображаемое, а как реальное и конкретное. И тогда мы начинаем знать без каких бы то ни было слов. А вот что каждый из нас делает со своим возросшим восприятием, с этим безмолвным знанием, зависит от его темперамента.

В следующий раз он дал мне объяснение другого рода. Мы обсуждали совершенно постороннюю тему, и вдруг он резко сменил предмет беседы и начал рассказывать мне что-то смешное. Потом он засмеялся и очень мягко хлопнул меня по спине между лопатками, как если бы стеснялся своей вольности по отношению ко мне. Заметив мою нервозность, он усмехнулся.

– Ты пуглив, – сказал он, поддразнивая меня, и шлепнул по спине гораздо сильнее.

В ушах у меня зазвенело. На какой-то миг у меня перехватило дыхание. Мне показалось, что он повредил мне легкие. Каждый вдох был для меня настоящей мукой. Но, отдышавшись и откашлявшись, я почувствовал, что нос у меня открылся, и что я могу дышать глубоко и спокойно. Мне стало настолько хорошо, что я даже не разозлился на дона Хуана, удар которого был таким сильным и неожиданным.

Затем дон Хуан начал свое очень примечательное объяснение. Ясно и кратко он дал мне еще одно, более точное определение магии.

Я вошел в удивительное состояние осознания! Мой ум был настолько ясным, что я был в состоянии понимать и усваивать все, что говорил дон Хуан. Он сказал, что во вселенной существует неизмеримая, неопиcуемая сила, которую маги называют намерением, и что абсолютно все, что существует во вселенной, соединено с намерением связующим звеном. Маги – или воины, как он их называл – занимались попытками понять и использовать связующее звено. Особенно они заботились об очищении его от парализующего влияния обычных забот их повседневной жизни. Магия на этом уровне может быть определена как процесс очистки своего связующего звена с намерением. Дон Хуан подчеркнул, что обучить этой «очистительной процедуре», равно как и понять ее, – невероятно сложно. Поэтому маги разделили свои инструкции на два вида. Первый – это инструкции для обычного состояния осознания, в котором процесс очистки осуществляется в замаскированном виде. Второй – это инструкции для состояний повышенного осознания, в одном из которых я как раз сейчас пребывал, и в которых маги получают знания прямо от намерения, минуя отвлекающее вмешательство разговорного языка.

Дон Хуан объяснил, что, благодаря использованию повышенного осознания, за тысячи лет тяжелой борьбы маги обрели способность особого проникновения в суть намерения, и что они передавали эти сокровища прямого знания от поколения к поколению до настоящего времени. Он сказал, что задачей магии является сделать это, кажущееся непостижимым, знание понятным с точки зрения осознания повседневной жизни.

Затем он объяснил роль руководителя в жизни магов. Он сказал, что такой руководитель называется «нагуаль», и что нагуаль – это мужчина или женщина с экстраординарной энергией; это учитель, обладающий трезвостью, стойкостью и стабильностью. Такого человека видящие видят как светящуюся сферу, имеющую четыре отделения, как если бы четыре светящихся шара сжали вместе. Благодаря такой необычной энергии нагуали являются посредниками. Их энергия позволяет им получать мир, гармонию, знание и смех прямо из источника, из намерения, и передавать их своим товарищам. Нагуали ответственны за предоставление того, что маги называют «минимальным шансом»: осознание человеком

связи с намерением. Я сказал ему, что мой ум способен понять все, что он говорит мне, и что лишь один момент в его объяснениях до сих пор остался неясным: зачем нужны два вида обучения. Я мог легко понять все, что он говорил о своем мире, хотя он утверждал, что процесс понимания очень труден.

– Тебе может понадобиться целая жизнь, чтобы вспомнить те озарения, которые были у тебя сегодня, – сказал он, – потому что большинство из них есть безмолвное знание. Через несколько секунд ты все это забудешь. Это – одна из непостижимых загадок осознания.

Затем дон Хуан сместил уровень моего осознания, нанеся мне удар сбоку по левой стороне груди.

Внезапно я утратил необыкновенную ясность ума, и даже не помнил, что имел ее только что...

Дон Хуан сам поставил мне задачу делать записи о предпосылках магии. Однажды, еще на ранней стадии моего ученичества, он как бы невзначай предложил мне написать книгу, чтобы как-то использовать те записи, которые я постоянно делал. Их у меня накопились целые горы, и я никак не мог решить, что с ними делать.

Я возразил, что это предложение абсурдно, поскольку я не писатель.

– Конечно, ты не писатель, – ответил он, – поэтому тебе придется использовать магию. Во-первых, тебе необходимо визуализировать свой опыт, чтобы он живо предстал перед тобой, а затем ты должен увидеть текст в своих сновидениях. Таким образом, записи должны быть для тебя не литературным упражнением, а скорее упражнением в магии.

Вот так и получилось, что в контексте обучения я писал о предпосылках магии одновременно с объяснениями дона Хуана.

В его схеме обучения, разработанной еще магами древности, было две категории инструкций. Одна называлась «обучение для

правой стороны» и осуществлялась в обычном состоянии осознания. Вторая – «обучение для левой стороны» – осуществлялась только в состоянии повышенного осознания.

Эти два вида обучения позволяли учителям ввести своих учеников в три области специального знания: овладение осознанием, искусство сталкинга¹ и владение намерением.

Эти три области специального знания являются тремя загадками, с которыми маг сталкивается в своих поисках знания.

Владение осознанием – это загадка разума; маги испытывают недоумение, когда познают непостижимую тайну и размах осознания и восприятия.

Искусство сталкинга – это загадка сердца; маги приходят в замешательство, начиная осознавать две вещи. Первая заключается в том, что мир предстает перед нами нерушимо объективным и реальным в силу особенностей нашего осознания и восприятия, и вторая – если задействуются иные особенности восприятия, то представления о мире, которые казались такими объективными и реальными, – изменяются.

Владение намерением – это загадка духа, или парадокс абстрактного – мысли и действия магов выходят за пределы нашего человеческого состояния.

Инструкции дона Хуана в отношении искусства сталкинга и владения намерением зависели от его инструкций по владению осознанием – краеугольного камня его учения, состоящего из следующих основных предпосылок:

1. Вселенная является бесконечным скоплением энергетических полей, похожих на нити света.
2. Эти энергетические поля, называемые эманациями Орла, излучаются из источника непостижимых размеров, метафорически называемого Орлом.

¹ Stalking (от гл. to stalk) – **выслеживание**, подкрадывание, осторожное преследование (термин «сталкинг» сохранен)

3. Человеческие существа также состоят из несчетного количества таких же нитеподобных энергетических полей. Эти эманации Орла образуют замкнутые скопления, которые проявляются как шары света размером с человеческое тело с руками, выступающими по бокам, подобные гигантским светящимся яйцам.

4. Только небольшая группа энергетических полей внутри этого светящегося шара зажжена точкой интенсивной яркости, расположенной на поверхности шара.

5. Восприятие имеет место, когда энергетические поля из этой небольшой группы, непосредственно окружающие точку яркого сияния, распространяют свой свет и освещают идентичные энергетические поля вне шара. Поскольку воспринимаются только те поля, которые озарены точкой яркого сияния, эта точка называется «точкой, где собирается восприятие», или просто «точкой сборки»².

6. Точка сборки может быть сдвинута со своего положения на поверхности светящегося шара в другие места на поверхности или внутри шара. Поскольку свечение точки сборки может озарить все энергетические поля, с которыми она приходит в контакт, она немедленно высвечивает новые энергетические поля, делая их воспринимаемыми. Это восприятие известно как видение.

7. Когда точка сборки смещается, становится возможным восприятие совершенно иного мира – такого же объективного и реального, как и тот, который мы воспринимаем обычно. Маги отправляются в этот другой мир, чтобы получать силу, энергию, решение общих и частных проблем, или для встречи лицом к лицу с невообразимым.

8. Намерение – это проникающая сила, которая дает нам возможность восприятия. Мы осознаем не благодаря восприятию, – скорее мы воспринимаем в результате давления и вмешательства намерения.

² The assemblage point

9. Целью магов является достижение полного осознания для того, чтобы испытать все возможности восприятия, имеющиеся у человека. Это состояние осознания предполагает даже совершенно иной способ ухода из жизни.

Частью обучения владению осознанием является практическое знание. На этом практическом уровне дон Хуан обучал меня процедурам, необходимым для сдвига точки сборки. Древние маги-видящие открыли две большие системы для достижения этого: сновидение как контроль и способ использования снов, и сталкинг – контроль поведения.

Сдвиг точки сборки – это важное действие, которому должен научиться каждый маг. Некоторые из них, нагуали, должны научиться выполнять его еще и для других. Они способны выводить точку сборки из ее обычного положения, нанося непосредственно по ней сильный удар. Этот удар, который ощущается как шлепок по правой лопатке, – хотя непосредственно тела никогда не касаются, – приводит к состоянию повышенного осознания.

Согласно традиции, дон Хуан излагал наиболее важную и драматическую часть своего учения – учение для «левой стороны» – исключительно в таких состояниях повышенного осознания. В связи с необычным качеством этих состояний дон Хуан требовал, чтобы я ни с кем не обсуждал их до тех пор, пока мы с ним полностью не закончим обучение по схеме магов. Принять такое требование было нетрудно. В этих уникальных состояниях мои возможности понимания инструкций невероятно возрастали, но в то же время способность описывать или даже запоминать их исчезала совсем. Находясь в таких состояниях, я мог действовать четко и уверенно, но не был способен ничего о них вспомнить, когда возвращался к нормальному осознанию.

Мне потребовались годы, чтобы обрести возможность совершить окончательный перевод опыта своего повышенного осознания в область обычной памяти. Мой разум и здравый смысл задержали наступление этого момента, потому что они лицом к лицу столкнулись с абсурдной, немыслимой реальностью повышенного осознания и прямого знания. Являющаяся следствием этого

дезорганизация моих знаний, в течение ряда лет заставляла меня избегать данной темы, не думая о ней. Все, что я написал о своем ученичестве в магии до сих пор, является изложением того, как дон Хуан обучал меня овладению осознанием. Однако до сих пор я еще не описывал искусство сталкинга и владение намерением.

Дон Хуан учил меня их принципам и применению с помощью двух своих партнеров: мага по имени Висенте Медрано и еще одного мага, которого звали Сильвио Мануэль. К сожалению, практически все, чему я у них научился, до сих пор остается неясным для меня, скрытым в том, что дон Хуан называл «лабиринтом повышенного осознания». Вплоть до самого последнего времени совершенно невозможным для меня было писать или даже думать последовательно об искусстве сталкинга или о владении намерением. Моей ошибкой было то, что я рассматривал их как предметы, доступные для нормальной памяти или воспоминания. Таковыми они и являются, но в то же время это не так. Чтобы разрешить это противоречие, я не обсуждал эти темы прямо – что было практически невозможно, но косвенно я уже касался их, – я имею в виду заключительную часть учения дона Хуана – рассказы о магах прошлого.

Он рассказывал эти истории, чтобы прояснить смысл того, что он называл «абстрактными ядрами» своих уроков. Однако я был не в состоянии уловить суть этих абстрактных ядер, несмотря на его исчерпывающие объяснения. Теперь-то я знаю, что эти объяснения предназначались скорее для того, чтобы сделать мой ум более открытым, чем для действительно рационального объяснения чего бы то ни было. Его манера говорить, заставляла меня много лет подряд думать, что его объяснения касательно «абстрактных ядер» были сродни академическим рассуждениям; и все, что я был способен делать при таких обстоятельствах – это принимать его объяснения как данность. Они стали частью моего молчаливого принятия его учения, но оценить их полностью я не мог, что существенно влияло на понимание этих историй.

Дон Хуан описал три серии, в каждой из которых было по шесть абстрактных ядер, расположенных по принципу возрастания трудности. В данной книге я рассматриваю первую серию, которая состоит из следующих принципов:

1. Проявления духа;
2. Стук духа;
3. Уловки духа;
4. Нисхождение духа;
5. Требования намерения;
6. Управление намерением.

Проявления Духа

Первое абстрактное ядро

Всякий раз, когда представлялся случай, дон Хуан рассказывал мне короткие истории о магах его линии и, особенно, о своем учителе, нагуале Хулиане. Это не были истории в обычном смысле, а, скорее, описание поведения магов и особенностей их личности. Каждый из этих рассказов был рассчитан на то, чтобы пролить свет на какую-либо конкретную проблему моего ученичества.

Я слышал те же истории от других пятнадцати членов группы магов дона Хуана, но ни одна из них не могла дать мне ясное представление о людях, которых они описывали. Мне не удавалось убедить дона Хуана подробно описать этих магов, поэтому я почти примирился с тем, что мне никогда не узнать о них достаточно глубоко.

Однажды в полдень в горах южной Мексики дон Хуан, в очередной раз объясняя сложности владения осознанием, вдруг сделал заявление, которое совершенно поставило меня в тупик.

– Мне кажется, настало время поговорить о магах нашего прошлого, – сказал он.

Дон Хуан объяснил, что мне необходимо начать делать выводы, основанные на систематическом взгляде на прошлое, выводы как о мире повседневной жизни, так и о мире магии.

– Маги имеют жизненно важную связь со своим прошлым, – сказал он. – Но я не имею в виду их личное прошлое. Для магов их прошлое заключается в делах, которые совершали другие маги, и сейчас мы собираемся заняться анализом именно этого прошлого. Обычный человек тоже занят анализом прошлого, но обычно своего личного прошлого и из личных соображений. Маги же в этом случае

заняты совершенно противоположным — они обращаются к своему прошлому, чтобы получить точку отсчета.

— Но разве не это делает каждый из нас? Именно за ней мы и обращаемся к прошлому.

— Нет! — ответил он с ударением. — Средний человек соизмеряет себя с прошлым, своим личным прошлым или прошлыми знаниями своего времени для того, чтобы найти оправдания своему поведению в настоящем или будущем, или для того, чтобы найти для себя модель. Только маги в своем прошлом действительно ищут точку отсчета.

— Может быть, дон Хуан, я лучше пойму все это, если ты расскажешь мне, что подразумевают маги под «точкой отсчета»?

— Для магов установить точку отсчета означает получить шанс изучения намерения, — ответил он. — Это и есть главная тема и цель нашей последней инструкции. И ничто не может помочь магу так хорошо увидеть намерение, как рассмотрение историй других магов, боровшихся за понимание этой же силы.

Он объяснил, что, исследуя свое прошлое, маги его линии тщательно просматривали основной абстрактный порядок своего учения.

— В магии имеется двадцать одно абстрактное ядро, — продолжал дон Хуан, — и существует множество основанных на этом магических историй о нагуалях нашей линии, боровшихся за понимание духа. Настало время познакомить тебя с абстрактными ядрами и историями магов.

Я ждал, что дон Хуан начнет рассказывать мне эти истории, но он сменил тему и вернулся к объяснению осознания.

— Погоди, — запротестовал я, — как насчет магических историй? Разве ты не собирался их рассказывать?

– Конечно, собирался, – сказал он. – Однако это не те истории, которые можно рассказывать как сказки. С их помощью ты должен обдумать свой путь, а затем оживить их.

Последовала долгая пауза. Я не решался настаивать, чтобы он рассказал мне эти истории, так как боялся совершить нечто такое, в чем сам потом стану раскаиваться. Но мое любопытство было сильнее здравого смысла.

– Ну, начинай их наконец, – пробурчал я.

Дон Хуан, очевидно, уловив ход моих мыслей, ехидно усмехнулся. Он встал и жестом велел мне следовать за собой. До сих пор мы сидели на сухих камнях на дне оврага. Был полдень, но небо было темным и облачным. Низкие, почти черные дождевые облака плыли над вершинами гор к востоку. По сравнению с ними, из-за высоких облаков, на юге небо казалось ясным. Ранее прошел сильный дождь, но потом он как будто спрятался в укромное место, оставив после себя лишь угрозу.

Было холодно, и я, казалось, должен был продрогнуть до костей. Но мне было тепло. Сжимая в руках кусочек скальной породы, который дал мне дон Хуан, я помнил, что это ощущение тепла при почти нулевой температуре хорошо мне знакомо, и все же оно снова и снова изумляло. Как только я начинал мерзнуть, дон Хуан давал мне поддержать ветку, камень, или клал пучок листьев мне под рубашку над грудью, и этого было достаточно, чтобы температура моего тела повысилась. Я пытался самостоятельно добиться такого же эффекта, но неудачно. Он объяснил, что меня согревают не эти манипуляции, а его внутреннее безмолвие, и что ветки, камни или листья – это лишь способ уловить мое внимание и сохранить его в фокусе.

Мы быстро поднялись по крутому западному склону горы и достигли скального выступа на самой вершине, которая находилась у подножия еще более высокой горной цепи. С выступа я мог видеть, как туман начинал надвигаться на южный край раскинувшейся под нами долины. Низкие клочковатые облака, сползая с черно-зеленых горных вершин на западе, казалось, вплотную придвинулись к нам.

После дождя под темным облачным небом долина и горы на востоке и на юге были покрыты мантией зеленовато-черной тишины.

– Это идеальное место для беседы, – сказал дон Хуан, садясь на каменный пол укромной мелкой пещеры.

Пещерка идеально подходила для того, чтобы мы могли сидеть там бок о бок. Наши головы почти касались свода, а спины удобно опирались о вогнутую поверхность каменной стены. Казалось, эту пещеру намеренно вытесали так, чтобы в ней уместились два человека нашей комплекции.

Я заметил еще одну странную особенность пещеры: когда я стоял на выступе, я мог видеть всю долину и линии гор к востоку и к югу, но когда я садился, то оказывался как бы затиснутым в скалах. При этом выступ находился на уровне пола пещеры и был плоским.

Я уже собирался указать дону Хуану на этот странный эффект, однако он меня опередил.

– Эта пещера сделана людьми. Выступ имеет некоторый уклон, но на глаз этого определить нельзя.

– Кто сделал эту пещеру, дон Хуан?

– Маги древности. Возможно, тысячи лет назад. И одной из особенностей этой пещеры является то, что животные, насекомые и даже люди никогда не навещают сюда. Видимо, маги древности наделили ее угрожающим зарядом, который заставляет все живые существа испытывать неудобство, находясь в ней.

Странно, но я непонятным образом чувствовал себя здесь счастливым и защищенным. Чувство физического удовольствия буквально заставляло трепетать мое тело. У меня было приятное, совершенно восхитительное ощущение в районе желудка. Это ощущение напоминало легкую щемотку.

– Я не чувствую никакого неудобства, – заметил я.

– Я тоже, – согласился он. – Это означает только то, что мы с тобой не слишком далеки по характеру от тех магов прошлого, что бесконечно меня беспокоит.

Я боялся развивать эту тему, поэтому подождал, пока он заговорит снова.

– Первая магическая история, которую я хочу рассказать тебе, называется «проявления духа», – начал дон Хуан. – Но пусть это название тебя не смущает. Проявления духа – это всего лишь первое абстрактное ядро, вокруг которого строится первая магическая история.

Это первое абстрактное ядро само по себе является историей. В ней говорится, что жил-был человек, обычный человек без особых свойств. Как и любой другой, он был проводником духа. И благодаря этому, как и любой другой, он был частью духа, частью абстрактного. Но он не знал этого. Повседневные дела так занимали его, что у него не было ни времени, ни желания серьезно подумать о таких вещах.

Дух безуспешно пытался проявить свою связь с ним. С помощью внутреннего голоса дух раскрывал свои секреты, но человек не был способен понять эти откровения. Естественно, он слышал внутренний голос, но он был уверен, что это его собственные чувства и мысли.

Чтобы вытряхнуть человека из его дремотного состояния, дух дал ему три знака, три последовательных проявления. Дух физически пересек путь человека самым очевидным образом. Но человек этот был рассеянным по отношению ко всему, кроме заботы о самом себе.

Дон Хуан остановился и взглянул на меня, как он делал, когда ждал моих замечаний или вопросов. Мне нечего было сказать. Я не понимал, к чему он ведет.

– Только что я рассказал тебе первое абстрактное ядро, – продолжал он. – Могу еще добавить, что по причине полного нежелания этого человека понимать, дух вынужден был применить

уловку³, и уловка стала сущностью пути магов. Но это уже другая история.

Дон Хуан объяснил, что маги понимали это абстрактное ядро как схему событий, или неоднократно повторяющуюся модель, которая проявлялась всякий раз, когда намерение указывало на что-то значительное. Таким образом, абстрактные ядра являются схемами полной цепи событий.

Он заверил меня, что каждая деталь каждого абстрактного ядра при помощи не поддающихся пониманию средств вновь и вновь повторялась каждому нагуаль-ученику. Далее он заверил меня, что он помог намерению вовлечь меня во все абстрактные ядра магии тем же способом, что и его бенефактор, нагуаль Хулиан, и все нагуали до него вовлекали своих учеников. Процесс, в котором каждый нагуаль-ученик встречает абстрактные ядра, создает серии историй, сотканных вокруг этих ядер и включающих особенности личности и обстоятельств каждого ученика.

Дон Хуан сказал, что у меня, например, тоже есть своя история о проявлении духа, у него – своя, у его бенефактора была своя собственная, как и у нагуаля, предшествовавшего ему, и так далее, и тому подобное.

Ничего не поняв, я спросил, какова же моя история о проявлении духа.

– Если среди воинов и есть человек, знающий все свои истории, то это ты, – ответил он. – Ведь ты все эти годы записывал их. Но ты не заметил абстрактных ядер, так как ты – практичный человек. Ты все делаешь лишь с целью усиления собственной практичности. И хотя ты записывал свои истории бесчисленное количество раз, ты не понимал, что в них есть абстрактное ядро. Поэтому все, что я делал, представляется тебе, как часто причудливая практическая деятельность – обучение магии нерадивого и порой просто глупого ученика. До тех пор, пока ты будешь, так смотреть на вещи, абстрактные ядра будут ускользать от тебя.

³ Trickery – обман, жульничество, надувательство

– Ты прости меня, дон Хуан, – сказал я, – но твои утверждения весьма противоречивы. Что ты имеешь в виду?

– Я пытаюсь представить магические истории, как предмет, как тему, – ответил он. – Я никогда не говорил с тобой на эту тему специально, потому что по традиции это остается скрытым. Это – последняя хитрость духа. Говорят, что, когда ученик начинает понимать абстрактные ядра, он как бы кладет последний камень, который венчает и скрепляет пирамиду.

Темнело, и казалось, что надвигается дождь. Я забеспокоился, что если пойдет дождь, а ветер будет дуть с востока, то мы промокнем в этой пещере. Я был уверен, что дон Хуан понимает это, но он, казалось, игнорировал это обстоятельство.

– Дождя не будет до завтрашнего утра, – сказал он. То, что я услышал ответ на свои мысли, заставило меня непроизвольно подскочить, и я ударился головой о потолок. Раздался глухой стук, и это было еще хуже того, что при этом я ушибся. Дон Хуан покатился со смеху. Тотчас ушибленное место заболело, и я стал массировать его.

– Твое общество доставляет мне столько же удовольствия, сколько мое, должно быть, в свое время доставляло моему бенефактору, – сказал он и снова засмеялся.

Несколько минут мы молчали. Тишина вдруг показалась мне зловещей. Мне почудилось, что я слышу шорох нависших облаков, спускающихся к нам с более высоких гор. Потом я понял, что это тихонько подул ветер. С моего места в пещере он казался похожим на шепот человеческих голосов.

– Я имел невероятно счастливую возможность быть учеником двух нагуалей, – сказал дон Хуан и нарушил гипнотическое воздействие, оказываемое на меня ветром. – Одним из них, разумеется, был мой бенефактор, нагуаль Хулиан, а другим был его бенефактор – нагуаль Элиас. Мой случай уникален.

– Почему уникален? – спросил я.

– Потому что из поколения в поколение нагуали начинали собирать учеников лишь через годы после того, как их собственные учителя покидали мир, – ответил он. – Исключением был мой бенефактор. Я стал учеником нагуаля Хулиана за восемь лет до того, как его бенефактор покинул мир. Эти восемь лет были для меня как дар. Это была самая большая удача, какую только можно было вообразить, так как у меня была прекрасная возможность учиться у двух противоположных по характеру людей. Это было похоже на то, как если бы тебя воспитывал сильный отец и еще более сильный дед, которые не сходятся во взглядах между собой. В этом споре всегда побеждал дед, поэтому я, собственно говоря, скорее продукт обучения нагуаля Элиаса. Я ближе к нему не только по темпераменту, но даже и по виду. Я бы сказал, что обязан ему своей тонкой настройкой. Однако большая часть работы по превращению меня из жалкого существа в безупречного воина была проделана моим бенефактором, нагуалем Хулианом.

– Опиши мне физический облик нагуаля Хулиана, – попросил я.

– Знаешь, мне до сегодняшнего дня трудно представить его, – сказал дон Хуан. – Я знаю, это прозвучит нелепо, но в зависимости от необходимости или обстоятельств он мог быть молодым или старым, привлекательным или невзрачным, истощенным и ослабевшим или сильным и мужественным, толстым или худым, или средней комплекции, среднего роста или коротышкой.

– Ты имеешь в виду, что он был актером и играл разные роли с помощью ухищрений?

– Нет, никаких ухищрений он не использовал, и был он не просто актером. Он был, конечно, своего рода великим актером, но дело совсем не в этом. Суть в том, что он был наделен даром трансформации и мог становиться диаметрально противоположными личностями. Актерский талант давал ему возможность изображать все мельчайшие детали поведения, что делало каждое частное существо реальным. Можно сказать, что он так же непринужденно менял личность, как ты каждый раз непринужденно меняешь одежду.

Я нетерпеливо попросил дона Хуана рассказать мне о превращениях его бенефактора побольше. Он сказал, что кто-то научил нагуалья Хулиана подобным превращениям, но продолжать рассказ об этом далее – означало бы перейти на другие истории.

– Как выглядел нагуаль Хулиан, когда он ни в кого не превращался? – спросил я.

– Могу сказать только, что перед тем, как он стал нагуалем, он был очень худым и мускулистым, – сказал дон Хуан. – У него были черные волосы, густые и вьющиеся, длинный красивый нос, крепкие большие белые зубы, овальное лицо, мощный подбородок и лучистые темно-карие глаза. Ростом он был около пяти футов восьми дюймов (173см). Он не был ни индейцем, ни даже смуглым мексиканцем, но не был и англосаксом. Фактически, он ни на кого не был похож, особенно в последние годы, когда цвет его кожи постоянно изменялся от очень темной до очень светлой, и опять до темной. Когда я встретил его впервые, он был смуглым стариком, затем со временем стал светлокожим молодым человеком, возможно, лишь на несколько лет старше меня. Мне же тогда было двадцать.

– Но если изумляли перемены его внешности, – продолжал дон Хуан, – то изменения его настроения и поведения, сопровождавшие их, изумляли еще больше. Например, когда он был толстым молодым человеком, он был веселым и чувствительным. Когда он превращался в худого старика, он становился мелочным и мстительным. Будучи старым толстяком, он воплощался в слабоумного.

– Был ли он когда-нибудь самим собой? – спросил я.

– Да, был, но совсем по-другому, чем я – собой, – ответил он. – Поскольку меня не интересуют превращения, я всегда один и тот же. Но он совсем не был похож на меня.

Дон Хуан посмотрел на меня, как бы оценивая мою внутреннюю силу. Он улыбнулся и, покачивая головой из стороны в сторону, разразился утробным смехом.

– Что тебя так рассмешило, дон Хуан? – спросил я.

– Дело в том, что ты все еще слишком скован и излишне щепетилен⁴, чтобы в полной мере оценить природу превращений моего бенефактора и весь их размах, – сказал он. – Мне остается только надеяться, что когда я тебе об этом рассказываю, тебя не охватывает патологический страх.

По какой-то причине я внезапно почувствовал себя очень неудобно и пожелал сменить тему разговора.

– Почему нагуалья называют «бенефактор», а не просто «учитель»? – нервно спросил я.

– Называя нагуалья бенефактором, ученики выражают свое к нему уважение, – сказал дон Хуан. – Нагуаль вызывает у своих учеников непреодолимое чувство благодарности. В конце концов, он формирует их и проводит сквозь невообразимые области.

Я заметил, что учить – это, по-моему, величайшее и самое альтруистическое действие, которое один человек может совершить для другого.

– Для тебя обучение – это разговоры о моделях поведения, – сказал он. – Для мага обучение – это то, что делает нагуаль для своих учеников. Ради них он имеет дело с главной силой во вселенной – намерением, силой, которая изменяет или перетасовывает вещи, или оставляет их такими, какие они есть. Нагуаль определяет, а затем направляет то влияние, которое эта сила может оказать на его учеников. Если бы нагуаль не придавал форму⁵ намерению, они не испытывали бы ни благоговейного страха, ни изумления. И его ученики, вместо того, чтобы отправиться в магическое путешествие к открытию, всего лишь обучались бы ремеслу целителя, колдуна, шарлатана или кого-нибудь еще.

– Ты можешь объяснить мне намерение? – спросил я.

– Единственный способ узнать намерение – это узнать его непосредственно через живую связь, которая существует между

⁴ Prudish – излишне щепетильный, стыдливый, ханжеский

⁵ Molding (от гл. to mold) – формование, лепка, делание по образцу

намерением и всеми чувствующими существами, — ответил он. — Маги называют намерение неопишным, духом, абстрактным, нагуалем. Я предпочел бы называть его нагуалем, но тогда это название совпало бы с именем лидера, бенефактора, который тоже зовется нагуалем. Поэтому я остановил свой выбор на названии «дух», «намерение», «абстрактное».

Внезапно дон Хуан прервал разговор и посоветовал мне помолчать и подумать над тем, что он только что сказал. Тем временем сильно стемнело. Тишина была такой глубокой, что вместо того, чтобы успокаивать, она возбуждала, и я не мог упорядочить мысли. Я пытался сфокусировать внимание на истории, которую он мне рассказал, но вместо этого думал о чем угодно другом, пока, в конце концов, не заснул.

Безупречность нагуаля Элиаса

Не знаю, сколько времени я проспал в этой пещере. Голос дон Хуана заставил меня вздрогнуть, и я проснулся. Он говорил, что первая магическая история, касающаяся проявлений духа, является рассказом о взаимоотношении между намерением и нагуалем. О том, как дух увлекает нагуаля, будущего ученика, и о том, как нагуаль должен оценивать его приманки, решая, принять их или отвергнуть.

В пещере было очень темно, маленькое пространство ощущалось весьма ограниченным. В обычном состоянии его размеры вызвали бы у меня приступ клаустрофобии, но сейчас пещера действовала успокаивающе, рассеивала чувство раздражения и досады. И еще что-то в ее конфигурации поглощало эхо голоса дон Хуана.

Дон Хуан объяснил, что каждое действие, совершаемое магами, особенно нагуалями, направлено или на усиление звена, связывающего их с намерением, или является реакцией, вызванной самим звеном. Поэтому маги, а особенно нагуали, должны всегда

быть бдительны к проявлениям духа. Такие проявления назывались жестами духа или просто указаниями и знаками.

Он повторил историю, которую я уже слышал от него, – рассказ о его встрече со своим бенефактором, нагуалем Хулианом.

Двое проходимцев соблазнили дона Хуана пойти работать на отдаленную гасиенду. Один из них, надсмотрщик гасиенды, подчинил себе дона Хуана и, фактически, сделал его рабом.

Будучи в отчаянном положении и не имея другого выхода, дон Хуан бежал. Разъяренный надсмотрщик погнался за ним, и, поймав его на сельской дороге, выстрелил дону Хуану в грудь, бросив его умирать. Дон Хуан лежал без сознания на дороге, истекая кровью, когда мимо проходил нагуаль Хулиан. Используя свой дар целителя, он остановил кровотечение забрал находившегося без сознания дона Хуана домой и вылечил его.

Нагуаль Хулиан получил относительно дона Хуана такие указания духа, как, во-первых, маленький смерч, который поднял конус пыли на дороге в паре ярдов от лежащего дона Хуана. Вторым знаком была мысль, пришедшая Нагуалю в голову за мгновение до того, как он услышал выстрел в нескольких ярдах от себя: «Настало время найти ученика-нагуаля». Несколькими секундами позже дух дал ему третий знак: когда он побежал, чтобы спрятаться, то столкнулся с убийцей и обратил его в бегство, таким образом, помешав ему выстрелить в дона Хуана вторично. Неожидавшее столкновение с кем-либо – грубая ошибка, которую ни маги, ни тем более нагуали, не должны допускать никогда.

Нагуаль Хулиан немедленно оценил удобный случай. Когда он увидел дона Хуана, то понял причину такого проявления духа; это был «двойной» человек, идеальный кандидат в ученики-нагуали.

Это вызвало у меня придирчивый рациональный интерес. Я захотел узнать, могут ли маги ошибочно интерпретировать знаки. Дон Хуан ответил, что хотя мой вопрос звучит совершенно законно, он все же неуместен, как и большинство моих вопросов, потому что я задаю их, основываясь на своем опыте повседневной жизни. Поэтому они всегда касаются испытанных процедур, предписанных шагов и

детальных правил, но не имеют ничего общего с предпосылками магии. Он ответил, что недостатком моих рассуждений является то, что я не включаю в них свой опыт из мира магов.

Я возразил, что лишь очень небольшое из моего опыта в мире магов имеет непрерывность, и поэтому я не могу воспользоваться этим опытом в своей повседневной жизни. Лишь несколько раз, и то только тогда, когда я был в состоянии глубоко повышенного осознания, я вспоминал все. На обычно достигаемом мною уровне повышенного осознания единственным опытом, в котором имелась непрерывность между прошлым и настоящим, было мое знакомство с ним.

Он резко ответил, что я вполне способен привлекать магическое осмысление, поскольку уже испытал предпосылки магии в обычном состоянии осознания. Более мягким тоном он добавил, что повышенное осознание не открывает всего до тех пор, пока все здание магического знания не будет выстроено целиком.

Затем он ответил на мой вопрос о том, ошибаются ли маги в толковании знаков. Он объяснил, что когда маг истолковывает знак, он знает его точное значение, не имея ни малейшего понятия о том, откуда приходит это знание. Это одно из ставящих в тупик следствий связующего звена с намерением. Маги обладают чувством знания вещей напрямую. Степень их уверенности зависит от силы и чистоты их связующего звена.

Он сказал, что чувство, которое называют «интуиция» — это активизация нашей связи с намерением. И поскольку маги целенаправленно стремятся к пониманию и усилению этой связи, то можно сказать, что они интуитивно постигают все безошибочно и точно. Истолкование знаков — обычное дело для магов. Ошибки случаются лишь в случае вмешательства личных чувств, затуманивающих связь мага с намерением. В других случаях их непосредственное знание функционально и безошибочно.

Некоторое время мы молчали.

Внезапно он сказал:

– Я хочу рассказать тебе историю о нагуале Элиасе и проявлении духа. Дух проявляет себя магу на каждом повороте, и особенно сильно это касается нагуалей. Но это еще не все. На самом деле дух открывает себя с одинаковой интенсивностью и постоянством любому человеку, но только маги, в частности нагуали, настроены на подобные откровения.

Дон Хуан рассказал, как однажды нагуаль Элиас ехал на своей лошади в город и решил сократить путь, направив лошадь через кукурузное поле. Внезапно его лошадь шарахнулась, испуганная низко и быстро промелькнувшим соколом. Сокол пролетел всего лишь в нескольких дюймах от соломенной шляпы нагуаля. Тот немедленно спешился и стал озираться вокруг. Между высокими кукурузными стеблями он увидел странного молодого человека. Этот человек был одет в дорогой темный костюм и поэтому казался здесь совершенно чужим. Нагуалю Элиасу был привычен вид крестьян или землевладельцев, но он никогда не видел элегантно одетого горожанина, с явным пренебрежением к своему дорогому костюму и обуви идущего по полям.

Нагуаль стреножил лошадь и пошел в сторону молодого человека. В полете сокола, как и в одежде мужчины, он узнал явные проявления духа, пренебречь которыми было невозможно. Он подошел совсем близко к молодому человеку и тут увидел, что тот преследовал юную крестьяночку, которая бежала несколькими ярдами впереди него, увертываясь и смеясь. Было совершенно ясно, что эти двое прыгающих по кукурузному полю людей никак не могли принадлежать друг другу.

Нагуаль подумал, что мужчина мог быть сыном землевладельца, а женщина – служанкой в доме. Ему стало неловко наблюдать за ними, и он собирался повернуться и уйти, но тут через поле снова пронесся сокол и на этот раз коснулся головы молодого человека. Птица спугнула парочку, они остановились и посмотрели вверх, пытаясь угадать, когда сокол пролетит еще раз. Нагуаль отметил, что мужчина красив и что глаза у него быстрые и беспокойные.

Потом парочке надоело наблюдать за соколом, и они вернулись к своей игре. Мужчина поймал женщину, обнял и мягко уложил на землю. Нагуаль предполагал, что они займутся любовью, но вместо этого тот снял свою одежду и стал дефилировать перед женщиной в обнаженном виде.

Она не закрыла глаза от смущения, не вскрикнула от стыда или страха. Загипнотизированная чарами обнаженного мужчины она только хихикала, а он прыгал вокруг нее, как сатир, делая непристойные жесты и смеясь. В конце концов, явно побежденная этим зрелищем, она издала дикий крик, вскочила и бросилась в объятия молодого человека.

Нагуаль Элиас признавался дону Хуану, что указания духа в такой ситуации совершенно сбивали с толку. Было очевидно, что этот человек – сумасшедший. В противном случае, зная, как крестьяне оберегают своих женщин, он не мог бы решиться соблазнить юную крестьянку среди бела дня в нескольких ярдах от дороги, да еще и обнаженным.

Дон Хуан рассмеялся и сказал мне, что в те дни снять одежду и вступить в сексуальные отношения среди бела дня в таком месте мог только сумасшедший или человек, благословленный духом. Он добавил, что хоть это и не является чем-то необычным в наше время, но тогда – около ста лет назад, люди были несравненно более сдержанными.

Все это с первого взгляда убедило нагуаля Элиаса, что молодой человек был одновременно и сумасшедшим, и благословленным духом. Он беспокоился, что случись здесь крестьяне, они в бешенстве линчуют парня на месте. Но никого не было. Нагуалю казалось, что время как бы остановилось.

Когда молодой человек закончил заниматься любовью, он оделся, достал носовой платок и тщательно смахнул пыль со своей обуви. Все время давая девушке какие-то дикие обещания, он направился своим путем. Нагуаль Элиас последовал за ним.

Он следил за ним несколько дней и узнал, кто он такой. Его звали Хулиан, и был он актером.

Впоследствии Нагуаль видел его на сцене достаточно часто и понял, что актер явно отмечен харизматическим даром. Публика, особенно женщины, любили его, и он без стеснения использовал свой дар для соблазнения женщин. Следуя за ним, Нагуаль не раз был свидетелем того, как актер использовал свою технику обольщения. Оставаясь наедине со своими обожательницами, он демонстрировал себя обнаженным и ждал, пока ошеломленная этим женщина не сдавалась сама. Его техника была чрезвычайно эффективной. Нагуаль должен был признать, что актер преуспевал во всем, кроме одной весьма существенной вещи: он был смертельно болен. Нагуаль видел черную тень смерти, которая повсюду следовала за ним.

Дон Хуан еще раз повторил мне то, что объяснял несколько лет назад: наша смерть – это темное пятно чуть позади левого плеча. Маги знают, когда человек близок к смерти, потому что могут видеть похожее на движущуюся тень темное пятно, такое же по форме и размеру, как человек, которому оно принадлежит.

Осознание неотвратимого присутствия смерти смутило Нагуаля. Он удивлялся, как дух мог отметить столь больную личность. Его учили, что при естественном положении вещей превалирует замена, а не ремонт. Кроме того, Нагуаль сомневался, что у него хватит сил и способностей исцелить этого юношу или оказать сопротивление черной тени его смерти. Он сомневался даже в том, сможет ли понять, зачем дух вовлек его в столь очевидно бессмысленную ситуацию.

Нагуалю ничего не оставалось, как следовать за актером и ждать возможности глубже разобраться в происходящем.

Дон Хуан объяснил, что первой реакцией нагуаля при непосредственном столкновении с проявлениями духа является стремление видеть всех вовлеченных в ситуацию людей. Нагуаль Элиас с момента встречи с этим человеком тщательно заботился о том, чтобы видеть его. Видел он также и крестьянку, которая также была частью поданного духом знака. Но увидеть что-нибудь такое, что, по его мнению, гарантировало бы проявление духа, ему не удавалось.

Однако в процессе наблюдения очередного соблазнения способность Нагуаль видеть обрела новую глубину. На этот раз поклонницей актера была дочь богатого землевладельца, и с самого начала она полностью контролировала ситуацию. Нагуаль узнал об их свидании, подслушав, как она сама предлагала актеру встретиться на следующий день. Нагуаль спрятался напротив ее дома и на рассвете увидел, как юная женщина вышла из дома и, вместо того, чтобы отправиться к ранней мессе, пошла на встречу с актером. Актер ждал ее, и она уговорила его последовать за ней в открытое поле. Он явно колебался, но она высмеяла его и не позволила уклониться от свидания.

Пока Нагуаль наблюдал, как они потихоньку уходили, у него появилась абсолютная уверенность в том, что в этот день непременно должно случиться нечто такое, чего никто из участников не ожидал. Он увидел, что черная тень актера выросла почти в два раза выше него самого. Заметив жесткий таинственный взгляд молодой женщины, Нагуаль сделал вывод, что и она на интуитивном уровне чувствует черную тень смерти. Актер казался погруженным в себя. Он не смеялся, как обычно.

Они прошли некоторое расстояние. В какой-то момент они заметили, что Нагуаль следует за ними, но он немедленно притворился работающим на земле местным крестьянином. Парочка успокоилась, и это позволило Нагуалью подойти поближе. Затем наступила минута, когда актер сбросил одежду и показал себя девушке. Однако вместо того, чтобы лишиться чувств и упасть в его объятия, как другие покоренные им девушки, она вдруг начала бить его. Она безжалостно пинала его ногами и наступала на босые пальцы ног, заставив его кричать от боли.

Нагуаль знал, что этот мужчина не станет бить молодую женщину или даже угрожать ей. Он не поднял на нее и пальца. Дралась только она одна. Он лишь пытался парировать ее удары и настойчиво, но без энтузиазма пытался соблазнить ее, показывая ей свои гениталии.

Нагуаль был возмущен и восхищен одновременно. Он понимал, что актер был безнадежным распутником, но так же хорошо он

понимал, что в этом человеке было нечто уникальное, хотя и отвратительное. Все это мешало Нагуалью увидеть, что связующее звено этого человека с духом было необыкновенно чистым.

В конце концов, атака закончилась. Женщина перестала бить актера. Но вдруг, вместо того чтобы убежать, она сдалась, легла и сказала, что актер может делать с ней свое дело.

Нагуаль заметил, что мужчина так выдохся, что почти терял сознание. Однако, несмотря на совершенно изнуренное состояние, он решился и завершил соблазнение.

Нагуаль засмеялся и подумал о бесполезности огромной жизненной силы и решительности актера, как вдруг женщина закричала, а актер начал задыхаться.

Нагуаль увидел, как черная тень поразила актера. Это выглядело подобно кинжалу, попавшему острием точно в просвет.

В этом месте дон Хуан отвлекся, чтобы уточнить то, что он уже объяснял прежде: он описал просвет, щель в нашей светящейся оболочке на высоте пупка, куда непрерывно ударяет сила смерти. Теперь дон Хуан объяснил, как смерть ударяет здоровое существо: она делает это мягко, подобно легкому тычку кулаком. Но когда существо умирает, смерть бьет кинжалоподобным ударом.

Таким образом, нагуаль Элиас знал без малейшего сомнения, что актер был так же хорош, как и мертв, и что эта смерть автоматически завершает его собственный интерес к предначертаниям духа. Предначертаний больше не оставалось: смерть уравнивала все.

Он поднялся из своего укрытия и собирался уйти, но что-то заставило его помедлить — и это было спокойствие молодой женщины. Она беспечно надевала какую-то снятую прежде одежду, нестройно насвистывая, как будто ничего не случилось.

И тогда Нагуаль увидел, что тело мужчины, поддавшись смерти, сбросило защитный покров и обнаружило свою истинную природу. Это был двойной человек с огромными ресурсами,

способный создавать экран для защиты или маскировки – прирожденный маг и идеальный кандидат в нагуали-ученики, – если бы только не был кандидатом для черной тени смерти.

Это зрелище было для Нагуаля совершенной неожиданностью. Теперь предназначения духа стали полностью ясными, но он все еще не мог понять, как такой никуда не годный человек мог вписаться в магическую схему.

Тем временем женщина встала и пошла прочь, даже не взглянув на мужчину, чье тело корчилось в предсмертных судорогах.

Тогда Нагуаль увидел ее свечение и осознал, что ее крайняя агрессивность была вызвана громадным потоком чрезмерной неконтролируемой энергии. Он убедился, что если она не направит эту энергию на разумные цели, та возьмет над ней верх, и невозможно описать, сколько бед это ей принесет.

Когда Нагуаль увидел, как беспечно она уходит, он понял, что дух дал ему еще одно проявление. Ему нужно было быть спокойным и бесстрастным. Нужно было действовать так, как если бы ему нечего было терять, и решительно вмешаться. В истинных традициях нагуалей он решил бороться за невозможное, имея в свидетелях лишь дух.

Дон Хуан отметил, что в таких ситуациях проверяется, является ли нагуаль истинным или фальшивым. Нагуаль принимает решение. Он не заботится о последствиях, а просто действует или нет. Самозванцы обдумывают, взвешивают и становятся парализованными. Приняв свое решение, нагуаль Элиас спокойно направился к умирающему и вначале сделал то, к чему его подтолкнуло тело, а не разум – ударил по точке сборки мужчины и сместил его в состояние повышенного осознания. Он неистово бил его снова и снова, пока, наконец, точка сборки не пришла в движение. Используя силу самой смерти, удары Нагуаля заставили точку сборки переместиться в такое положение, где смерть уже не имела значения, – и тогда он перестал умирать.

К тому моменту, когда актер начал дышать, Нагуаль стал осознавать степень своей ответственности. Если этот человек сможет отразить силу своей смерти, ему необходимо будет оставаться в состоянии глубоко повышенного осознания, пока смерть не будет окончательно отражена. Прогрессирующее ухудшение его физического состояния означало, что его нельзя сдвигать с места, иначе он немедленно умрет. Нагуаль сделал единственную возможную в этих обстоятельствах вещь: он построил вокруг его тела хижину. Затем в течение трех месяцев он нянчился с полностью неподвижным человеком.

Тут меня охватили рациональные сомнения, и вместо того, чтобы продолжать слушать рассказ дона Хуана, я захотел узнать, как нагуаль Элиас смог построить хижину на чужой земле. Я знал страсть сельских жителей к земле и сопутствующее ей чувство земельной собственности.

Дон Хуан заметил, что и его в свое время это очень заинтересовало. И нагуаль Элиас объяснил, что возможным это сделал сам дух. Так бывает со всем, что предпринимает нагуаль, при условии, что он следует предначертаниям духа.

Первое, что сделал нагуаль Элиас, когда актер снова начал дышать – это побежал следом за молодой женщиной. Она была важной частью проявления духа. Он настиг ее не очень далеко от места, где лежал еле живой актер. Вместо того, чтобы говорить ей о бедственном положении мужчины и пытаться убедить ее помочь ему, он снова принял на себя полную ответственность за свои действия и прыгнул на нее, как лев, нанеся ей мощный удар по точке сборки. Они оба, и она, и актер, были способны устоять перед ударами жизни или смерти. Ее точка сборки сместилась, но, сдвинувшись с места, начала беспорядочно перемещаться.

Нагуаль отнес девушку туда, где лежал молодой актер. Затем он потратил целый день, пытаясь спасти ее от потери рассудка, а мужчину – от потери жизни.

Когда он вполне удостоверился в некоторой степени контроля над событиями, то пошел к отцу девушки и сказал, что в его дочь

попала молния, в результате чего она на время сошла с ума. Он привел отца к месту, где она лежала, и сказал, что неизвестный молодой человек принял полный заряд молнии на свое тело и спас девушку от неминуемой смерти, но сам пострадал до такой степени, что его нельзя сдвигать с места.

Благодарный отец помог Нагуалью построить хижину для человека, который спас его дочь. И за три месяца Нагуаль совершил невозможное. Он исцелил молодого человека.

Когда пришло время уходить, чувство ответственности Нагуаля и его долг потребовали предупредить молодую женщину о ее чрезмерной энергии и о вредных последствиях этого для ее жизни и благополучия. Он предложил ей присоединиться к миру магов, так как только это может стать защитой против ее саморазрушающей силы.

Женщина не отвечала, и Нагуаль вынужден был сказать ей то, что каждый нагуаль во все времена говорит своим будущим ученикам: маги говорят о магии, как о волшебной таинственной птице, которая на мгновение останавливает свой полет, чтобы дать человеку надежду и цель. Что маги живут под крылом этой птицы, которую они называют птицей мудрости, птицей свободы, что они питают ее своей преданностью и безупречностью. Он рассказал ей, что маги знают: полет птицы свободы – это всегда прямая линия, у нее нет возможности сделать круг, нет возможности поворачивать назад и возвращаться; и что птица свободы может сделать только две вещи: взять магов с собой или оставить их позади.

Поговорить об этом и с молодым актером нагуаль Элиас не смог: тот все еще был очень болен. У молодого человека не было большого выбора. Нагуаль только сказал ему, что если он хочет вылечиться, то должен безоговорочно следовать за ним. Актер принял условия немедленно.

В день, когда нагуаль Элиас и актер собирались отправиться домой, молодая женщина молча ждала на окраине городка. У нее не было ни чемодана, ни даже корзины. Казалось, она просто вышла проводить их. Нагуаль прошел, не глядя на нее, но актер, которого

несли на носилках, сделал попытку попроситься. Она засмеялась и, не говоря ни слова, присоединилась к партии нагуалья. У нее не было ни сомнений, ни проблем насчет того, что она все оставляет позади. Она превосходно понимала, что у нее не будет другого шанса, что птица свободы или уносит магов с собой, или оставляет их позади.

Дон Хуан заметил, что в этом не было ничего удивительного. Сила личности Нагуалья была столь сокрушающей, что он был практически неотразим. Нагуаль Элиас имел глубокое влияние на этих двух людей. На протяжении трех месяцев он ежедневно взаимодействовал с ними и приучил их к своей последовательности, беспристрастности, объективности. Они были очарованы его уравновешенностью и, превыше всего, его полной им преданностью. Посредством своих действий и своего примера нагуаль Элиас дал им устойчивый взгляд на мир магов как на воспитывающий и поддерживающий, хотя и крайне требовательный. Это был мир, в котором допускалось очень немного ошибок.

Затем дон Хуан напомнил мне о том, что я слышал от него уже много раз, но о чем постоянно ухитрялся не думать. Он сказал, что я не должен забывать даже на мгновение, что у птицы свободы совсем немного терпения к нерешительности, и что если она улетает, то не возвращается никогда.

Вызвавший озноб резонанс его голоса немедленно взорвал безотлагательностью царившую лишь мгновение назад вокруг нас мирную темноту.

Дон Хуан вызвал обратно эту мирную темноту так же быстро, как и вызвал безотлагательность. Он легонько ткнул меня кулаком в плечо.

— Та женщина была так могущественна, что могла заставить танцевать под свою дудку кого угодно, — сказал он. — Ее звали Талиа.

Стук Духа

Абстрактное

Ранним утром мы вернулись в дом дона Хуана. Нам пришлось долго спускаться с горы, потому что я боялся в темноте оступиться в пропасть, и дон Хуан должен был то и дело останавливаться, чтобы восстановить сбитое от смеха надо мной дыхание.

Я смертельно устал, но уснуть не мог. Перед полуднем начался дождь. Звуки сильного ливня, барабанившего по черепичной крыше, вместо того, чтобы заставить меня почувствовать сонливость, окончательно прогнали даже следы сна.

Я встал и вышел поискать дона Хуана. Он дремал, сидя в кресле. Когда я подошел, он полностью проснулся. Я поздоровался.

– Похоже, у тебя нет проблем с бессонницей, – отметил я.

– Когда ты испуган или расстроен, не пытайся уснуть лежа, – сказал он, не глядя на меня. – Спи, сидя в мягком кресле, как это делаю я.

Однажды он посоветовал мне, если я хочу дать своему телу здоровый отдых, долго дремать лежа на животе, повернув лицо влево и свесив с кровати ступни ног. Чтобы не замерзнуть, по его совету, нужно было положить мягкую подушку на плечи, но не на шею, а также надеть теплые носки или просто не снимать обувь.

Впервые услышав этот совет, я подумал, что он шутит, но позже понял, что это не так. Сон в таком положении помогал мне отдохнуть исключительно хорошо. Когда я поделился с ним удивительными результатами, он посоветовал, чтобы я всегда точно следовал его указаниям, не заботясь о том, верю я ему или нет.

Я сказал дону Хуану, что он мог бы еще прошлой ночью сказать мне о сне в сидячем положении. Я объяснил, что, кроме крайней

усталости, причиной моей бессонницы была странная озабоченность по поводу того, что он рассказал мне в пещере магов.

– Ты это брось! – воскликнул он. – Ты видел и слышал бесконечно более беспокоящие вещи, не лишаясь при этом сна. Тебя беспокоит что-то другое.

Вначале я подумал, что он имеет в виду мою неискренность при рассказе о своей озабоченности. Я хотел было объясниться, но он продолжал говорить, пропустив мимо ушей мои слова.

– Прошлой ночью ты категорически заявил, что в пещере ты чувствуешь себя хорошо. Но это явно не так. Прошлой ночью я не стал больше говорить о пещере, чтобы понаблюдать за твоей реакцией.

Дон Хуан объяснил, что пещера была сделана магами древности, чтобы служить катализатором. Ее форма была тщательно продумана так, чтобы вместить двух людей как два энергетических поля. Согласно теории магов, природа скалы и способ, которым была высечена пещера, позволяли двум телам, двум светящимся шарам, переплетать свои энергии.

– Я специально взял тебя в эту пещеру, – продолжал он, – не потому, что мне нравится это место, – нет, оно мне не нравится, – но потому, что она создана как инструмент, чтобы толкнуть ученика глубоко в повышенное осознание. Но, к сожалению, помогая, она также и затуманивает вещи. Маги древности не предавались размышлениям. Они склонялись к действию.

– Ты всегда говорил, что твой бенефактор был такого же типа, – сказал я.

– Я преувеличивал, – ответил он. – Это примерно то же самое, как когда я говорю тебе, что ты – дурак. Мой бенефактор был современным нагуалем, занятым поисками свободы, но он всегда предпочитал действия вместо размышлений. Ты – современный нагуаль, занятый таким же поиском, но ты сильно тяготеешь к заблуждениям разума.

Его сравнение явно показалось ему чрезвычайно забавным; в пустой комнате зазвучало эхо его хохота.

Когда я попытался вновь заговорить о пещере, он сделал вид, что не слышит меня. По блеску его глаз и по тому, как он улыбался, я знал, что он притворяется.

— Прошлой ночью я намеренно сообщил тебе первое абстрактное ядро, — сказал он, — с надеждой, что, размышляя над тем, что я делал с тобой все эти годы, ты получишь представление и о других ядрах. Ты пробыл со мной долгое время, так что знаешь меня очень хорошо. Каждую минуту нашего общения я пытался согласовывать свои действия и мысли с моделями абстрактных ядер.

История нагуаля Элиаса — другое дело. Хотя она кажется рассказом о человеке, на самом деле она является рассказом о намерении, которое воздвигает перед нами здания и приглашает войти в них. Это способ понимания магами того, что происходит вокруг них.

Дон Хуан напомнил мне, что я всегда упорно старался найти основополагающий порядок во всем, что он говорил мне. Я подумал, что он критикует меня за мою попытку превратить все, чему он учил меня, в проблему социальной науки. Я начал было оправдываться, что мои взгляды изменились под его влиянием. Он остановил меня и улыбнулся.

— Ты, действительно, не очень понятлив, — сказал он и вздохнул. — Я хотел бы, чтобы ты понял основополагающий порядок того, чему я учу тебя. Мои возражения направлены против твоего понимания природы этого порядка. Тебе кажется, что это какие-то тайные процедуры или скрытая последовательность. Для меня же это означает две вещи: здание, которое намерение возводит в мгновение ока и помещает перед нами, приглашая войти, и знаки, которые оно дает нам, чтобы, находясь там, мы не заблудились.

— Ты мог бы заметить, что история нагуаля Элиаса — это более чем просто перечисление последовательных деталей, из которых состоит событие, — сказал он. — За всем этим стоит здание намерения. И мой рассказ имел своей целью дать тебе

представление о том, что представляли собой нагуали прошлого. Ты должен узнать, как они действовали с целью согласовать свои мысли и действия с сооружениями намерения.

Последовало длительное молчание. Мне нечего было сказать. Чтобы не дать угаснуть беседе, я сказал первое, что пришло мне в голову. Я сказал, что после услышанных мною историй о нагуале Элиасе, у меня сложилось о нем очень благоприятное впечатление. Мне нравился нагуаль Элиас, но что касается нагуаля Хулиана, то по непонятным причинам все, что говорил о нем дон Хуан, ужасно меня беспокоило.

Одно упоминание об этом дискомфорте привело дону Хуана в восторг. Он вынужден был встать со стула, чтобы не задохнуться от смеха. Положив мне руки на плечи, он сказал, что мы обычно или любим, или ненавидим тех, кто является отражением нас самих.

И опять глупая застенчивость удержала меня от вопроса о том, что он имеет в виду. Дон Хуан снова засмеялся, явно понимая мое настроение. Наконец, он заметил, что нагуаль Хулиан был похож на ребенка, чья собранность и выдержка всегда приходят извне. Если отбросить его практику как ученика магии, то у него совсем не было никакой внутренней дисциплины.

Я почувствовал иррациональное желание защищаться. Я сказал дону Хуану, что моя дисциплина пришла как раз изнутри.

– Конечно, – сказал он покровительственно. – Не можешь же ты надеяться быть в точности похожим на него.

И он снова рассмеялся.

Иногда дон Хуан настолько выводил меня из себя, что я был готов заорать на него. Правда, такое настроение никогда не было продолжительным. И теперь оно рассеялось так быстро, что мною тут же овладела другая мысль. Я спросил дону Хуана, возможно ли, чтобы я входил в повышенное осознание, не сознавая этого? Или, может быть, я оставался в нем в течение нескольких дней?

– На этой стадии тыходишь в повышенное осознание целиком самостоятельно, – сказал он. – Повышенное осознание – тайна только для нашего разума. На практике оно очень просто. Мы сами усложняем это, как и все остальное, стараясь сделать окружающую нас беспредельность имеющей смысл⁶.

Он заметил, что вместо бесполезного спора о своей персоне я должен думать о данном мне абстрактном ядре.

Я сказал ему, что думал о нем все утро и пришел к выводу, что метафорической темой истории были проявления духа. Только вот я не разобрался, где было то абстрактное ядро, о котором он говорил. Должно быть, это было нечто невыразимое.

– Я повторяю, – сказал он тоном школьного учителя, вдалбливающего что-то своим ученикам, – проявления духа – это название первого абстрактного ядра в магических историях. То, что маги считают абстрактным ядром, явно ускользает от тебя в данный момент. Эту ускользающую от тебя деталь маги называют зданием намерения, или безмолвным голосом духа, или скрытым порядком абстрактного.

Я сказал, что понимаю «скрытое» как нечто утаенное, как в «скрытом мотиве». Он ответил, что в данном случае «скрытое» значит больше: оно означает знание без слов вне нашего непосредственного понимания и, в особенности, – моего. Он допустил, что знание, на которое он ссылается, недостижимо для меня лишь на данный момент, но не выше моих предельных возможностей понимания.

– Если абстрактные ядра выше моего понимания, тогда какой смысл говорить о них? – спросил я.

– Правило гласит, что абстрактные ядра и магические истории должны быть рассказаны тебе именно на этом этапе, – сказал он. – И однажды скрытый порядок абстрактного, который есть знание без слов, или здание намерения, заложенное в эти истории, раскроют тебе сами эти истории.

⁶ Reasonable – разумный, рациональный, здравый, обоснованный, приемлемый

Я все еще не понимал.

– Скрытый порядок абстрактного – это не просто порядок, в котором были преподнесены тебе абстрактные ядра, – объяснил он, – и не то, что в них есть общего, и даже не соединяющая их ткань. Пожалуй, это есть знание абстрактного напрямую, без вмешательства языка.

Он молча рассматривал меня с головы до ног с явной целью видеть меня.

– Да, это пока еще не очевидно для тебя, – заявил он и жестом выразил свое нетерпение, как если бы я досаждал ему своей медлительностью.

Я встревожился. Обычно дон Хуан не был склонен к демонстрации психологического неудовольствия.

– Это не имеет отношения к тебе или твоим действиям, – сказал он, когда я спросил о причине его недовольства и разочарования. – Это была мысль, которая пришла мне в голову, когда я видел тебя. В твоём светящемся существе есть такая черта, за которую дорого заплатили бы маги древности.

– Скажи мне, что это, – потребовал я.

– Я напомню тебе об этом как-нибудь в другой раз, – сказал он. – Давай продолжим об элементе, который толкает нас вперед⁷ – об абстрактном. Это элемент, без которого не может быть ни пути воина, ни даже самого воина в поиске знания.

Он сказал, что испытываемые мною трудности не являются для него новостью. Через те же мучения в процессе понимания скрытого порядка абстрактного прошел и он сам. Если бы не помощь нагуаля Элиаса, он закончил бы тем же, что и его бенефактор – всевозможные действия и очень мало понимания.

– Как выглядел нагуаль Элиас? – спросил я, чтобы сменить тему.

⁷ То propel – толкать вперед, двигать, ускорять, побуждать

– Он совсем не был похож на своего ученика, – сказал дон Хуан. – Это был индеец, очень темный и массивный, с резкими чертами, орлиным носом, маленькими черными глазами, густыми черными волосами совершенно без седины. Он был ниже ростом, чем нагуаль Хулиан, с большими руками и ногами. Он был очень скромный и очень мудрый, но в нем не было огня. По сравнению с моим бенефактором он казался тусклым. Всегда весь в себе, обдумывающий тот или иной вопрос. Нагуаль Хулиан имел обыкновение шутить, что его учитель давал мудрость тоннами. За спиной он обычно называл его «нагуаль Тоннаж».

– Я не видел смысла в его шутках, – продолжал дон Хуан. – Для меня нагуаль Элиас был подобен дуновению свежего ветра. Он обычно объяснял мне все с невероятным терпением. Очень похоже на то, как я объясняю тебе, но, возможно, чуть больше чего-то еще. Я бы назвал это не состраданием, но скорее сочувствием. Воины не способны чувствовать сострадание, потому что они не испытывают жалости к самим себе. Без движущей силы жалости к себе сострадание бессмысленно.

– Не хочешь ли ты сказать, дон Хуан, что воин всегда сам по себе?

– В известном смысле, да. Для воина все начинается и заканчивается собой. Однако контакт с абстрактным приводит его к преодолению чувства собственной значимости (значительности). Затем его «я» становится абстрактным и неличным.

– Нагуаль Элиас считал, что наши жизни и личности весьма похожи, – продолжал дон Хуан. – Из-за этого он чувствовал себя обязанным помогать мне. Я не замечаю такого сходства с тобой, поэтому, думаю, я отношусь к тебе во многом так же, как относился ко мне нагуаль Хулиан.

Дон Хуан сказал, что нагуаль Элиас взял его под свое крыло с того самого дня, как он появился в доме своего бенефактора. Нагуаль Элиас стал объяснять ему все, что происходило во время его ученичества, даже если дон Хуан не мог понять его объяснений. Его стремление помогать дону Хуану было таким сильным, что он

практически сделал его своим пленником. Таким образом он защищал его от резких яростных атак нагуалья Хулиана.

– Вначале я имел обыкновение оставаться в доме нагуалья Элиаса все время, – продолжал дон Хуан. – И мне это нравилось. В доме своего бенефактора я постоянно был настороже, был бдительным, боясь того, что он может выкинуть со мной в следующий момент. Но в доме нагуалья Элиаса я чувствовал себя уверенно и легко.

Мой бенефактор безжалостно давил на меня, и я не мог понять, почему он так сильно на меня давит. Я думал, что этот человек просто сумасшедший.

Дон Хуан сказал, что нагуаль Элиас был индейцем из штата Оахака и что его учитель, нагуаль по имени Розендо, был родом из тех же мест. Дон Хуан описал нагуалья Элиаса как очень консервативного человека, оберегающего свое одиночество. И, тем не менее, он был знаменитым целителем и магом не только в Оахаке, но и во всей Южной Мексике. Несмотря на свою известность, он жил в полной изоляции на противоположном конце страны, в Северной Мексике.

Дон Хуан замолчал. Подняв брови, он вопрошающе посмотрел на меня. Но все, что я хотел от него, – это чтобы он продолжал свой рассказ.

– Каждый раз, когда я хочу, чтобы ты задал вопрос, ты его не задаешь, – сказал он. – Надеюсь, ты слышал мои слова? Нагуаль Элиас был знаменитым магом, который ежедневно имел дело с людьми в Южной Мексике, и в то же время жил отшельником на севере страны. Разве это не возбудило твое любопытство?

Я почувствовал себя ужасно глупо, так как во время его рассказа у меня мелькнула мысль, что этому человеку, должно быть, было очень нелегко совершать регулярные поездки туда и обратно.

Дон Хуан засмеялся надо мной, но поскольку он обратил мое внимание на этот вопрос, я спросил, как мог нагуаль Элиас быть в двух местах одновременно.

– Сновидение – вот реактивный самолет мага, – сказал он. – Нагуаль Элиас был сновидящим, как мой бенефактор был сталкером. Он мог создавать и посылать то, что маги называют телом сновидения или «другим», и находиться одновременно в двух разных местах. С помощью своего тела сновидения он мог выполнять свои обязанности мага, в то время как его настоящее «я» оставалось в уединении.

Я заметил, что со мной происходит что-то странное: я с легкостью принимал то, что нагуаль Элиас мог посылать свой осязаемый трехмерный образ, но, хоть убей, не понимал объяснений насчет абстрактных ядер.

Дон Хуан ответил, что я смог принять идею о двойной жизни нагуаля Элиаса, поскольку дух как раз производил последние корректировки в моей способности к осознанию. Я тут же начал бурно протестовать по поводу таинственности его заявления.

– Ну что же тут таинственного? – сказал он. – Это сообщение о факте. Ты мог бы сказать, что этот факт является недоступным в данный момент, но момент изменится.

Не дав мне возможности ответить, он снова начал говорить о нагуале Элиасе. Он сказал, что у нагуаля Элиаса был пытливый ум и очень умелые руки. Во время своих путешествий в качестве сновидящего он видел множество предметов, которые потом копировал в дереве и железе. Дон Хуан уверял меня, что некоторые изделия отличались завораживающей, изысканной красотой.

– А что служило ему оригиналами? – спросил я.

– Не существует способа узнать это, – сказал дон Хуан. – Ты должен принять во внимание, что поскольку нагуаль Элиас был индейцем, он пускался в своих сновидениях в странствия тем же способом, что и дикий зверь, рыскающий в поисках пищи. Зверь никогда не обнаружит своего присутствия, если кто-то есть поблизости. Он нападает лишь в случае, когда ему никто не мешает. Нагуаль Элиас, как одинокий сновидящий, посещал, так сказать, свалку бесконечности, когда поблизости никого не было, а затем

копировал все, что видел, не зная при этом ни предназначения этих вещей, ни источника их происхождения.

И снова я понимал его, не испытывая никаких трудностей. Смысл сказанного нисколько не казался мне абсурдом. Я уже собирался сказать ему об этом, но он остановил меня движением бровей и продолжил свой рассказ о нагуале Элиасе.

– Посещать его было для меня огромным удовольствием, – сказал он, – но в то же время источником странного чувства вины. Обычно я смертельно скучал у него, и не потому, что нагуаль Элиас был занудой – просто нагуаль Хулиан не имел себе равных и портил кого угодно на всю жизнь.

– Но мне казалось, что ты чувствовал себя в доме нагуала Элиаса уверенно и легко, – сказал я.

– Да, это так, но это и было источником моей вины и моих воображаемых проблем. Как и ты, я любил мучить самого себя. Думаю, вначале я нашел покой в обществе нагуала Элиаса, но позже, когда я лучше понял нагуала Хулиана, то пошел его путем.

Он рассказал мне, что перед домом нагуала Элиаса была открытая веранда, где у него размещались кузница и столярная мастерская. Этот дом из необожженного кирпича под черепичной крышей представлял собой огромную комнату с земляным полом, где он жил с пятью женщинами-видящими, которые, по сути, были его женами. Кроме них, были еще четверо мужчин-магов, тоже видящих, которые жили в маленьких домиках вокруг дома Нагуала. Все они были индейцами из разных частей страны, переехавшими в Северную Мексику.

– Нагуаль Элиас с большим уважением относился к сексуальной энергии, – сказал дон Хуан. – Он полагал, что если она нам дана, мы должны использовать ее для сновидения, и что сновидение утрачено человечеством из-за его способности нарушать шаткое умственное равновесие впечатлительных людей.

– Я учил тебя сновидению так же, как он учил меня, – продолжал дон Хуан. – Он учил меня, что когда мы спим, точка

сборки смещается очень мягко и естественно. Умственное равновесие является ничем иным как фиксацией точки сборки в привычном для нас месте. Во сне эта точка сдвигается, и если сновидение используется для контроля этого естественного сдвига, а наша сексуальная энергия требуется в сновидении, то когда эту энергию растрачивают вместо сновидения на секс, — результат подчас оказывается катастрофическим. Сновидящие смещают свои точки сборки беспорядочно и лишаются рассудка.

— Что ты хочешь этим сказать, дон Хуан? — спросил я, чувствуя, что сновидение не является основной темой нашего разговора.

— Ты — сновидящий, — сказал он. — Если ты не будешь осторожен со своей сексуальной энергией, то можешь подвергнуться опасности беспорядочных сдвигов точки сборки. Минуту назад ты был озадачен своими реакциями. Это значит, что твоя точка сборки двигается беспорядочно, поскольку твоя сексуальная энергия несбалансированна.

Я сказал что-то глупое и неуместное о сексуальной жизни взрослых мужчин.

— Наша сексуальная энергия — вот что управляет сновидением, — повторил он. — Нагуаль Элиас учил меня, — а я учил тебя, — что ты или используешь свою сексуальную энергию для занятий любовью, или для сновидения. Третьего не дано. Причина, по которой я упомянул об этом, заключается в том, что у тебя имеются огромные трудности со сдвигом точки сборки для понимания нашей последней темы — абстрактного.

— Так же было и со мной, — продолжал он. — Только когда моя сексуальная энергия освободилась от пут мира, все стало на свои места. Для сновидящих это является правилом. У сталкеров все наоборот. Мой бенефактор был, как ты бы выразился, распушенным в сексуальном отношении — и как обычный человек, и как нагуаль.

Дон Хуан был близок к тому, чтобы открыть мне деяния своего бенефактора, но потом, очевидно, передумал. Он потрянул головой и сказал, что я слишком негибок для таких откровений. Я не настаивал.

Он сказал, что нагуаль Элиас имел такую уравновешенность, которую сновидящие приобретают лишь пройдя через невообразимые битвы с самими собой. Он использовал ее для того, чтобы полностью погрузиться в задачу отвечать на вопросы дона Хуана.

– Нагуаль Элиас объяснил, что для меня препятствием в понимании духа было то же самое, что и для него, – продолжал дон Хуан. – Он полагал, что существуют два разных вопроса. Первый – потребность в непрямом понимании того, что такое дух, второй – непосредственное понимание духа. У тебя есть проблема с первым. Когда поймешь, что такое дух, второй вопрос разрешится сам собой, и наоборот. Если дух будет говорить с тобой при помощи безмолвной речи, ты наверняка немедленно узнаешь, что такое дух.

Он сказал, что нагуаль Элиас видел причину трудностей в нашем нежелании принять идею существования знания без слов для его объяснения.

– Но у меня не возникает трудностей в принятии этого, – сказал я.

– Принятие этого утверждения не является настолько легким, как твое заявление о его принятии, – сказал дон Хуан. – Нагуаль Элиас обычно говорил мне, что все человечество отошло от абстрактного, хотя когда-то мы, должно быть, были очень близки к нему. Оно, безусловно, было той силой, которая поддерживала нас. Потом произошло нечто, что отвратило нас от абстрактного. Теперь мы не можем вернуться к нему назад. Обычно он говорил мне, что ученику требуются годы, чтобы получить возможность вернуться к абстрактному, то есть знать, что знание и язык могут существовать независимо друг от друга. Дон Хуан повторил, что сутью нашего затруднения в том, чтобы вернуться назад к абстрактному, является наш отказ принять то, что мы можем знать без слов или даже мыслей.

Я уже было собрался возразить, что он говорит бессмыслицу, как внезапно с удивительной силой ощутил, что я что-то упустил, и что его точка зрения представляет для меня чрезвычайную

важность. Он, действительно, пытался сообщить мне нечто такое, чего я или не мог уловить, или что вообще невозможно было до конца выразить словами.

– Знание и язык существуют отдельно, – повторил он мягко.

И я уже почти был готов сказать: «Я знаю это», словно действительно знал, но вдруг остановился.

– Я уже говорил тебе, что не существует способа говорить о духе, – продолжал дон Хуан, – потому что дух можно только испытать. Маги пытаются объяснить это обстоятельство, когда говорят, что дух не является чем-то таким, что можно увидеть или почувствовать. Но существует нечто, что всегда неясно вырисовывается перед нами. Иногда оно приходит к некоторым из нас. Но в большинстве случаев оно кажется нейтральным.

Я молчал, и он продолжал объяснять. Он сказал, что дух во многих отношениях подобен дикому зверю. Он держится от нас на расстоянии до тех пор, пока что-то не выманит его. Именно тогда дух проявляется.

Я возразил, что если дух не является сущностью или присутствием и не имеет сути, то как кто-то может выманить его?

– Твоя проблема заключается в том, – сказал он, – что ты полагаешься только на свое собственное представление о том, что такое абстрактное. Например, внутренняя сущность человека или фундаментальный принцип являются для тебя абстрактным. Или, возможно, нечто менее смутное: характер, воля, мужество, достоинство, честь. Конечно, дух можно описать с помощью любого из этих понятий. Но что больше всего сбивает с толку – это то, что дух является одновременно всем и ничем из перечисленного.

Он добавил, что то, что я считал абстракциями – это или противоположность всех тех реальных вещей, которые я могу себе представить, или вещи, в моем понимании, не имеющие конкретного существования.

– Тогда как для мага абстрактное есть нечто, не имеющее параллели в условиях существования человека, – сказал он.

– Но это одно и то же, – закричал я. – Неужели ты не видишь, что мы говорим об одних и тех же вещах?

– Нет, – настаивал он. – Для мага дух есть абстрактное просто потому, что он знает его без слов или даже мыслей. Он есть абстрактное, потому что маг не может себе даже представить, что такое дух. Тем не менее, не имея ни малейшего шанса или желания понять дух, маг оперирует им. Он узнает его, подзывает его, знакомится с ним и выражает его своими действиями.

Я безнадежно качнул головой, не в силах понять, в чем тут разница.

– Причиной твоего непонимания является то, что я употребил термин «абстрактное», чтобы описать дух, – сказал он. – Для тебя абстракции – это слова, описывающие состояния интуиции. Примером является слово «дух», которое не описывает разум или прагматический опыт и которое, конечно, служит тебе только для того, чтобы просто разбудить фантазию.

Я разозлился на дона Хуана. Я назвал его упрямым, и он начал смеяться надо мной. Он посоветовал мне подумать над утверждениями о том, что знать можно независимо от языка, не беспокоясь о понимании, и тогда, возможно, что-то прояснится.

– Подумай вот над чем, – сказал он. – Сама по себе встреча со мной не имела для тебя значения. В тот день, когда я тебя встретил, ты встретился с абстрактным. Но поскольку ты не мог говорить о нем, ты его не заметил. Маги встречают абстрактное, не думая о нем, не видя его и не чувствуя его присутствия.

Я промолчал, поскольку мне не доставляло удовольствия спорить с ним. Временами мне казалось, что он умышленно сбивает меня с толку. Но дон Хуан был чрезвычайно доволен собой.

Последнее обольщение нагуаля Хулиана

В патио дома дона Хуана было так же прохладно и тихо, как под сводами монастыря. Там росло несколько больших фруктовых деревьев, посаженных очень близко друг от друга, видимо, затем, чтобы регулировать температуру и поглощать шум. Когда я впервые вошел в его дом, то, помнится, попытался критиковать нелогичность расположения деревьев. Будь моя воля, сказал я тогда, я отвел бы больше места для каждого из них. Но дон Хуан ответил, что эти деревья являются не его собственностью, но свободными и независимыми деревьями-воинами, которые присоединились к его партии воинов, и что мои замечания, верные относительно обычных деревьев, в данном случае неуместны.

Его ответ показался мне метафорическим. Тогда я еще не знал, что все, о чем говорит дон Хуан, имеет буквальный смысл. Сейчас мы с доном Хуаном сидели в плетеных креслах и смотрели на фруктовые деревья. Они были увешаны плодами. Я заметил, что это не только красивое зрелище, но еще и очень интригующее, поскольку для фруктов был не сезон.

– Я могу рассказать тебе об этом интересную историю, – ответил он. – Как ты знаешь, эти деревья являются членами моего отряда. Сейчас они плодоносят, потому что здесь, под ними, все члены моего отряда говорили и выражали свои чувства по поводу решающего путешествия, которое нам вскоре предстоит. И деревья знают, что, когда мы отправимся в свое грядущее путешествие, они будут нас сопровождать.

Я с недоумением посмотрел на него.

– Я не могу оставить их, – объяснил он. – Они тоже воины. Они бросили свой жребий и выбрали отряд нагуаля. И они знают, как я к ним отношусь. У деревьев точка сборки расположена очень низко на их огромном светящемся шаре, и это позволяет им узнавать о чувствах, испытываемых нами при обсуждении решающего путешествия.

Я продолжал молчать, так как боялся и не хотел подробно останавливаться на этом вопросе. Дон Хуан заговорил и рассеял мое настроение.

– Второе абстрактное ядро в историях магов называется «Стук духа», – сказал он. – Первое ядро – «Проявления духа» – это здание, которое намерение возводит перед магом, а затем приглашает его туда войти. Это здание намерения маг видит. Стук духа является таким же зданием, которое видит начинающий, которого приглашают – или скорее принуждают – войти.

Это второе абстрактное ядро может быть отдельной историей. В ней говорится, что после того, как дух проявился человеку, о котором мы с тобой говорили, и не получил никакого ответа, он подстроил ему ловушку. Это была последняя его уловка, и не потому, что человек этот был особенный, а потому, что непостижимая цепь событий духа сделала его пригодным в тот момент, когда дух постучался в дверь.

Ясно, что все, открываемое духом этому человеку, не имело для него смысла. Действительно, все это шло вразрез со всем тем, что человек знал и чем он был. И человек, конечно же, самым недвусмысленным образом отказался иметь какое бы то ни было дело с духом. Он не собирался поддаваться на весь этот вздор. Он знал лучше. В результате все зашло в тупик.

– Могу сказать, что это идиотская история, – продолжал он. – И еще скажу, что она успокоит тех, кто испытывает неудобство из-за безмолвия абстрактного.

Он бросил на меня пристальный взгляд и улыбнулся.

– Ты любишь слова, – сказал он обвиняюще. – Сама идея безмолвного знания пугает тебя. Но истории, независимо от того, насколько они глупы, нравятся тебе и вселяют чувство безопасности. Его улыбка была настолько озорной, что я не мог не рассмеяться.

Затем он напомнил мне, что только что я прослушал подробный рассказ о том, как дух первый раз постучался в его дверь. Вначале я даже не сообразил, о чем он говорит.

– Это не просто мой бенефактор нашел меня, умирающего от пулевого ранения, – объяснил он. – Дух также нашел меня и постучался в тот день в мою дверь. Мой бенефактор понял, что его задачей было служить проводником для духа. Без вмешательства духа встреча с моим бенефактором не значила бы ничего.

Он сказал, что нагуаль становится проводником только после того, как дух проявит свою готовность быть использованным посредством какого угодно способа: от едва уловимого намека до прямого приказа. Таким образом, нагуаль не может выбирать себе учеников по собственному желанию или расчету. Но если однажды готовность духа открывается посредством знаков, нагуаль без особых усилий способен удовлетворить его.

– После целой жизни практики, – продолжал он, – маги, а в особенности нагуали, знают, получили ли они от духа приглашение войти в здание, открывающееся перед ними. Они уже научились подчинять намерению свои связующие звенья. Поэтому они всегда предупреждены, всегда знают, что припас для них дух.

Дон Хуан сказал, что прогресс на пути магов обычно является радикальным⁸ процессом, цель которого – привести в порядок это связующее звено. У обычного человека связующее звено с намерением практически мертво, и маги начинают с такого звена, которое является совершенно бесполезным, потому что не отвечает на вызов добровольно⁹.

Он подчеркнул, что для того, чтобы оживить это звено, магу необходима строгая, неистовая целеустремленность – особое состояние ума, называемое несгибаемым намерением. Принять то, что нагуаль является единственным существом, способным наделить несгибаемым намерением – это самое трудное в ученичестве магов.

Я возразил, что не заметил этой трудности.

– Ученик – это тот, кто стремится к очищению и оживлению своего связующего звена с духом, – объяснил он. – Когда звено

⁸ Drastic – интенсивный, решительный, радикальный, глубокий, резкий, сильнодействующий

⁹ В том смысле, что это звено нельзя использовать по собственному желанию.

оживлено, он уже не ученик, но до тех пор он, чтобы продолжать идти, нуждается в неистовой целеустремленности, которой, конечно, у него просто нет. Поэтому он позволяет наугалу придать ему целеустремленность, но чтобы сделать это, он должен отказаться от своей индивидуальности. В этом и заключается сложность.

Он напомнил мне то, что повторял неоднократно: добровольцев не принимают в мир магии, потому что у них уже есть собственные цели, которые делают невероятно трудным отказ от своей индивидуальности. Если мир магии требует представлений и действий, идущих вразрез с целью добровольца, то он просто отказывается меняться.

– Оживление связующего звена ученика является самой ответственной и самой интригующей деятельностью учителя, – продолжал дон Хуан, – и немалой морокой для него. Конечно, в зависимости от личности ученика планы духа или невероятно просты, или представляют собой самый сложный лабиринт.

Дон Хуан заверил меня, что, даже если я сам думаю иначе, мое ученичество не было для него таким обременительным, каким для его бенефактора было его собственное. Он заметил, что у меня недостаточно самодисциплины, что очень пригодилось, тогда как он в свое время не имел вообще никакой. А его бенефактор – и того меньше.

– Разница здесь заметна в проявлениях духа, – продолжал он. – В некоторых случаях они едва заметны; в моем же – они были приказами. Меня подстрелили. У меня была пробита грудь, и я истекал кровью. Моему бенефактору необходимо было действовать быстро и уверенно – так же, как в свое время действовал его бенефактор. Маги знают, что чем труднее был приказ, тем труднее впоследствии оказывается ученик.

Дон Хуан объяснил, что одним из наиболее полезных следствий его связи с двумя нагуалами было то, что он мог слышать одни и те же истории с двух противоположных точек зрения. Например, история о нагуале Элиасе и проявлениях духа с позиций ученика была рассказом о трудном стуке духа в дверь его бенефактора.

– Все, что связано с моим бенефактором, было очень трудным, – сказал он и засмеялся. – Когда ему было двадцать четыре года, дух не просто постучался к нему в дверь, он чуть не обрушил ее.

Он сказал, что история, фактически, началась на много лет раньше, когда его бенефактор еще был привлекательным юношей из хорошей семьи в Мехико. Он был богат, образован, обворожителен и был харизматически сильной личностью. Женщины влюблялись в него с первого взгляда. Но уже тогда он был недисциплинированным, индугирующим, ленивым во всем, что не приносило ему немедленного удовлетворения.

Дон Хуан сказал, что с таким характером и воспитанием, – а он был единственным сыном богатой вдовы, которая вместе с его четырьмя сестрами души в нем не чаяла, – он и не мог быть иным. Он мог позволить себе любую непристойность, какая только приходила ему в голову. Даже среди своих не менее распущенных приятелей он выглядел моральным уродом, живущим лишь для того, чтобы творить то, что считалось аморальным.

В конце концов, все эти излишества ослабили его физически, и он смертельно заболел туберкулезом – бичом того времени. Но эта болезнь не только не обуздала его, но привела к физическому состоянию, еще более усилившему его чувственность. И поскольку самоконтроля у него не было ни на йоту, он ударился в полнейший разврат, из-за чего здоровье его ухудшалось до тех пор, пока не осталось никакой надежды.

Выражение «беда не приходит одна» в то время было весьма справедливо в отношении бенефактора дона Хуана. Здоровье его было подорвано, а мать, которая была его единственной опорой и хоть как-то его сдерживала, умерла. Она оставила ему значительное наследство, благодаря которому он мог бы прожить безбедно всю свою жизнь, но, не имея никакой внутренней дисциплины, он за несколько месяцев спустил все до последнего цента. Не имея ни профессии, ни какого-либо занятия, ему оставалось только попрошайничать, чтобы как-то прожить.

Вскоре из-за отсутствия денег у него не осталось друзей, и даже женщины, любившие его когда-то, отвернулись от него. Впервые в жизни он столкнулся с суровой реальностью. Принимая во внимание состояние его здоровья, это должно было стать его концом. Но он не пал духом. Он решил зарабатывать себе на жизнь.

Однако его сладострастные привычки не изменились, что и вынудило его искать работу в единственном месте, где ему было хорошо, — в театре. Это было обусловлено тем, что он был прирожденным актером и к тому же большую часть своей сознательной жизни провел в обществе актрис. Он присоединился к театральной труппе в провинции, подальше от привычного круга своих друзей и знакомых, и стал очень неплохим актером — чахоточным героем религиозных и поучительных пьес.

Дон Хуан отметил странную иронию, всегда сопутствовавшую судьбе его бенефактора. В жизни он был последним негодяем, умиравшим в результате своих беспутных походов, а на сцене играл роли святых и мистиков. Он даже играл Иисуса в пасхальной пьесе о Страстях Господних. Его здоровья хватило лишь на одно театральное турне по северным штатам, а потом в городе Дуранго произошли два события: его жизнь подошла к концу, и в его дверь постучался дух.

И смерть, и толчок духа случились в один и тот же момент — в кустарнике среди бела дня. Смерть настигла его во время соблазнения молодой женщины. Он уже давно был чрезвычайно слаб, а в тот день силы его истощились полностью. Жизнерадостная, сильная и увлеченная до безумия молодая женщина, пообещав любовные утехы, увлекла его в уединенное место в нескольких милях от города. Там она не один час дралась с ним. В конце концов, женщина покорила его, но он был совершенно измотан и кашлял так сильно, что едва мог дышать.

Во время своего последнего взрыва страсти он почувствовал острейшую боль в плече. Его грудь словно разрывалась на части, и из-за приступа кашля он начал задыхаться. Однако страсть к наслаждениям и гордость заставляли его продолжать, пока смерть не пришла к нему в виде кровоизлияния. Вот тогда-то дух и вступил

в свои права в лице пришедшего к нему на помощь индейца. Актер еще раньше заметил, что этот индеец повсюду следует за ними, но, поглощенный процедурой обольщения, не придавал этому значения.

Он видел девушку, как во сне. Она не пришла в ужас и сохранила самообладание. Спокойно и тщательно одевшись, она исчезла с быстротой кролика, преследуемого охотничьими псами.

А еще он видел индейца, бросившегося к нему и попытавшегося его усадить. Он слышал, как тот бормотал что-то идиотское. Он слышал, как тот предлагал себя духу и произносил непонятные слова на непонятном языке. Затем индеец начал действовать очень быстро. Став позади него, он с силой ударил его по спине.

Умиравший вполне резонно заключил, что индеец пытался или удалить сгусток крови, или убить его.

По мере того, как индеец повторял и повторял свои удары по его спине, умирающий все больше убеждался, что индеец был или любовником, или мужем женщины и хотел его убить. Но, заметив невероятно сияющие глаза этого индейца, он понял, что ошибся. Он понял, что индеец попросту сумасшедший и не имеет никакого отношения к женщине. Из последних сил напрягая свой ум, он сосредоточил внимание на бормотании этого человека. Тот говорил, что сила человека безгранична, что смерть существует лишь потому, что мы намерены умереть с момента нашего рождения, что намерение смерти можно приостановить, заставляя точку сборки менять позиции.

Услышав все это, он понял, что индеец совсем сумасшедший. Ситуация была настолько театральной – умереть от руки безумного индейца, бормочущего что-то несусветное, – что он решил оставаться актером до конца и пообещал себе умереть не от кровоизлияния и не от ударов, а от смеха. И он смеялся до тех пор, пока не умер.

Дон Хуан заметил, что его бенефактор, конечно, не мог принять индейца всерьез. Никто не принял бы всерьез такую личность, а тем более – будущий ученик, от которого и не ожидается, что он добровольно примет задачу магии.

Затем дон Хуан сказал, что он дал мне различные версии того, из чего состоит задача магии. Он сказал, что будет не слишком самонадеянным с его стороны раскрыть, что с точки зрения духа задача состоит в очищении нашего с ним связующего звена. Таким образом, представшее перед нами здание намерения является чистилищем, внутри которого мы обнаруживаем не столько процедуры очистки связующего звена, сколько безмолвное знание, которое и делает возможным очистительный процесс. Без этого безмолвного знания не смог бы протекать ни один процесс, и все, что мы имеем, было бы лишь неопределенным чувством потребности в чем-то.

Он объяснил, что вызываемые¹⁰ магами в результате безмолвного знания события настолько просты и в то же время настолько абстрактны, что маги уже давно решили говорить о них, употребляя только символические термины. Примерами этого являются проявления и стук духа.

Затем дон Хуан в качестве примера сообщил, что описание того, что происходит во время встречи нагуаля и будущего ученика с точки зрения магии, было бы совершенно непонятным. Было бы бессмысленно объяснять, что нагуаль, используя опыт всей своей жизни, фокусирует нечто такое, чего мы не можем представить, — свое второе внимание — возросшее осознание, обретенное в результате магической практики, на своей невидимой связи с чем-то неопределимо абстрактным. Он делает это для того, чтобы выделить и прояснить чью-то другую невидимую связь с этим неопределимо абстрактным.

Он заметил, что каждый из нас отделен от безмолвного знания естественными, специфическими для каждой личности барьерами и что моим самым непреодолимым барьером является склонность маскировать свое самодовольство под маской независимости.

Я вызывающе потребовал, чтобы он привел конкретный пример, и напомнил, как однажды он предупреждал меня, что одной из хитростей ведения спора является общая критика, не подкрепленная конкретными примерами.

¹⁰ Unleashed – спускать с привязи, развязывать, высвобождать, давать волю

Дон Хуан взглянул на меня с лучезарной улыбкой.

– В прошлом я частенько давал тебе растения силы, – сказал он. – Сначала ты впал в крайность, убеждая себя в том, что все испытанное тобой – просто галлюцинации. Потом ты хотел, чтобы они были специальными галлюцинациями. Помнишь, я высмеивал тебя, когда ты упорно называл это поучительным галлюцинативным опытом.

Он сказал, что моя потребность в утверждении своей иллюзорной независимости поставила меня в положение, из которого я не мог принять его объяснения происходящего, хотя оно и было тем, что я и сам безмолвно знал. Я знал, что он использовал растения силы, хотя их возможности и весьма ограничены, для того, чтобы заставить меня войти в частичные или временные состояния повышенного осознания путем сдвига моей точки сборки с ее обычной позиции.

– Ты использовал свой барьер независимости, чтобы преодолеть это препятствие, – продолжал он. – Тот же самый барьер продолжает работать и по сей день, поэтому ты все еще сохраняешь чувство неопределенного страдания, хотя и не столь выраженное. Сейчас вопрос вот в чем: как тебе удастся строить свои заключения таким образом, чтобы даже твой нынешний опыт смог уложиться в твою схему самодовольства?

Я признался, что единственным способом поддержки моей независимости был полный отказ думать об этом опыте.

Дон Хуан так хохотал, что чуть не свалился со своего плетеного стула. Он встал и принялся расхаживать, чтобы восстановить дыхание. Затем он успокоился и снова сел, откинувшись на спинку и скрестив ноги.

Он сказал, что мы как обычные люди не знаем и никогда не узнаем, что есть нечто чрезвычайно реальное и функциональное – наше связующее звено с намерением, которое вызывает у нас наследственную озабоченность своей судьбой. Он утверждал, что на протяжении всей своей активной жизни у нас никогда не появляется шанс пойти дальше простой озабоченности, потому что с незапамятных времен нас усыпляет колыбельная песня

повседневных дел и забот. И лишь когда наша жизнь почти уже на исходе, наша наследственная озабоченность судьбой начинает принимать иной характер. Она пытается дать нам возможность видеть сквозь туман повседневных дел. К сожалению, такое пробуждение всегда приходит одновременно с потерей энергии, вызванной старением, когда у нас уже не остается сил, чтобы превратить свою озабоченность в практическое и позитивное открытие. В итоге остается лишь неопределенная щемящая боль, стремление к чему-то неопишущему и просто гнев упустивших что-то.

— Я по многим причинам люблю стихи, — сказал он. — Одна из них в том, что они улавливают настроение воинов и объясняют то, что вряд ли можно было бы объяснить иначе.

Он допускал, что поэты остро осознают наше связующее звено с духом, но делают это интуитивно, тогда как маги выбирают этот путь намеренно и прагматично.

— У поэтов нет знания о духе из первых рук, — продолжал он. — Вот почему их стихи не могут по-настоящему попасть в яблочко подлинных жестов духа. Правда, иногда они попадают очень близко к цели. Он взял одну из привезенных мною книг, лежавших рядом на стуле — сборник стихов Хуана Рамона Хименеса. Открыв заложенную страницу, он вручил мне книгу и подал знак читать. ✦

*Я ли это хожу
По комнате сегодня ночью
Или это бродяга,
Забравшийся ко мне в сад
Вместе с темнотой?*

*Я смотрю вокруг
И нахожу, что все
То же и совершенно другое...
Было ли окно открыто?
Не уснул ли я уже?
Был ли сад бледно-зеленым?*

*Небо было чистым и голубым...
А теперь облака,
И поднялся ветер,
И сад угрюмый и темный.*

*Я думал, что волосы мои черны,
И белеет моя одежда...
Но бела моя голова,
И в черное я одет...*

*Разве это моя походка?
Этот голос, что звучит во мне —
Разве так он звучал?
Не понимаю, я ли это
Или тот бродяга,
Забравшийся на исходе ночи
В мой сад?*

*Я смотрю вокруг...
Вот облака, и поднялся ветер...
И сад угрюмый и темный...*

*Встаю и иду...
Может, я уже сплю?
На висках седина...
И все то же и совершенно другое...*

Я вновь перечитал стихотворение и уловил переданное поэтом чувство бессилия и замешательства. Я спросил дона Хуана, почувствовал ли он то же самое.

– Я думаю, поэт ощущает груз старости и тревогу, вызванную этим ощущением, – сказал дон Хуан. – Но это лишь одна сторона медали. Меня гораздо больше интересует другая ее сторона, заключающаяся в том, что поэт, не сдвигая точку сборки, интуитивно знает, что на карту поставлено нечто необыкновенное. Интуитивно он знает с большой уверенностью, что есть какой-то внушающий благоговение своей простотой безымянный фактор и что именно он определяет нашу судьбу.

Хитрость Духа

Очищение связующего звена с Духом

Солнце еще не поднялось над восточными вершинами, но уже было жарко. Как только мы достигли первого крутого склона в нескольких милях от окраины города, дон Хуан прервал прогулку и свернул в сторону от мощеного шоссе. Он опустился на землю у одной из громадных каменных глыб, которые когда-то во время прокладки дороги были вырваны динамитом из горного склона. Дон Хуан сделал мне знак сесть рядом. Здесь мы обычно останавливались побеседовать или отдохнуть на пути к близлежащим горам. Дон Хуан заметил, что это наше путешествие будет долгим и что мы, вероятно, проведем в горах несколько дней.

– Поговорим теперь о третьем абстрактном ядре, – сказал дон Хуан. – Оно называется уловкой духа, или уловкой абстрактного, или выслеживанием¹¹ самого себя, или очищением связующего звена.

Я был удивлен таким обилием определений, но ничего не сказал. Я ждал, когда дон Хуан продолжит свои объяснения.

– И снова, как и в случае с первым и вторым абстрактными ядрами, – продолжал он, – третье ядро само по себе может быть историей. История гласит, что, постучав однажды в дверь дома того человека, о котором мы с тобой говорили, и, убедившись, что ответа не будет, дух прибегнул к единственному способу, который оставался в его распоряжении – уловке. Ведь и предыдущие трудности дух преодолел с помощью уловок. Было очевидно, что если он хочет подействовать на этого человека, он должен чем-то прельстить его. И тогда дух начал посвящать этого человека в тайны магии. Обучение магии стало тем, чем оно и является – путем уловок и хитростей.

¹¹ Stalking – см. стр. 10

История гласит, что дух склонил на свою сторону человека, заставив его перемещаться вперед и назад между различными уровнями осознания, чтобы показать ему, как сохранять энергию, необходимую для укрепления его связующего звена.

Дон Хуан сказал мне, что если мы приложим эту историю к современным обстоятельствам, то будем иметь пример нагуалья, живого проводника духа, который повторяет структуру этого абстрактного ядра и прибегает в целях обучения к хитростям и уловкам.

Внезапно он поднялся и пошел по направлению к горному склону. Я последовал за ним, и мы бок о бок начали наш подъем.

Когда мы достигли вершины высокой горы, было уже далеко за полдень. Даже на такой высоте было очень жарко. Весь день мы шли по почти незаметной тропе. Наконец, мы достигли небольшого плато, которое в древности служило наблюдательным постом, доминирующим над севером и западом.

Здесь мы сели, и дон Хуан возобновил наш разговор по поводу магических историй. Он сказал, что теперь я знаю историю о том, как намерение проявилось нагуалю Элиасу, и историю о том, как дух постучался в дверь нагуалья Хулиана. Я знаю, как встретился с духом он, и, конечно же, не мог забыть, как встретился с ним я сам. Все эти истории, заявил он, имеют одну структуру; отличаются лишь действующие лица. Каждая история является абстрактной трагикомедией с единственным абстрактным актером – намерением, двумя актерами-людьми – нагуалем и его учеником. Абстрактное ядро является сценарием.

Мне показалось, что я, наконец, понял, что он имеет в виду, но мне не удалось даже себе полностью объяснить, что же именно я понял. Не мог я объяснить этого и дону Хуану. Когда же я попытался передать свои мысли в словах, то обнаружил, что несу нечто совершенно невразумительное.

Дон Хуан, казалось, понимал состояние моего ума. Он посоветовал мне расслабиться и слушать дальше. Он сказал, что его следующая история касается процесса введения ученика в мир духа,

процесса, который маги называют уловкой духа или очищением связующего звена с намерением.

– Я уже рассказал тебе историю о том, как нагуаль Хулиан взял меня, раненого, в свой дом и лечил до тех пор, пока я не выздоровел, – продолжал дон Хуан. – Но я не говорил тебе, как он прочистил мое связующее звено, как он учил отслеживать самого себя.

Первое, что делает нагуаль со своим будущим учеником, – это обманывает его. То есть, он сообщает толчок его связующему звену с духом. Есть два способа сделать это. Первый – посредством почти нормальных методов, как это делал я с тобой, а второй – путем применения настоящей магии, как это сделал со мной мой бенефактор.

Дон Хуан снова рассказал мне историю о том, как его бенефактор убедил людей, собравшихся на дороге, что этот раненый юноша – его сын. Затем он заплатил некоторым из них, чтобы они перенесли дону Хуана, который все это время был без сознания и потерял много крови, в его дом. Через несколько дней дон Хуан пришел в себя и увидел доброго старика и его толстую жену, которые лечили его раны.

Старик сказал, что его зовут Белисарио, что его жена является целительницей, и они вдвоем лечат его рану.

Дон Хуан сказал им, что у него нет денег, и тогда Белисарио предложил ему как-нибудь решить вопрос об оплате, когда он выздоровеет.

Дон Хуан сказал, что он был очень смущен, и это было чем-то новым для него. Ведь в то время он был просто мускулистым, безрассудным двадцатилетним индейцем, у которого не было ни ума, ни образования, но зато имелся ужасный характер. Он и понятия не имел о благодарности. Он полагал, что это были очень славные люди, но собирался дожидаться, когда его рана заживет, и ночью сбежать.

Когда он выздоровел и уже был готов к побегу, старый Белисарио отвел его в комнату и дрожащим шепотом сообщил, что

дом, где они находятся, принадлежит чудовищному человеку, который держит его с женой в своей власти. Он попросил дона Хуана помочь ему и его жене обрести свободу, сбежать от их тюремщика и мучителя. Прежде чем дон Хуан успел что-либо ответить, чудовищный человек с рыбьим лицом, в точности похожий на персонаж из страшной сказки, ворвался в комнату, словно подслушивал все это время за дверью. Он был зеленовато-серого цвета, величиной с дверь и с единственным немигающим глазом посреди лба. Он со змеиным шипением двинулся к дону Хуану, готовый разорвать его на части, и испугал его настолько, что тот упал в обморок.

– Способ, которым он дал толчок моему связующему звену с духом, был мастерским, – со смехом сказал дон Хуан. – Мой бенефактор перед появлением монстра, естественно, сместил меня в состояние повышенного осознания, поэтому то, что я в действительности видел как чудовищного человека, было бесформенным энергетическим полем, которое маги называют неорганическим существом.

Дон Хуан сказал, что он знал массу случаев, когда его бенефактор с дьявольским коварством создавал смешные, сбивающие с толку ситуации для всех своих учеников, особенно для самого дона Хуана, серьезность и жесткость которого делали из него отличную мишень для поучительных шуток его бенефактора. Он добавил, что эти шутки, несомненно, чрезвычайно забавляли нагуаля Хулиана.

– Если ты думаешь, что я иногда смеюсь над тобой, – что я, конечно, делаю, – то это не идет ни в какое сравнение с тем, как он смеялся надо мной, – продолжал дон Хуан. – Этот дьявол выучился плакать, чтобы скрывать свой смех. Ты даже не можешь себе представить, как он, бывало, плакал, когда я только начал у него учиться.

Продолжая свой рассказ, дон Хуан заявил, что его жизнь никогда уже не была прежней после потрясения, вызванного видением этого чудовищного человека. Его бенефактор позаботился об этом. Дон Хуан пояснил, что когда нагуаль применяет уловку к

своему будущему ученику, особенно ученику-нагуалю, он должен получить его согласие. Это согласие бывает двух видов. Либо будущий ученик настолько дисциплинирован и подготовлен, что необходимо только его решение присоединиться к нагуалю, как это сделала однажды молодая Талиа; или он не обладает достаточной дисциплиной, и в таком случае нагуалю приходится тратить много времени и труда, чтобы убедить своего ученика.

Что касается дон Хуана, бывшего в то время просто диким молодым крестьянином без единой мысли в голове, то процесс его вовлечения требовал причудливых поворотов.

Вскоре после первого толчка его бенефактор дал ему второй, продемонстрировав дону Хуану свою способность перевоплощаться. Однажды он превратился в молодого человека. В то время дон Хуан не был способен представить себе это иначе, чем пример совершенного актерского мастерства.

— Но как ему удавалось совершать эти перевоплощения? — спросил я.

— Он был не только магом, но и артистом, — ответил дон Хуан. — При помощи своей магии он осуществлял эти превращения, сдвигая свою точку сборки в положения, приносящие желаемые им частные изменения. А его актерское искусство доводило его трансформации до совершенства.

— Я не вполне понимаю, о чем ты говоришь, — сказал я. Дон Хуан сказал, что стержнем всего, чем человек является или что он делает, является его восприятие, и что оно управляется положением точки сборки. Поэтому, если точка сборки изменит свое положение, соответственно, изменится и восприятие мира. Маг, который точно знает, куда поместить свою точку сборки, может становиться всем, чем пожелает.

— Контроль нагуаля Хулиана над сдвигом своей точки сборки был настолько совершенным, что он мог достигать тончайших трансформаций, — продолжал дон Хуан. — Например, когда маг становится вороной, — это, несомненно, большое достижение. Но это влечет за собой сильный и дальний сдвиг точки сборки. Однако

перемещение ее в положение, соответствующее толстому человеку или старику требует незначительного сдвига, но зато тончайшего знания человеческой природы.

– Я предпочитаю избегать думать или говорить о таких вещах как о фактах, – сказал я.

Дон Хуан расхохотался, словно я сказал нечто крайне смешное.

– Какой смысл был в перевоплощениях твоего бенефактора? – спросил я. – Или он просто развлекался подобным образом?

– Не будь идиотом. Воин никогда ничего не делает для забавы, – заметил он. – Его перевоплощения были стратегическими. Они диктовались необходимостью, как и его перевоплощения из старика в юношу. И сейчас, и тогда это имеет смешные последствия, но здесь дело в другом.

Я напомнил, что раньше уже спрашивал о том, как его бенефактор научился таким перевоплощениям. В тот раз он ответил мне, что у его бенефактора был учитель, но не сказал, кто.

– Его обучил тот очень таинственный маг, опекаемый нами, – кратко ответил дон Хуан.

– Что это за таинственный маг? – спросил я.

– Бросивший вызов смерти, – сказал он и посмотрел на меня в ожидании вопроса.

Для всех магов партии дона Хуана «бросивший вызов смерти» был очень живой фигурой. Они утверждали, что бросивший вызов смерти был магом древности, которому удалось дожить до сегодняшнего дня благодаря тому, что он манипулировал своей точкой сборки и заставлял ее сдвигаться определенными способами в определенные участки своего общего энергетического поля. Такие маневры позволяли ему сохранить осознание и жизненную силу.

Дон Хуан рассказал мне о соглашении, которое было заключено между «бросившим вызов смерти» и видящими его линии несколько

столетий назад. Он делал им дары в обмен на жизненную энергию. В соответствии с этим соглашением они считали его своим опекаемым и называли «арендатор¹²». Дон Хуан объяснил, что маги древности были замечательными знатоками в умении перемещать точку сборки. Занимаясь этим, они открыли потрясающие вещи о восприятии, но они же убедились, насколько легко это может перейти в отклонение от правильного пути. Случай с «бросившим вызов смерти» был для дона Хуана классическим примером такого заблуждения.

При каждом удобном случае дон Хуан любил повторять, что если точка сборки сдвигалась кем-либо, кто не только видел, но еще и имел достаточно энергии для того, чтобы привести ее в движение, то она могла скользить внутри светящегося кокона в то положение, куда ее направляли. Ее свечения было достаточно, чтобы воспламенить нитевидные энергетические поля при соприкосновении с ними. В результате восприятие мира оказывалось таким же полным, как обычное восприятие повседневной жизни, но отличным от него. Поэтому при перемещении точки сборки решающее значение имеет уравниовенность¹³.

Продолжая свою историю, дон Хуан сказал, что он довольно быстро оправился от первоначального замешательства и стал думать, что старик, который спас ему жизнь, на самом деле был молодым человеком, который лишь маскировался под старика. Но однажды молодой человек опять стал неотличим от старого Белисарио, которого встретил дон Хуан вначале. Он и женщина, которая, как думал дон Хуан, была его женой, упаковали дорожные сумки, и тут, словно ниоткуда, возникли двое улыбающихся мужчин с упряжкой мулов.

Дон Хуан смеялся, наслаждаясь этой историей. Он сказал, что пока погонщики нагружали мулов, Белисарио отвел его в сторону и сообщил, что они с женой вновь вынуждены маскироваться. Он опять был в роли старика, а его прекрасная жена – в роли толстой сварливой индеанки.

¹² The tenant – арендатор, съемщик, жилец

¹³ Sobriety – трезвость, умеренность, уравниовенность

– Я был так молод и глуп, что верил только очевидному, – продолжал дон Хуан. – Лишь двумя днями ранее я был свидетелем его невероятного превращения из немощного старика лет семидесяти или больше в молодого энергичного мужчину лет двадцати пяти, и поэтому поверил его рассказу о том, что он лишь маскируется. Его жена тоже превратилась из сердитой толстой индианки в стройную молодую женщину. Женщина, конечно же, не превращалась тем же способом, что и мой бенефактор. Он просто подменил ее. Конечно, я мог бы все это заметить тогда же, но мудрость всегда приходит к нам болезненно и понемногу.

Дон Хуан сказал, что старик уверил его, что его рана уже зажила, хотя сам он еще чувствовал себя не вполне здоровым. Затем он обнял дону Хуана и искренним прерывающимся голосом прошептал: «Ты так понравился чудовищу, что оно освободило меня и мою жену из плена и берет тебя в качестве своего единственного слуги».

– Я бы посмеялся над ним, – сказал дон Хуан, – если бы тут же из комнаты чудовища не раздались глубокое звериное рычание и пугающий грохот.

Глаза дону Хуана сияли от удовольствия. Я хотел остаться серьезным, но тоже не смог сдержать смех.

Белисарио, понимая испуг дону Хуана, многословно извинился за неожиданный поворот судьбы, который освободил его и поработил дону Хуана. Он с отвращением щелкал языком и проклинал монстра. Со слезами на глазах он стал перечислять все обязанности, которые монстр возлагал на своего слугу. Когда же дон Хуан начал протестовать, он по секрету сообщил ему, что убежать отсюда нельзя, потому что чудовище обладает непревзойденными познаниями в колдовстве.

Дон Хуан спросил у Белисарио совета, нельзя ли предпринять хоть что-нибудь. И Белисарио пустился в пространные объяснения относительно плана действий, который был бы пригоден в том случае, если бы речь шла об обычном человеческом существе. В подобной ситуации с человеком мы можем строить планы и делать

прогнозы, и если удача будет на нашей стороне, да плюс еще хитрость и самоотверженность, то мы можем добиться успеха. Но перед лицом неизвестного, каковым является ситуация дона Хуана, единственный шанс на выживание – это молча согласиться и понять.

Белисарио чуть слышно прошептал дону Хуану, что для уверенности в том, что чудовище больше не будет преследовать его, он собирается уехать в штат Дуранго изучать магию. Он спросил дона Хуана, не хочет ли и он присоединится к ним. И дон Хуан, совершенно перепуганный этим предложением, сказал, что не хочет иметь ничего общего с ведьмами и колдунами.

Дон Хуан расхохотался и сказал, что даже воспоминание о том, как его бенефактор должен был наслаждаться этим розыгрышем, доставляет ему удовольствие.

Особенно когда он сам, вне себя от страха и возмущения сходу отбросил любезное предложение заниматься магией, заявив: «Я индеец. Я с детства ненавижу и боюсь колдунов».

Белисарио обменялся со своей женой взглядами, и его тело затряслось. Дон Хуан понял, что он тихо плачет – очевидно, от боли, которую причинил ему его отказ. Его жена утешала его пока он, казалось, не успокоился.

Когда Белисарио и его жена уходили, он обернулся и дал дону Хуану еще один совет. Он сказал, что монстр ненавидит женщин, и поэтому дону Хуану следует позаботиться о том, чтобы заменить себя другим мужчиной в случае, если тот достаточно понравится монстру, и тот согласится поменять рабов. Однако не стоит слишком надеяться на это, потому что пройдет несколько лет, пока чудовище позволит ему хотя бы выходить из дома. Монстр любит добиваться от своих рабов преданности, или, по крайней мере, покорности.

Это было выше сил дона Хуана. Он пал духом, заплакал и сказал Белисарио, что никто не может сделать его рабом. Он всегда может покончить с собой. Старик был очень тронут отчаянием дона Хуана, и признался ему, что у него была такая же мысль, но, увы,

монстр оказался способным читать его мысли и мешал ему покончить с собой каждый раз, когда он пытался сделать это.

И Белисарио снова предложил дону Хуану ехать с ним в Дуранго учиться магии. Он сказал, что это было бы единственно возможным спасением. Дон Хуан ответил, что для него принять такое решение – это то же, что попасть из огня да в полымя.

Белисарио начал громко плакать и обнял дона Хуана. Он проклинал тот час, когда спас жизнь другого человека и клялся, что он и не думал, что они поменяются местами. Он высморкался и, глядя на дона Хуана горящими глазами, сказал: «Маскировка – это единственная возможность выжить. Если ты не будешь вести себя должным образом, чудовище может похитить твою душу и превратить тебя в идиота, работающего на него – и ничего больше. Очень плохо, если я не успею научить тебя, как надо действовать». Затем он зарыдал еще сильнее.

Дон Хуан, задыхаясь от слез, просил его научить, как он может замаскировать себя, Белисарио раскрыл ему секрет, что у монстра ужасно плохое зрение, и рекомендовал дону Хуану поэкспериментировать с различными вариантами переодеваний, которые подскажет ему фантазия. В конце концов, ведь у него впереди годы для того, чтобы испробовать различные варианты маскировки. Он обнял дона Хуана у двери, плача навзрыд. Его жена застенчиво коснулась руки дона Хуана. А затем они ушли.

– Никогда в своей жизни, ни до, ни после этого, я не испытывал такого ужаса и отчаяния, – сказал дон Хуан. – Чудовище со страшным шумом передвигало в доме какие-то вещи, как будто нетерпеливо ждало меня. Я сел около двери и завыл, как больная собака. Затем от невыносимого страха у меня началась рвота.

Несколько часов дон Хуан просидел, не в силах шевельнуться. Он не осмеливался ни уйти, ни войти внутрь. Не будет преувеличением сказать, что он был на волосок от смерти, когда вдруг увидел на другой стороне улицы Белисарио, размахивающего руками в неистовой попытке привлечь его внимание. То, что он увидел его снова, принесло дону Хуану мгновенное облегчение.

Белисарио сидел на корточках у тротуара и наблюдал за домом. Он сделал знак дону Хуану оставаться на месте.

Через мучительно долгий промежуток времени Белисарио прополз несколько шагов на четвереньках по направлению к дону Хуану, затем снова сел на корточки и застыл в полной неподвижности. Переползая таким образом, он перемещался до тех пор, пока не оказался около дона Хуана. Это заняло у него несколько часов. Много людей прошло мимо, но ни один, судя по всему, не обратил внимания ни на отчаявшегося дона Хуана, ни на маневры старика. Когда они оказались рядом, Белисарио прошептал, что не чувствует себя вправе бросить дона Хуана, как привязанную к столбу собаку. Его жена пыталась возражать, но он вернулся к попытке спасти его. В конце концов, ведь именно благодаря дону Хуану он обрел свободу.

Шепотом, но с повелительной интонацией он спросил дона Хуана, готов ли он и хочет ли сделать что-нибудь для своего спасения. И дон Хуан уверил его, что он согласен на все, что угодно. С огромными предосторожностями Белисарио передал дону Хуану узел с одеждой. Затем он изложил свой план. Дон Хуан должен пойти в часть дома, расположенную как можно дальше от комнаты монстра, и не спеша переодеться, снимая одежду по очереди, начиная со шляпы и кончая ботинками. Затем он должен развесить свою одежду на деревянной раме, которую умело и быстро соорудит, как только окажется внутри дома.

Следующим шагом было использовать единственную маскировку, которая может ввести в заблуждение чудовище: одежду из узелка.

Дон Хуан бросился в дом и сделал все так, как сказал Белисарио. Он соорудил подобие деревянного пугала из жердей, которые нашел за домом, снял свою одежду и развесил на нем. Но когда он развязал мешок, то был удивлен, как никогда в своей жизни: в мешке была женская одежда!

– Я чувствовал себя глупым и растерянным, – продолжал дон Хуан, – и хотел было уже переодеться в свою прежнюю одежду, но в

этот момент услышал нечеловеческое рычание этого монстра. Я был воспитан в презрении к женщинам, считая, что единственным их предназначением было заботиться о мужчинах. Надеть на себя женскую одежду было для меня равносильно превращению в женщину. Но мой страх перед этим чудищем был так велик, что я зажмурил глаза и напялил на себя это проклятое платье.

Я посмотрел на дона Хуана, представляя его себе в женской одежде. Этот образ показался мне настолько нелепым, что я против своего желания покатился со смеху.

Дон Хуан сказал, что когда старый Белисарио, ожидавший его на другой стороне улицы, увидел переодетого дона Хуана, он начал неудержимо плакать. Все еще в слезах он повел дона Хуана к окраине города, где их уже ожидали его жена и два погонщика. Один из них дерзко спросил Белисарио, не украл ли он эту странную девушку, чтобы продать ее в публичный дом. Старик заплакал так сильно, что, казалось, сейчас он лишится чувств. Молодые погонщики не знали, что и делать, но его жена, вместо того, чтобы посочувствовать, неудержимо расхохоталась. Тогда дон Хуан так и не понял, почему.

С наступлением темноты они тронулись в путь. Они выбирали малолюдные тропинки и двигались все время на север. Белисарио был немногословен. Казалось, он был испуган и ждал неприятностей. Его жена все время была недовольна им и жаловалась, что они загубят свой последний шанс, если будут и дальше везти с собой дона Хуана. Белисарио приказал ей больше не упоминать об этом из страха, что погонщики могут догадаться, что дон Хуан – переодетый мужчина. Дон Хуан не знал, как вести себя, чтобы убедительно походить на женщину, и Белисарио предупредил его, чтобы он поступал как женщина, которая немного не в себе.

Через несколько дней страх дона Хуана почти совсем исчез. Фактически, он стал таким самоуверенным, что не мог даже вспомнить, как сильно был испуган. Если бы не его одежда, он, наверное, предположил бы, что все происшедшее было дурным сном.

Однако на нем была женская одежда, и это обстоятельство сильно меняло дело. Жена Белисарио с искренней серьезностью обучала дона Хуана каждому аспекту женского поведения. Он помогал ей готовить, стирал белье, собирал дрова. Белисарио побрил ему голову и наложил на нее сильно пахнущую мазь, а погонщикам сказал, что у девушки были вши. Дон Хуан сказал, что, так как в то время он был безусым юношей, то ему на самом деле не так уж трудно было выглядеть, как женщина. Но он испытывал отвращение к самому себе, ко всем этим людям и, прежде всего, – к своей судьбе. В конце концов, носить женское платье и делать женскую работу стало для него невыносимым.

И однажды он решил, что с него достаточно. Погонщики были последней каплей. Они ожидали и требовали, чтобы эта странная девушка прислуживала им, так сказать, во всех отношениях. Дон Хуан сказал, что ему все время приходилось быть настороже, потому что они не давали ему прохода.

Я почувствовал, что должен задать один вопрос.

– Были ли погонщики заодно с твоим бенефактором? – спросил.

– Нет, – ответил он и раскатисто захохотал. – Они были всего-навсего двумя славными людьми, которые на время попали под его влияние. Он нанял их мулов для перевозки лекарственных трав и сказал, что щедро заплатит им, если они помогут ему похитить молодую девушку.

Масштабы предприятия нагуаля Хулиана поражали мое воображение. Я представил себе дона Хуана, ограждающего себя от сексуальных притязаний погонщиков мулов, и скорчился от смеха.

Дон Хуан продолжал свое повествование. Он безапелляционно заявил старику, что дальше маскарад продолжать невозможно, потому что погонщики пристают к нему с сексуальными предложениями. Белисарио невозмутимо посоветовал ему быть снисходительным, потому что мужчины есть мужчины, и неудержимо заплакал, совершенно сбив с толку дона Хуана, который вдруг обнаружил себя яростно защищающим женщин.

Он так страстно отстаивал положение женщин, что даже сам испугался. Потом он сказал Белисарио, что оказался в еще худшем положении, чем был бы, если бы остался рабом чудовища.

Смятение дона Хуана возросло, когда старик безутешно зарыдал и бессвязно забормотал, что жизнь прекрасна, и что ничтожная цена, которую нужно заплатить за нее, – всего лишь шутка по сравнению с тем, что чудовище похитит душу дона Хуана и даже не позволит ему убить себя. «Флиртуй с погонщиками, – посоветовал он дону Хуану примирительно. – Они простые крестьяне. Они просто хотят поиграть, а ты оттолкни их, если они начнут тискать тебя. Разрешим им прикасаться к твоей ноге. Почему это так беспокоит тебя?» И он опять зарыдал. Дон Хуан спросил его, почему он так плачет. «Потому что ты идеален для всего этого», – отвечал старик и трясся всем телом, судорожно рыдая.

Дон Хуан поблагодарил старика за доброе отношение и за все, что тот для него сделал. Он сказал Белисарио, что сейчас чувствует себя в безопасности и хочет уйти.

«Искусство сталкинга является обучением всем деталям твоей маскировки», сказал Белисарио, не обращая никакого внимания на только что сказанное. «И оно заключается в обучении им настолько хорошо, чтобы никто не мог догадаться, что ты маскируешься. Для этого тебе необходимо быть безжалостным, хитрым, терпеливым и мягким¹⁴ (скорее, милым)».

Дон Хуан совершенно не понимал, о чем говорит Белисарио. Но он не стал вникать, а попросил дать ему какую-нибудь мужскую одежду. Белисарио отнесся к этому с пониманием. Он дал дону Хуану кое-какую старую одежду и немного денег. Он обещал дону Хуану, что тот всегда сможет найти здесь одежду для маскировки, если в этом будет нужда, и еще раз решительно посоветовал ему ехать с ним в Дуранго, чтобы обучаться магии и навсегда освободиться от чудовища.

Дон Хуан отказался и поблагодарил его. Тогда Белисарио попрощался с ним и несколько раз сильно хлопнул его по спине.

¹⁴ Sweet – приятный, милый, очаровательный, ласковый

Дон Хуан переоделся и спросил Белисарио, в какую сторону ему идти. Тот ответил, что если дон Хуан направится на север, то рано или поздно достигнет ближайшего города. Но не исключено, – сказал он, что пути их пересекутся снова, поскольку все они стремятся в одном и том же направлении – прочь от чудища.

Дон Хуан, наконец-то освободившись, пустился в путь так быстро, как только мог. Он прошел четыре или пять миль, прежде чем увидел следы присутствия людей. Он знал, что город находится поблизости, и подумал о том, что он, возможно, устроится там на работу, прежде чем решит, что ему делать дальше. Он присел отдохнуть, предчувствуя обычные трудности, ожидающие странника, появляющегося в маленьком провинциальном городке, и вдруг краем глаза уловил какое-то движение в кустах у дороги. Он почувствовал, что на него кто-то смотрит. Он так перепугался, что вскочил и бросился бежать в сторону города. В это время чудовище бросилось на него, пытаясь схватить за горло. Оно промахнулось лишь на дюйм. Дон Хуан завопил, как никогда прежде, но сохранил достаточно самообладания, чтобы повернуться и побежать назад в том направлении, откуда он пришел.

Все время, пока дон Хуан бежал, спасая свою жизнь, чудовище преследовало его, с треском продираясь через кусты в нескольких шагах от него. Дон Хуан сказал, что это был самый страшный звук, который ему когда-нибудь доводилось слышать. Наконец он увидел упряжку мулов, медленно тащившихся вдалеке, и громко закричал, взывая о помощи.

Белисарио увидел дон Хуана и кинулся к нему с выражением нескрываемого ужаса на лице. Он швырнул ему узел с женской одеждой и закричал; «Беги, как женщина, глупец!»

Дон Хуан признался, что понятия не имеет, как ему тогда хватило присутствия духа, чтобы побежать, как женщина, но он сделал это. Чудовище перестало гнаться за ним. Белисарио приказал ему быстро переодеться, пока он держал монстра на расстоянии.

Дон Хуан присоединился к Белисарио и улыбающимся погонщикам, ни на кого не глядя. Они повернули обратно и выбрали другую дорогу. За несколько последующих дней никто не произнес ни слова. Затем Белисарио дал ему очередной урок. Он сообщил дону Хуану, что индейские женщины очень практичны и сразу обращают внимание на суть вещей, но они также очень застенчивы, и когда их окликают, они обычно проявляют физические признаки испуга: у них бегают глаза, они сжимают губы и раздувают ноздри. Одновременно они застывают на месте и застенчиво смеются.

Он заставлял дону Хуана упражняться в искусстве женского поведения в каждом городе, через который они проезжали. И дон Хуан чистосердечно верил, что тот обучает его актерскому мастерству: но Белисарио утверждал, что обучает его искусству сталкинга. Он сказал дону Хуану, что сталкинг является искусством, применимым к чему бы то ни было, и выделил четыре ступени обучения ему: безжалостность, хитрость, терпение и мягкость.

Я почувствовал потребность еще раз прервать его рассказ.

– Но разве сталкингу обучают не в состоянии глубокого повышенного осознания? – спросил я.

– Конечно, – ответил он, усмехнувшись. – Но тебе следовало бы понять, что для некоторых мужчин ношение женской одежды является вратами к повышенному осознанию. Хотя такие способы и очень трудны для исполнения, фактически они являются даже более эффективными, чем сдвиг точки сборки.

Дон Хуан сказал, что его бенефактор ежедневно инструктировал его в отношении четырех настроений сталкинга и добивался, чтобы дон Хуан ясно понял, что безжалостность не должна быть грубостью¹⁵, хитрость – жестокостью¹⁶, терпение – небрежностью¹⁷, а мягкость – глупостью.

¹⁵ Harshness – резкость, порывистость, грубость, жестокость, суровость

¹⁶ Cruelty – жестокость, зверство, бессердечие, бездушие

¹⁷ Negligence – небрежность, невнимательность, халатность

Он учил его, что эти четыре ступени необходимо практиковать и совершенствовать до тех пор, пока они не станут настолько плавными, что будут незаметными. Он считал, что женщины являются природными сталкерами. Его убеждение в этом было так велико, что он утверждал: мужчина может по-настоящему изучить искусство сталкинга только в женском обликии.

– Мы с ним заходили на рынок в каждом городе, через который нам случалось проезжать, и там с кем-нибудь торговались, – продолжал дон Хуан. – Мой бенефактор стоял рядом, наблюдая за мной. «Будь безжалостным, но обаятельным, – повторял он. – Будь хитрым, но любезным¹⁸. Будь терпеливым, но активным. Будь мягким¹⁹, но смертельно опасным. На это способна только женщина. Если бы так мог действовать мужчина, он был бы женоподобным (жеманным).

И как бы для уверенности в том, что дон Хуан будет следовать в нужном русле, время от времени появлялся чудовищный человек. Дон Хуан заметил, что он постоянно рыскает в окрестностях. Особенно часто он видел его, когда Белисарио делал ему энергичный массаж спины, якобы для того, чтобы облегчить острую невралгическую боль в шее.

Дон Хуан засмеялся и сказал, что не имел представления о том, что таким образом его переводили в состояние повышенного осознания.

– Нам понадобился месяц, чтобы добраться до Дуранго, – сказал дон Хуан. – За этот месяц я получил общее представление о четырех настроениях сталкинга. В сущности, это не так уж сильно изменило меня, но зато дало возможность получить представление о том, что значит быть женщиной.

¹⁸ Nice – приятный, милый, любезный

¹⁹ Sweet – см. стр. 76

Четыре настроения сталкинга

Дон Хуан сказал, что я должен оставаться на древнем наблюдательном посту и использовать тягу земли, чтобы сместить точку сборки и вспомнить другие состояния повышенного осознания, в которых он обучал меня сталкингу.

– На протяжении последних нескольких дней я много раз упоминал о четырех настроениях сталкинга, – сказал он. – Я говорил о безжалостности, хитрости, терпении и мягкости в надежде, что ты сможешь вспомнить о них все, чему я тебя учил. Было бы замечательно, если бы ты смог использовать эти четыре настроения, как гидов для тотального вспоминания.

Он выдержал паузу, которая показалась мне слишком долгой. Затем он сделал заявление, которое, казалось, не должно было удивить меня – и, тем не менее, сильно удивило. Он сказал, что обучал меня четырем настроениям сталкинга в северной Мексике с помощью Висенте Медрано и Сильвио Мануэля. Он не продолжал дальше, давая мне время осмыслить это. Я силился вспомнить, но потом махнул рукой и хотел было уже громогласно заявить, что не способен вспомнить того, чего никогда не происходило.

Но пока я всячески отрицал это, мне в голову начали приходить тревожные мысли. Я ведь знал, что дон Хуан сказал это не для того, чтобы досадить мне. Как уже бывало прежде, когда он просил меня вспомнить повышенное осознание, меня захватывало осознание того, что, действительно, отсутствовала непрерывность в тех событиях, через которые я проходил под его руководством. Эти события не были связаны между собой в линейной последовательности, подобно событиям моей повседневной жизни. Весьма возможно, что он был прав. В мире дона Хуана у меня не было оснований быть уверенным в чем бы то ни было.

Я пытался выразить свои сомнения, но он отказался слушать и велел мне вспоминать. К этому времени совсем стемнело. Стало ветрено, но я не чувствовал холода. Дон Хуан дал мне плоский камень, чтобы я положил его себе на грудь. Мое осознание было обострено и восприимчиво ко всему вокруг. Я почувствовал

внезапную тягу, которая не была ни внешней, ни внутренней – скорее, это было ощущение непрерывного тянущего усилия в неопределенной части меня. Внезапно с ослепительной ясностью я начал вспоминать встречу, которая произошла годы назад. Я вспомнил события и людей так ярко, что это испугало меня до озноба. Я рассказал все это дону Хуану, но он не проявил интереса и только призвал меня не поддаваться умственному или физическому страху.

Мое воспоминание было таким реальным, как если бы я вновь пережил этот эпизод. Дон Хуан сохранял спокойствие. Он даже не смотрел в мою сторону. Я чувствовал оцепенение. Оно проходило медленно.

Я мог лишь повторить то же, что всегда говорил дону Хуану, когда вспоминал событие, не включенное в линейную последовательность.

– Как это может быть, дон Хуан? Как я мог забыть все это? И он вновь заявлял то же, что и всегда. – Механизм такого рода воспоминания не имеет ничего общего с нормальной памятью, – уверил дон Хуан. – Он связан с перемещением точки сборки.

Он утверждал, что хотя я обладаю полным знанием о том, что такое намерение, однако еще не могу распоряжаться этим знанием. Знать, что такое намерение, – означает, что обладающий этим знанием в любое время может объяснить это знание или воспользоваться им. Нагуаль в силу своего положения обязан распоряжаться своим знанием именно таким образом.

– Что ты вспомнил? – спросил он меня.

– Тот первый случай, когда ты рассказывал мне о четырех настроениях stalking, – сказал я.

Какой-то необъяснимый в понятиях моего обычного восприятия мира процесс освободил воспоминания, которых за минуту до того не существовало. И я вспомнил последовательность событий, которые произошли много лет назад.

Когда я уезжал из дома дона Хуана в Соноре, он попросил меня встретиться с ним на следующей неделе около полудня на границе США в Ногалесе, штат Аризона, на автобусной станции Грейхаунд.

Я приехал на час раньше, но он уже стоял у двери. Я приветствовал его. Не отвечая, он поспешно оттолкнул меня в сторону и прошептал, чтобы я вытащил руки из карманов. Я был огорошен. Не дав мне опомниться, он сказал, что у меня расстегнулась ширинка, постыдно демонстрируя мое сексуальное возбуждение.

Скорость, с которой я бросился застегиваться, была феноменальной. К тому времени, когда я понял, что это была всего лишь грубая шутка, мы уже были на улице. Дон Хуан смеялся, довольно ощутимо похлопывая меня по спине, словно он был в восторге от своей шутки. Внезапно я обнаружил себя в состоянии повышенного осознания.

Мы зашли в кафе и сели. Мой ум был настолько ясным, что мне хотелось смотреть на все, видеть суть вещей.

– Не растрачивай энергию, – велел дон Хуан строгим голосом. – Я привел тебя сюда, чтобы выяснить, сможешь ли ты есть, когда твоя точка сборки сдвинута. Не пытайся сделать больше, чем это.

Но вдруг за столик напротив меня сел какой-то человек, и все мое внимание оказалось прикованным к нему.

– Повращай глазами, – велел дон Хуан. – Не смотри на этого человека.

Но перестать смотреть на него было выше моих сил. Я почувствовал, что требования дона Хуана меня раздражают.

– Что ты видишь? – услышал я вопрос дона Хуана. Я видел светящийся кокон, являющий собой прозрачные крылья, которые были обернуты поверх собственно кокона. Крылья развернулись, затрепетали на мгновение, отслоились, упали, на их месте появились новые крылья, и весь процесс повторился снова.

Дон Хуан развернул меня вместе со стулом лицом к стене.

– Это растрата, – сказал он после того, как я рассказал ему о том, что видел. – Ты исчерпал почти всю свою энергию. Сдерживай себя. Воину необходим фокус. На кой черт ему крылья на светящемся коконе?

Он сказал, что повышенное осознание похоже на трамплин. Из него можно совершить прыжок в бесконечность. Он подчеркивал снова и снова, что когда точка сборки оказывается смещенной, она затем либо возвращается в положение, очень близкое к прежнему, либо продолжает двигаться в бесконечность.

– Люди и не подозревают о странной силе, которую несут в себе, – продолжал он. – Вот сейчас, например, у тебя есть способ достичь бесконечности. Если ты будешь дальше так же бестолково вести себя, то можешь сдвинуть свою точку сборки за определенный порог, откуда нет возврата.

Я понял опасность, о которой он говорил, или, вернее, физически ощутил, что стою на краю пропасти, и если наклонюсь вперед, то свалюсь в нее.

– Твоя точка сборки сдвинулась в повышенное осознание, – продолжал он, – потому что я одолжил тебе свою энергию.

Мы молча ели простую пищу. Дон Хуан запретил мне пить чай или кофе.

– Когда ты пользуешься моей энергией, – сказал он, – ты не находишься в своем собственном времени. Ты находишься в моем. А я пью воду.

Когда мы вышли и направились к моей машине, меня слегка тошнило. Я пошатнулся, и едва не потерял равновесие. Это ощущение было похоже на то, когда впервые надеваешь очки и пытаешься в них ходить.

– Возьми себя в руки, – сказал дон Хуан, улыбаясь. – Там, куда мы идем, тебе придется действовать исключительно точно.

Он сказал, чтобы я ехал через границу в соседний с Ногалесом город в Мексике. Во время езды он все время давал мне указания: какую улицу выбирать, когда делать правый, а когда левый поворот и с какой скоростью ехать.

– Я знаю эту местность, – сказал я довольно раздраженно. Скажи мне, где ты хочешь выйти, и я высажу тебя там. Как водитель такси.

– О'кей, – сказал он, – Высади меня, пожалуйста, на Хранимой-Небесами-Авеню, 1573.

Я не знал такой улицы, если только она вообще существовала. Я подозревал, что он только что придумал это название, чтобы сбить меня с толку, и промолчал. Его улыбающиеся глаза насмешливо блестели.

– Эгомания²⁰ – настоящий тиран, – сказал он. – Мы должны непрестанно трудиться, чтобы развенчать ее.

Он продолжал указывать мне дорогу и, наконец, попросил меня остановиться у одноэтажного светло-бежевого дома, причем, по возможности, подъехать поближе.

В этом доме было что-то, немедленно привлекавшее мой взгляд: его окружал толстый слой гравия цвета охры. Массивная входная дверь, оконные рамы и отделка дома тоже были цвета охры, как и гравий. Все видимые окна были закрыты венецианскими шторами. Судя по всему, это был обычный пригородный дом, принадлежащий представителю среднего класса.

Мы вышли из машины. Дон Хуан пошел вперед. Он не постучал и не открыл дверь ключом, но мне показалось, что когда мы подошли к дому, дверь сама по себе бесшумно открылась, повернувшись на хорошо смазанных петлях.

²⁰ Egomania - эгоизм

Дон Хуан быстро вошел, не приглашая меня. Я сам последовал за ним. Мне было любопытно узнать, кто же открыл нам дверь изнутри, но там никого не было.

Интерьер дома был успокаивающим. Не было ни картин на ровных, абсолютно чистых стенах, ни люстры, ни книжных полок. Золотисто-желтый кирпичный пол составлял приятный контраст с белыми стенами. Мы находились в небольшом тесном холле, который переходил в просторную гостиную с высокими потолками и кирпичным камином. Половина комнаты была полностью пустой, но в другой части комнаты, ближе к камину, полукругом расположилась дорогая мебель: две большие бежевые кушетки в центре, а по бокам два кресла, обтянутые тканью того же цвета. Посередине стоял тяжелый круглый дубовый кофейный стол. Судя по увиденному мною в этом доме, живущие здесь люди должны были быть зажиточными, но бережливыми. Они, очевидно, любили посидеть у огня.

В креслах сидели двое мужчин лет пятидесяти-шестидесяти. Когда мы вошли, они поднялись из кресел. Один из них был индеец, другой – латиноамериканец. Дон Хуан представил вначале индейца, который находился ближе ко мне.

– Это Сильвио Мануэль, – сказал мне дон Хуан. – Он – самый могущественный и опасный маг моего отряда, и к тому же самый таинственный.

Черты Сильвио Мануэля были как будто с фресок майя. У него был бледный, почти желтоватый цвет лица. Я подумал, что он похож на китайца. Глаза его были раскосыми, но без монголоидных складок. Они были большие, черные и сияющие. Он был безбородый, с черными, как смоль, волосами, в которых кое-где проблескивала седина. У него были высокие скулы и полные губы. Ростом он был приблизительно пяти футов и семи дюймов. Он был худощавый, жилистый. Одет он был в желтую спортивную рубашку, коричневые брюки и тонкий пиджак бежевого цвета. Судя по одежде и манере держаться, он скорее был похож на мексиканца.

Я улыбнулся и протянул Сильвио Мануэлю руку. Но он не принял ее, а лишь небрежно кивнул.

– А это Висенте Медрано, – сказал дон Хуан, поворачиваясь к другому мужчине. – Он самый знающий и старейший среди моих товарищей. Он самый старший не по возрасту, а потому, что он был самым первым учеником нашего бенефактора.

Висенте кивнул так же небрежно, как и Сильвио Мануэль, и так же не сказал ни слова.

Он был немного выше Сильвио Мануэля, но такой же худощавый. Кожа на его лице была белой и нежной, он носил тщательно подстриженные усы и бороду. Черты его лица были очень мягкими: прекрасной формы тонкий нос, маленький рот с тонкими губами. Густые темные брови составляли контраст с седеющими шевелюрой и бородой. У него были карие сияющие глаза, смеющиеся, несмотря на хмурое выражение лица.

На нем был консервативный льняной зеленоватый костюм и спортивная рубашка с открытым воротом. Он был или мексиканец, или американец. Я подумал, что он, должно быть, и является хозяином дома.

В отличие от них, дон Хуан выглядел как индеец-пеон. Его соломенная шляпа, стоптанные башмаки, старые брюки цвета хаки и шотландская рубашка были такими, как у какого-нибудь садовника или чернорабочего.

При наблюдении за ними у меня появилось ощущение, что дон Хуан маскировался. У меня возник образ из военной тематики, как если бы дон Хуан был старшим офицером, который руководил тайной операцией, офицером, который, как ни старался, не мог скрыть многие годы своего командования.

А еще мне показалось, что все они были примерно одного возраста. Хотя дон Хуан казался гораздо старше остальных, но при этом был бесконечно более крепким (сильным).

– Я думаю, вы уже знаете, что Карлос индугирует²¹ больше, чем кто бы то ни было, – сказал им дон Хуан с самым серьезным видом. – Он любит это даже больше, чем наш бенефактор. Я уверяю вас, что если и существует человек, который относится к индугированию серьезно, – так это он.

Я засмеялся, но только я один. Эти двое мужчин наблюдали за мной со странным блеском в глазах.

– Безусловно, вы составите незабываемое трио, – сказал дон Хуан. – Самый старший и самый знающий, самый опасный и самый могущественный, и самый потакающий себе (самоиндугирующий).

Они и тут не засмеялись и внимательно изучали меня, пока я не почувствовал себя неловко. Тогда Висенте нарушил молчание.

– Не пойму, зачем ты притащил его в дом, – сказал он сухим и резким тоном. – Он нам ни к чему. Отведи его на задний двор.

– И привяжи его там, – добавил Сильвио Мануэль. Дон Хуан повернулся ко мне.

– Пойдем, – сказал он мягким тоном и указал быстрым движением головы в сторону задней части дома.

Мне стало совершенно ясно, что я не понравился этим двум людям. Я чувствовал себя сердитым и обиженным, но эти чувства в какой-то мере рассеивались состоянием повышенного осознания. Мы вышли на задний двор. Дон Хуан небрежно подобрал ремennую веревку и обвязал ей мою шею с непостижимой быстротой. Его движения были такими стремительными и неожиданными, что не успел я осознать происходящее, как уже был привязан за шею, как собака, к одной из двух шлакоблочных колонн, поддерживающих тяжелый навес над террасой.

Дон Хуан покачал головой из стороны в сторону жестом покорности или недоверия и отправился обратно в дом. После этого я пронзительно завопил, чтобы он развязал меня. Веревка была

²¹ To indulge – потворствовать, потакать, не отказывать себе

настолько затянута вокруг шеи, что это не давало мне возможности кричать так сильно, как мне хотелось.

Я никак не мог поверить, что такое могло случиться. Сдерживая раздражение, я попытался развязать узел на шее. Но он был настолько тугим, что, казалось, ремешки склеились. Я едва не сорвал ногти, пытаясь освободиться.

В порыве неконтролируемого гнева я зарычал от бессилия, как зверь. Потом я схватил веревку, обмотал ее вокруг руки и, упершись ногой в столб, дернул. Но кожа ремня была слишком прочной для силы моих мускулов. Я был унижен и напуган. Страх отрезвил меня. Я понял, что был обманут фальшивой аурой рассудительности дона Хуана.

Я оценил ситуацию настолько объективно, насколько мог, и не увидел иного пути освободиться от веревки, как только перетереть ее. Начав неистово тереть веревку об острый край колонны, я подумал, что если успею разорвать ее прежде, чем любой из этих людей вернется сюда, у меня будет шанс добежать до машины и уехать, чтобы никогда больше не возвращаться.

Я пыхтел и обливался потом, перетирая веревку, до тех пор, пока не оказался близок к цели. Тогда я уперся одной ногой в столб, снова обмотал веревку вокруг руки и отчаянно дернул. Она оборвалась, отбросив меня назад к открытой двери. Пятясь спиной, я споткнулся о порог. Дон Хуан, Висенте и Сильвио Мануэль стояли посреди комнаты, аплодируя.

— Какое драматическое возвращение, — сказал Висенте, помогая мне встать. — Ты одурачил меня. Я не думал, что ты способен на такие вспышки.

Дон Хуан подошел ко мне и развязал узел, освободив мою шею от обрывка веревки.

Я дрожал от страха, напряжения и гнева. Срывающимся голосом я спросил дона Хуана, зачем ему понадобилось мучить меня подобным образом. Все трое засмеялись, и смех этот ни в коем случае не был угрожающим.

– Мы хотели испытать тебя и выяснить, человеком какого типа ты являешься, – сказал дон Хуан.

Он подвел меня к кушетке и вежливо предложил сесть. Висенте и Сильвио Мануэль сидели в креслах, а дон Хуан сел напротив меня на другую кушетку.

Я нервно посмеивался, но меня больше не тревожили ни мое положение, ни друзья дон Хуана. Все трое с искренним любопытством рассматривали меня, Висенте никак не мог перестать улыбаться, хотя изо всех сил старался казаться серьезным. Сильвио Мануэль смотрел на меня и ритмично покачивал головой. Его глаза не были сфокусированны, но направлены в мою сторону.

– Мы привязали тебя, – продолжал дон Хуан, – потому что хотели узнать, являешься ли ты мягким, безжалостным, терпеливым или хитрым. Выяснилось, что ты не обладаешь ни одним из этих качеств. Скорее всего, ты чудовищно потекаешь себе, как я и говорил. Если бы ты не индальгировал в своем гневе, ты бы, конечно, заметил, что устрашающий с виду узел, на который была завязана веревка, на самом деле, был довольно безобидным. Развязать его было очень просто, Висенте придумал этот узел, чтобы дурачить своих друзей.

– Ты дергал веревку яростно. Ты, в самом деле, не мягкий, – сказал Сильвио Мануэль.

На мгновение наступила пауза, а потом они рассмеялись.

– Ты не был ни безжалостным, ни хитрым, – продолжал дон Хуан. – А если бы был, ты мог бы легко развязать узел и убежать, прихватив с собой дорожную кожаную веревку. Не проявил ты и терпения. В противном случае ты бы хныкал и вопил до тех пор, пока бы не увидел, что в двух шагах от тебя на земле лежат ножницы, с помощью которых ты в два счета перерезал бы веревку, избавив себя от истерики и ненужных усилий.

Тебя не нужно учить, как быть необузданным и бестолковым. Ты уже такой. Но ты можешь научиться быть безжалостным, терпеливым, хитрым и мягким.

Дон Хуан объяснил мне, что безжалостность, хитрость, терпение и мягкость составляют суть сталкинга. Они являются основой, которая со всеми своими ответвлениями должна быть изучена шаг за шагом во всех тонкостях.

Все это явно предназначалось для меня, но, говоря, он смотрел на Висенте и Сильвио Мануэля, которые слушали с большим вниманием и время от времени кивали головами в знак согласия.

Он еще раз подчеркнул, что из того, что делают маги, обучение сталкингу является одной из самых сложных вещей. И он настаивал, что независимо от их конкретных действий по обучению меня сталкингу и от того, что я понимал их превратно, их действия были продиктованы безупречностью.

— Будь уверен, мы знаем, что делаем. Наш бенефактор, нагуаль Хулиан, позаботился об этом, — сказал дон Хуан, и все трое так раскатисто захохотали, что я почувствовал себя крайне неудобно. Я не знал, что и подумать.

Дон Хуан повторил, что очень важно помнить, что хотя со стороны поведение магов и может показаться враждебным, но, на самом деле, оно всегда безупречно.

— В чем тут разница, если ты являешься объектом издевательств? — спросил я.

— Злонамеренные действия совершаются людьми ради личной выгоды, — сказал он. — Другое дело — маги. Хотя их действия и преследуют скрытую цель, но она не имеет ничего общего с личной выгодой. То, что они получают удовольствие от своих действий, не может рассматриваться как выгода. Скорее, это свойство их характера. Обычный человек действует только тогда, когда есть возможность извлечь для себя какую-то пользу. Воины говорят, что они действуют не ради выгоды, но ради духа.

Я задумался над этим. Действовать не ради выгоды было для меня чем-то совершенно непонятным. Я был воспитан так, чтобы чувствовать себя вправе ожидать какую-либо награду за все, что я делаю.

Дон Хуан, очевидно, истолковал мое молчание и замешательство как скептицизм. Он засмеялся и посмотрел на своих компаньонов.

– Возьми, к примеру, нас, – продолжал он, – Ты считаешь, что вносишь что-то в эту ситуацию, и, в конечном счете, хочешь извлечь пользу из нее. Если ты рассердишься на нас или если мы тебя разочаруем, ты вполне можешь прибегнуть к злонамеренным действиям, чтобы свести с нами счеты. В противоположность тебе у нас и в мыслях не было действовать ради личной выгоды. Наши действия продиктованы безупречностью – мы не можем разозлиться или разочароваться в тебе.

Дон Хуан улыбнулся и сказал мне, что с момента нашей встречи на автобусной станции все, что он сделал для меня, хотя это могло и не выглядеть таковым, было продиктовано безупречностью. Он объяснил, что ему нужно было поставить меня в незащитное положение, чтобы помочь мне войти в состояние повышенного осознания. Именно поэтому он и сказал мне, что мои брюки расстегнуты.

– Это был способ встряхнуть тебя, – сказал он с усмешкой. – Мы – грубые индейцы, и потому все наши толчки²² несколько примитивны. Чем изощреннее воин, тем более проработанны и искусны его толчки. Но я считаю, что мы получили огромное удовольствие от нашей грубости, особенно когда привязали тебя за шею, как собаку.

Все трое усмехнулись, а потом тихонько рассмеялись, как если бы в доме был еще кто-то, кого они не хотели беспокоить.

Очень тихим голосом дон Хуан сказал, что, поскольку я нахожусь в состоянии повышенного осознания, я могу лучше понять то, что он намеревается рассказать мне о двух видах искусства – сталкинге и намерении. Он назвал их вершиной достижения магов, как старых, так и новых, – именно тем, о чем они, как и тысячи лет назад, заботятся сегодня. Он заявил, что сталкинг является началом, и что прежде, чем воины могут что-нибудь предпринять на

²² Jolt – толчок, столкновение, тряска, удар

пути воина, воинам необходимо научиться выслеживать, затем они должны научиться намереваться, и только после этого они смогут сдвигать точку сборки по своей воле.

Я точно знал, о чем он говорит. Откуда-то я знал, что движение точки сборки может быть выполнено. Но слов, чтобы сказать им о моем знании, у меня не было. Несколько раз я пытался найти слова для такого объяснения. Они смеялись над моими неудачами и советовали мне пытаться снова.

– Как бы ты посмотрел на то, если бы за тебя все это произнес я? – спросил дон Хуан. – Пожалуй, я мог бы найти точные слова, которые ты хочешь, но не можешь использовать.

По его вопросительному взгляду я решил, что он серьезно спрашивает моего разрешения. Ситуация показалась мне настолько нелепой, что я рассмеялся. Дон Хуан, проявляя завидное терпение, повторил свой вопрос, и я снова рассмеялся. Их удивление и озабоченность показали мне, что моя реакция была им непонятна. Дон Хуан поднялся и заметил, что я слишком устал и что мне пора возвращаться в мир повседневных дел.

– Ну, пожалуйста, подожди, – взмолился я. – Со мной все в порядке. Просто мне показалось забавным, что тебе понадобилось спрашивать у меня разрешения.

– Я должен спросить твоего разрешения, – сказал дон Хуан, – потому что ты единственный, кто может позволить словам, заключенным внутри тебя, выйти наружу. Думаю, я все же переоценил твою способность к пониманию. Слова есть нечто исключительно могущественное и важное, и они являются магическим достоянием того, кому они принадлежат. У магов есть правило большого пальца: они говорят, что чем глубже сдвигается точка сборки, тем сильнее ощущение, что обладаешь знанием и не имеешь слов для его объяснения. Иногда точка сборки и у обычных людей может по неизвестной причине прийти в движение, чего они и сами не осознают, разве что вдруг становятся косноязычными, смущенными и рассеянными.

Тут вмешался Висенте и предложил, чтобы я остался с ними еще на некоторое время. Дон Хуан согласился и повернулся лицом ко мне.

– Самым первым принципом stalkingа является то, что воин выслеживает самого себя, – сказал он. – Он выслеживает самого себя безжалостно, хитро, терпеливо и мягко.

Я хотел было засмеяться, но он опередил меня и очень кратко определил stalking как искусство использования нового, необычного поведения с особой целью. Он сказал, что нормальное человеческое поведение в мире повседневной жизни является рутинным. Любое нестандартное, разрушающее рутину поведение оказывает необычное воздействие на все наше существо. Это необычное воздействие и было тем, чего искали маги, потому что оно имело свойство накапливаться.

Он объяснил, что древние видящие благодаря своему видению первыми заметили, что необычное поведение вызывает колебания точки сборки. Вскоре они обнаружили, что если систематически практиковать и мудро направлять такое поведение, то, в конечном счете, это вызывает сдвиг точки сборки.

– Настоящим вызовом для тех магов-видящих, – продолжал дон Хуан, – было обретение системы поведения, не допускавшей мелочности и капризов, но сочетающей высокие моральные качества и чувство красоты, которое отличает видящих от простых колдунов.

Дон Хуан прервал свою речь, и все трое посмотрели на меня, как бы стараясь отыскать следы усталости в моих глазах или теле.

– Всякий, кто добьется успеха в сдвиге своей точки сборки в новое положение, является магом, – продолжал дон Хуан. – Находясь в этом новом положении, он может делать разнообразные хорошие или плохие вещи для окружающих его людей. Следовательно, быть магом – это похоже на то, как быть сапожником или пекарем. Поиски магов-видящих идут дальше этой стадии. А для этого необходимо сочетать нравственность и красоту.

Он сказал, что для магов сталкинг является основой, на которой зиждется все, что они делают.

– Некоторые маги критикуют слово «сталкинг», – продолжал он, но это название было принято именно потому, что оно подразумевает скрытное поведение.

Его называют также «искусством скрытности», однако и этот термин в равной мере неудачен. Мы сами, в силу своего невоинственного характера, называем его искусством контролируемой глупости. Ты можешь называть его как угодно. Мы же, однако, будем придерживаться термина «сталкинг», потому что легче сказать «сталкер», чем, как имел обыкновение говорить мой бенефактор, «тот, кто практикует контролируемую глупость».

При упоминании об их бенефакторе все трое засмеялись как дети. Я понимал его превосходно. У меня не возникало ни вопросов, ни сомнений. Но при всем этом у меня было чувство, что я должен, как за якорь, держаться за каждое слово дона Хуана. В противном случае мои мысли обгоняли бы его. Я заметил, что мои глаза фиксировались на движении его губ, а уши – на звучании его слов. Но как только я это заметил, я не смог больше следить за его словами. Моя концентрация исчезла. Дон Хуан продолжал говорить, но я уже не слушал его. Меня захватила идея о непостижимой возможности постоянно жить в состоянии повышенного осознания. Я спрашивал себя, насколько велика была бы ценность такого состояния для выживания. Позволило бы это лучше ориентироваться в ситуациях? Быть подвижнее, чем обычный человек, или, возможно, умнее?

Дон Хуан внезапно остановился и спросил меня, о чем я думаю.

– О, ты слишком практичен, – прокомментировал он мои откровения. – А я-то надеялся, что в состоянии повышенного осознания твой темперамент станет более артистичным, более мистическим.

Дон Хуан повернулся к Висенте и попросил его ответить на мой вопрос. Висенте откашлялся и вытер ладони о свою одежду. Он производил впечатление человека, испытывающего страх перед

аудиторий. Мне стало жаль его. Мои мысли путались. И когда я слушал его, запинаящегося от волнения, в моем воображении возник образ, – впечатление, которое всегда вызывала у меня отцовская робость, его страх перед людьми. Но прежде чем я успел поддаться этому образу, глаза Висенте вспыхнули каким-то странным внутренним светом. Его лицо приняло комически-серьезное выражение, и он обратился ко мне с речью в авторитетной и профессиональной манере.

– Отвечаю на твой вопрос, – сказал он. – Нет никакой ценности для выживания в состоянии повышенного осознания, иначе весь род людской был бы там. Однако он от этого застрахован, потому что туда очень трудно попасть. И все же всегда имеется слабая возможность и для обычного человека войти в такое состояние. Но если ему это и удастся, то результатом является замешательство, иногда необратимое.

Все трое разразились смехом.

– Маги говорят, что повышенное осознание является вратами намерения, – сказал дон Хуан, – и пользуются им соответственно. Подумай об этом.

Я разглядывал каждого из них в отдельности, открыв рот, и чувствовал, что если я буду держать его открытым, то, в конце концов, буду способен разгадать загадку. Я закрыл глаза и ко мне пришел ответ. Я чувствовал его. Это не было мыслями. Но как я ни пытался, я не мог выразить его в словах.

– Там, там, – сказал дон Хуан. – Ты получил еще один магический ответ полностью самостоятельно, но у тебя все еще недостаточно энергии, чтобы выровнять²³ его и превратить в слова.

Ощущение, которое я испытал, было больше, чем невозможность выразить словами свои мысли. Это было похоже на переживание заново чего-то давно позабытого – не знать, что я чувствую, потому что я еще не умею говорить вообще и поэтому не имею возможности перевести свои чувства в мысли.

²³ To flatten – становиться ровным, плоским, гладким; выравнивать(ся), разглаживать(ся)

– Мышление и точное выражение того, что ты хочешь сказать, требуют невообразимого количества энергии, – сказал дон Хуан, разрушив мои ощущения.

Он вывел меня из такой глубочайшей погруженности в себя, что я забыл, с чего все началось. Я ошеломленно уставился на дону Хуана и признался, что не имею ни малейшего понятия о том, что они или я говорили или делали за минуту до этого. Я помнил инцидент с кожаным ремнем и то, что дон Хуан потом говорил мне, но чувство, владевшее мною несколько секунд назад, я вспомнить не мог.

– Ты идешь по ложному пути, – сказал дон Хуан. – Ты пытаешься вспомнить мысли так, как делаешь это обычно, но здесь иная ситуация. Секунду назад у тебя было всепоглощающее чувство, что ты знаешь нечто, совершенно особенное. Подобное чувство нельзя восстановить, полагаясь на память. Ты должен вспомнить его, намереваясь вернуть его.

Он обернулся к Сильвио Мануэлю, который сидел, развалившись в кресле и вытянув ноги под кофейным столиком. Сильвио Мануэль пристально посмотрел на меня. Его черные глаза были похожи на два кусочка блестящего обсидиана. Не пошевелившись, он издал пронзительный крик, похожий на птичий.

– Намерение! – завопил он. – Намерение!! Намерение!!!

С каждым возгласом его голос становился все более и более нечеловеческим и пронзительным. Волосы у меня на затылке встали дыбом. По коже побежали мурашки. Однако мой ум вместо того, чтобы сосредоточиться на страхе, который я, несомненно, испытывал, направился напрямую на воспоминание пережитого чувства. Но прежде чем я смог вспомнить его полностью, оно расширилось и превратилось в нечто иное. И тогда я понял не только то, почему повышенное осознание является вратами намерения, но также и то, что такое само намерение. Кроме того, я понял, что это знание не может быть выражено в словах и что оно доступно для всех. Его можно почувствовать, использовать, но не

объяснить. В него можно войти путем изменения уровня осознания, — поэтому повышенное осознание является входом. Но даже вход невозможно объяснить. Его можно только использовать.

В этот день ко мне без какой-либо подсказки пришла еще одна частица знания: естественное знание намерения доступно каждому, но управление им принадлежит лишь тем, кто исследовал его.

К этому моменту я уже страшно устал, что, несомненно, и послужило причиной влияния католического воспитания на мои последующие реакции. На какое-то мгновение я поверил, что намерение — это Бог.

Я сказал об этом дону Хуану, Висенте и Сильвио Мануэлю. Они засмеялись. Все тем же тоном профессионального оратора Висенте сказал, что намерение не может быть Богом, потому что оно является силой, которую нельзя описать и тем более представить.

— Не будь таким самоуверенным, — жестко сказал дон Хуан. — Не пытайся спекулировать на основе своего первого и пока единственного опыта. Подожди, пока ты не сможешь управлять своим знанием, а потом и решай, что есть что.

Воспоминание о четырех настроениях сталкинга обессилило меня настолько, что в результате мною овладела глубочайшая апатия. В этот момент меня не смогла бы взволновать даже гибель, грозящая мне или дону Хуану. Мне было все равно, оставаться на древнем наблюдательном посту или в крошечной тьме возвращаться назад.

Дон Хуан безошибочно понял мое настроение. Он, как слепого, подвел меня за руку к массивной скале и помог сесть, прислонившись к ней спиной. Он посоветовал, чтобы при помощи естественного сна я вернулся в нормальное состояние осознания.

Нисхождение Духа

Видение Духа

Сразу после позднего завтрака еще за столом дон Хуан объявил, что нам предстоит провести ночь в пещере магов, и что мы должны отправиться в путь. Он сказал, что для меня крайне необходимо посидеть там снова в полной темноте, чтобы дать возможность скальным образованиям и намерению магов сдвинуть мою точку сборки.

Я хотел было встать со стула, но он остановил меня и сказал, что есть еще кое-что, что он хотел бы объяснить мне. Он потянулся, положил ноги на стул и откинулся назад в удобной расслабленной позе.

– Чем более детально я вижу тебя, тем больше замечаю, как вы похожи с моим бенефактором.

Для меня это звучало столь угрожающе, что я прервал его, сказав, что не могу представить, что за сходство он имеет в виду. Но если какое-то и было, что маловероятно, то я буду очень рад, если он расскажет мне о нем, давая тем самым возможность что-то исправить или изменить. Дон Хуан смеялся, пока по его щекам не потекли слезы.

– Одно из сходств состоит в том, что пока ты действуешь, ты действуешь очень хорошо, – сказал он, – но когда ты думаешь, тебя всегда заносит. Мой бенефактор был точно таким же. Он думал не слишком хорошо.

Я чуть не бросился защищаться и хотел сказать, что не вижу ничего неправильного в том, как я думаю, но тут вдруг заметил озорной блеск в его глазах и запнулся на полуслове. Дона Хуана рассмешила такая перемена во мне, но в его смехе чувствовалось удивление. Он явно ожидал противоположной реакции.

– Я имел в виду, например, то, что у тебя только тогда есть проблема с пониманием духа, когда ты думаешь о нем, – начал он с улыбкой упрека. – Но когда ты действуешь, дух легко открывается тебе. Мой бенефактор был таким же.

– Прежде чем мы отправимся к пещере, я расскажу тебе историю о моем бенефакторе и о четвертом абстрактном ядре. Маги полагают, что любой из нас может уйти от духа вплоть до самого момента его нисхождения, но не после.

Дон Хуан специально остановился, чтобы подчеркнуть движением бровей значительность того, что он говорит.

– Четвертое абстрактное ядро – это полный удар нисхождения (обрушивания) духа, – продолжал он. – Четвертое абстрактное ядро – это акт раскрытия. Дух открывается нам. Маги описывают это так, как если бы дух находился в засаде, а затем обрушивался на нас, как на свою добычу. Маги говорят, что нисхождение духа всегда незаметно. Оно случается тогда, когда кажется, что вообще ничего не случилось.

Я начал сильно нервничать, почувствовав по тону дона Хуана, что он собирается в подходящий момент чем-то ошеломить меня.

Он спросил, помню ли я момент, когда дух обрушился на меня, закрепив мою постоянную верность абстрактному.

Я не имел ни малейшего представления, о чем он говорит.

– Существует некий порог, однажды переступив который – отступить уже невозможно, – сказал он. – Обычно с момента стука духа проходят годы, прежде чем ученик достигает этого порога. Однако иногда его достигают почти немедленно. Случай с моим бенефактором – пример этого.

Дон Хуан добавил, что каждому магу следует хорошо запомнить прохождение этого порога, чтобы он мог напоминать себе о новом состоянии из потенциала своего восприятия. Он объяснил, что такого порога может достичь не только ученик магии и что единственное различие между обычным человеком и магом в этом

случае заключается лишь в том, на чем каждый из них акцентирует внимание. Маг придает особое значение прохождению порога и использует память об этом, как о точке отсчета. Обычный человек не пересекает порог и делает все возможное, чтобы забыть о нем.

Я не мог согласиться с его точкой зрения, что надо пересечь только один порог.

Дон Хуан с ужасом возвел очи к небесам и потрянул головой в шутливом жесте отчаяния. Я продолжал настаивать на своем, не то, чтобы не соглашаясь с ним, просто пытаюсь уяснить все это для себя. Однако возникший было интерес быстро угас. Я вдруг почувствовал, будто скольжу сквозь какой-то туннель.

– Маги говорят, что время четвертого абстрактного ядра приходит тогда, когда дух разрывает цепи нашей саморефлексии²⁴, – сказал он. – Разрыв наших цепей – это чудесно, но и очень нежелательно, потому что никто, на самом деле, не хочет быть свободным.

Ощущение, похожее на скольжение через туннель владело мной еще мгновение, а затем все прояснилось. И тогда я начал смеяться. Странные проблески понимания, заключенные внутри меня, вырвались наружу в виде смеха.

Дон Хуан, казалось, читал мои мысли, как книгу.

– Что за странное чувство – понимать, что все, что мы думаем, все, что мы говорим, зависит от положения точки сборки, – заметил он.

И это было именно то, о чем я только что подумал и над чем смеялся.

– Я знаю, что твоя точка сборки в данный момент сместилась, – продолжал он, – и ты понял секрет наших цепей. Они держат нас в

²⁴ Self-reflection – термин «саморефлексия» сохранен, однако точный перевод этого слова – самоотражение, что очень точно соответствует сути явления, ведь это именно отражение в себе, в своем собственном образе.

заточении, и, приковывая к удобному месту нашей саморефлексии, они защищают нас от яростной атаки неизвестного.

Для меня наступило одно из тех необычных мгновений, когда представления о мире магов становятся кристально ясными.

– Как только наши цепи разорваны – мы больше не ограничены заботами²⁵ повседневного мира, – продолжал он, – и хотя мы по-прежнему остаемся в этом мире, но больше не принадлежим ему. Для того, чтобы быть его частью, мы должны разделять заботы людей, чего без цепей мы делать уже не можем.

Дон Хуан рассказал, что нагуаль Элиас однажды объяснил ему, что обычных людей отличает то, что все мы разделяем владение неким метафорическим кинжалом: заботами нашей саморефлексии. Этим кинжалом мы рассекаем себя и истекаем кровью. И наши цепи саморефлексии дают нам чувство, что мы истекаем кровью вместе, что все мы имеем нечто чудесное – нашу человеческую природу. Но если мы изучим это, то откроем, что истекаем кровью в одиночестве, что мы ничем не владеем совместно, и все, что мы делаем – это тешимся своим послушным, нереальным, человеком созданным образом.

– Маги больше не пребывают в мире обыденных дел, – продолжал дон Хуан, – поскольку уже не являются жертвами саморефлексии.

Затем дон Хуан начал рассказывать историю о своем бенефакторе и нисхождении духа. Он сказал, что эта история началась сразу после того, как дух постучался в дверь к молодому актеру.

Я перебил дону Хуана, спросив его, почему он постоянно употребляет термин «молодой человек» или «молодой актер», упоминая о нагуале Хулиане.

– В то время, когда произошла эта история, он не был нагуалем, – ответил дон Хуан, – он был просто молодым актером. В

²⁵ Concerns – дела, заботы, беспокойства

своем рассказе я не могу называть его даже просто «Хулиан», потому что для меня он всегда был «нагуаль Хулиан». Перед именем нагуалья мы всегда добавляем слово «нагуаль» в знак уважения к его безупречной жизни.

Дон Хуан продолжал свою историю. Он сказал, что нагуаль Элиас остановил смерть молодого актера, переведя того в повышенное осознание, в результате чего после долгих часов борьбы тот снова пришел в сознание. Нагуаль Элиас не назвал своего имени, а представился ему как профессиональный целитель, ставший случайным свидетелем разыгравшейся трагедии, в которой чуть не погибли двое. Он указал на распростертую на земле молодую женщину, Талию. Молодой человек был удивлен, увидев ее лежащей без сознания возле него, ведь он помнил ее убегающей. Слова старого целителя, что Бог, несомненно, наказал Талию за ее грехи, поразив ее молнией и лишив разума, испугали его, но не настолько, чтобы он не заинтересовался некоторой странностью.

– Но откуда взяться молнии, если даже дождь не идет? – спросил молодой актер едва слышным голосом. Он был явно поражен, когда старый индеец ответил, что Господа не спрашивают о его путях.

И снова я прервал дона Хуана. Мне было любопытно узнать, в действительности ли молодая женщина потеряла рассудок. Он напомнил мне, что нагуаль Элиас нанес сокрушительный удар по ее точке сборки. Она не потеряла рассудка, но в результате удара вошла в состояние повышенного осознания и тут же вышла из него, что создало серьезную угрозу ее здоровью. С огромным трудом нагуаль Элиас помог ей стабилизировать ее точку сборки, и она уже постоянно находилась в состоянии повышенного осознания.

Дон Хуан заметил, что женщины вообще способны проделывать потрясающую вещь: они могут сохранять новое положение точки сборки постоянно. А Талиа была несравненна. Как только ее цепи разорвались, она сразу все поняла и приняла планы Нагуалья.

Дон Хуан рассказал, что нагуаль Элиас, который был не только превосходным сновидящим, но и превосходным сталкером, видел,

что молодой актер, хотя и был испорченным и самодовольным, – но черствым и бездушным он казался лишь на первый взгляд. Нагуаль знал, что если он напомним ему о Боге, грехе и возмездии, религиозное чувство актера разрушит его цинизм. Когда актер услышал о наказании Божьем, его фасад начал разрушаться. Он начал говорить о раскаянии, но Нагуаль прервал его, безжалостно подчеркнув, что, когда смерть так близка, чувство вины уже не имеет значения.

Молодой актер слушал очень внимательно, но хотя ему и было ужасно плохо, он не верил, что стоит на пороге смерти. Он думал, что его слабость и обморок вызваны потерей крови.

Как бы читая мысли юноши, нагуаль Элиас объяснил ему, что оптимизм сейчас неуместен, поскольку кровотечение могло бы стать роковым, если бы не его вмешательство как целителя.

– Когда я ударил тебя по спине, я поставил пробку на пути покидавшей тебя жизненной силы, – сказал Нагуаль скептически настроенному молодому актеру. – Без этого неизбежный процесс твоего умирания продолжался бы. Если ты мне не веришь, я докажу тебе это, убрав пробку другим ударом.

Сказав это, нагуаль Элиас ударил молодого актера по правой стороне его грудной клетки. У того мгновенно начались рвота и удушье, изо рта его хлынула кровь, поскольку он безудержно кашлял. Следующий удар по спине остановил болезненную агонию и рвоту. Однако он так испугался, что потерял сознание.

– Я могу задержать на некоторое время твою смерть, – сказал Нагуаль, когда актер пришел в сознание. – Как долго я смогу делать это, зависит от того, насколько охотно ты будешь выполнять мои указания.

Нагуаль сказал, что первым его требованием к молодому актеру было сохранение полной неподвижности и молчания. Если он не хочет, чтобы «пробка» вышла, – добавил Нагуаль, – он должен вести себя так, как если бы он полностью потерял способность двигаться и говорить. Одного резкого движения или произнесенного слова достаточно, чтобы снова вызвать умирание.

Молодой актер не привык выполнять чьи-либо требования и тем более следовать советам. Он пришел в ярость. Когда он попытался протестовать, снова вернулась страшная боль и конвульсии.

– Если прекратишь сопротивляться, я исцелю тебя, – сказал Нагуаль. – Но если ты будешь вести себя, как жалкий идиот, какой ты и есть, то ты умрешь.

Актер, гордый молодой человек, оцепенел от оскорбления. Никто и никогда не называл его жалким идиотом. Он хотел было разъяриться, но боль была такой жестокой, что он не смог отреагировать на оскорбление.

– Если ты хочешь, чтобы я облегчил твою боль, ты должен слушаться меня беспрекословно, – сказал Нагуаль с ужасающей холодностью. – Ответь мне кивком. Но если тебе вздумается вести себя подобно постыдному слабоумному, каким ты и являешься, я немедленно уберу пробку и брошу тебя умирать.

Собрав последние силы, актер кивнул в знак согласия. Нагуаль шлепнул его по спине, и его боль исчезла. Но вместе со жгучей болью исчезло еще кое-что: спала пелена с его разума. И тогда молодой актер узнал все, ничего при этом не понимая. Нагуаль снова представился ему, сказав, что его зовут Элиас, и что он – Нагуаль, и актер знал, что все это значит.

Затем нагуаль Элиас обратил его внимание на лежавшую почти без сознания Талию. Он приложил губы к ее левому уху и прошептал слова, заставившие ее беспорядочно двигавшуюся точку сборки остановиться. Он успокоил ее страх, шепотом рассказывая ей истории о магах, которым пришлось испытать то же, что сейчас испытывала она. Когда она совершенно успокоилась, он представился как нагуаль Элиас, маг, а затем попытался проделать с ней наиболее трудную в магии вещь – смещение точки сборки за пределы известного нам мира.

Дон Хуан заметил, что опытные маги способны выходить за пределы известного нам мира, чего не могут делать те, у кого такого опыта нет. Нагуаль Элиас всегда утверждал, что обычно он и не

пытался совершать такие подвиги, но в тот день его побудило действовать нечто, отличное от его воли и его знаний. И прием сработал. Талиа побывала за пределами известного нам мира и вернулась назад невредимой.

Затем у нагуалья Элиаса было еще одно озарение. Он сел между двумя распростертыми на земле молодыми людьми – обнаженный актер был прикрыт лишь курткой нагуалья Элиаса для верховой езды – и проанализировал сложившуюся ситуацию. Он сказал им, что они оба в силу обстоятельств попали в ловушку самого духа. Он, Нагуаль, является активной частью этой ловушки, поскольку, встретившись с ними в данных обстоятельствах, он обязан был стать их временным покровителем и использовать свои познания в магии, чтобы помочь им. Его долгом как временного покровителя было предупредить их о том, что они близки к достижению единственного в своем роде порога и что им следует, – как каждому в отдельности, так и вместе, – подойти к этому порогу, войдя в настроение непринужденности, но без безрассудства, настроение осторожности, но без индальгирования. Он не хотел больше ничего говорить, боясь смутить их или повлиять на их выбор. Он чувствовал, что если им предстоит пересечь этот порог, с его стороны потребуется лишь совсем небольшая помощь.

Затем Нагуаль оставил их одних в этом уединенном месте и пошел в город, чтобы достать для них лекарственных трав, циновки и одеяла. Он сделал это для того, чтобы они достигли и пересекли этот порог в одиночестве.

В течение долгого времени молодые люди лежали рядом друг с другом, погруженные в свои мысли. Благодаря тому, что их точки сборки были смещены, они могли думать гораздо глубже, чем обычно, но это также означало, что они беспокоились, колебались и боялись настолько же сильнее.

Поскольку Талиа могла говорить и была немного сильнее, она прервала молчание и спросила молодого актера, не страшно ли ему. Он утвердительно кивнул. Она испытывала к нему огромное чувство сострадания, поэтому сняла шаль и накинула ему на плечи, а затем взяла его за руку.

Молодой человек не смел сказать, что он чувствует. Слишком велик и стоек был его страх, что боль вернется к нему, если он заговорит. Он хотел извиниться перед ней, сказать, что очень сожалеет о причиненной ей боли и что его близкая смерть не имеет никакого значения, поскольку он, определенно, знает, что не проживет и дня.

Талиа думала о том же. Она сказала, что очень сожалеет о том, что избила его до полусмерти. Она испытывала теперь умиротворение – чувство, которое было прежде неведомо ей, раздираемой своей огромной энергией. Она сказала ему, что ее смерть тоже очень близка и что она будет рада, если все кончится в этот день.

Молодой актер, услышав свои собственные мысли из уст Талии, задрожал. Прилив энергии заставил его сесть. Он не чувствовал боли и не кашлял. Он вбирал в себя огромные глотки воздуха, как никогда раньше. Он взял девушку за руку, и они начали беззвучно разговаривать.

Дон Хуан сказал, что это было мгновение, когда на них снизошел дух. Они видели. Они были глубоко верующими католиками, и то, что они видели, было видением небес, где все было живым и озаренным светом. Они видели мир чудесных видений.

Когда вернулся Нагуаль, он нашел их опустошенными, но невредимыми, Талиа была без сознания, а молодой человек не потерял сознания лишь благодаря невероятным усилиям. Он попытался что-то прошептать Нагуалю на ухо.

– Мы видели Небеса, – прошептал он, и слезы покатались по его щекам.

– Вы видели гораздо больше, – возразил нагуаль Элиас, – вы видели дух.

Дон Хуан сказал, что поскольку обрушивание духа всегда скрыто, Талиа и молодой актер, естественно, не могли удержать свое видение. Они скоро забыли его, как забыл бы и любой другой на их месте. Уникальность их опыта состояла в том, что без всякой

подготовки и без осознания происходящего они вместе сновидели и видели дух. Легкость, с которой они достигли этого, была просто невероятной.

– Эти двое были действительно самыми замечательными существами, которых я когда-либо встречал, – добавил дон Хуан.

Естественно, мне захотелось узнать о них побольше. Но дон Хуан не стал потворствовать моему желанию. Он сказал, что все, о чем он рассказал, касается его бенефактора и четвертого абстрактного ядра.

Казалось, он вспомнил нечто такое, о чем не рассказывал мне, и безудержно расхохотался. Затем он хлопнул меня по спине и сказал, что настало время посетить пещеру.

Когда мы достигли скального выступа, было почти темно. Дон Хуан поспешно сел в той же позе, что и в первый раз. Он сидел справа, касаясь меня плечом. Мне показалось, что он тут же погрузился в состояние глубокого расслабления, что побудило и меня к полной неподвижности и молчанию. Я не слышал даже его дыхания. Как только я закрыл глаза, он слегка подтолкнул меня локтем, предупреждая, чтобы я держал их открытыми.

Когда стало совсем темно, глаза мои стали болеть и чесаться от нестерпимой усталости. В конце концов я перестал сопротивляться и провалился в самый глубокий и беспробудный сон в своей жизни. И все же это был не совсем сон. Я мог чувствовать вокруг себя густую черноту. У меня было совершенно явственное ощущение, что я пробираюсь сквозь эту черноту. Внезапно она стала красноватой, потом оранжевой, затем ослепительно белой, как очень резкий неоновый свет. Постепенно мое зрение пришло в фокус, и я увидел, что сижу в той же позе рядом с доном Хуаном, только уже не в пещере. Мы были на вершине горы и смотрели вниз на изумительно красивые равнины и горы вдаль. Эта прекрасная прерия была омыта сиянием, которое струилось из самой земли, как лучи света. Куда бы я ни глянул, я видел знакомые очертания: скалы, холмы, реки, леса, каньоны, увеличенные и преобразенные своими внутренними вибрациями, своим внутренним свечением. Свечение,

которое было так приятно моим глазам, исходило также и из меня самого.

– Твоя точка сборки сдвинулась, – как бы сказал мне дон Хуан. Не было слышно ни звука, тем не менее, я знал, что он только что говорил со мной. Я попытался рационально объяснить самому себе, что я, без сомнения, услышал бы его, даже если бы он говорил в безвоздушном пространстве. Все это, наверное, потому, что происшедшее со мной как-то временно изменило мои уши.

– С твоими ушами все в порядке. Просто мы находимся в иной области осознания, – снова как бы сказал мне дон Хуан.

Я не мог говорить. Я был в оцепенении глубокого сна, которое не позволяло мне произносить слова, хотя моя восприимчивость была исключительно высокой.

– Что происходит? – подумал я.

– Пещера заставила твою точку сборки сдвинуться, – подумал дон Хуан, и я услышал его мысли, как если бы они были моими собственными словами, сказанными самому себе.

Я ощутил приказ, который не был выражен даже мысленно. Что-то заставило меня снова посмотреть на прерию.

По мере того, как я смотрел на это чудесное зрелище, из всего в этой прерии начали исходить нити света. Вначале это было похоже на взрыв бесконечного числа коротких световых волокон. Затем волокна превратились в длинные нитеподобные пряди света, связанные вместе вибрирующие лучи, уходящие в бесконечность. Я, на самом деле, не мог бы найти иной смысл того, что я видел, или описать это иначе, чем назвав нитями вибрирующего света. Нити не были перемешанными или спутанными. Хотя они исходили и продолжали исходить во всех направлениях, каждая была сама по себе, хотя все они оставались неразрывно связанными вместе.

– Ты видишь эманации Орла и силу, которая одновременно и разъединяет и связывает их воедино, – подумал дон Хуан.

В мгновение, когда я уловил его мысль, нити света, казалось, поглотили всю мою энергию. Меня охватила усталость. Видение мое исчезло, и я погрузился в темноту.

Когда я снова пришел в себя, вокруг меня было что-то очень знакомое, хотя я и не мог сказать, что именно. Я решил, что вернулся в нормальное состояние осознания. Дон Хуан спал рядом со мной, наши плечи соприкасались.

Затем я понял, что мы находимся в такой крошечной темноте, что я не мог видеть даже своих собственных рук. Поразмыслив, я решил, что это, должно быть, туман окутал выступ и вход в пещеру. А может быть, это были низкие клочковатые облака, которые, подобно бесшумным лавинам, каждую дождливую ночь опускались с более высоких гор. Однако, несмотря на полную темноту, я каким-то образом увидел, что дон Хуан открыл глаза сразу же после того, как я пришел в себя, хотя он и не смотрел на меня. Внезапно я понял, что вижу его не вследствие падения света на мою сетчатку. Скорее, это было телесное ощущение.

Я был так поглощен наблюдением за доном Хуаном без помощи глаз, что не обратил внимания на то, что он заговорил со мной. В конце концов он перестал говорить и повернул ко мне лицо, словно желая посмотреть мне в глаза.

Он пару раз кашлянул, прочищая горло, и снова заговорил очень тихим голосом. Он сказал, что его бенефактор имел обыкновение приходить в эту пещеру как с ним, так и с другими учениками, но чаще сам по себе. В этой пещере его бенефактор видел ту же прерию, которую только что видели мы, и это видение побудило его описать дух как поток вещей. Дон Хуан повторил, что его бенефактор не был хорошим мыслителем. Если бы он был таковым, то сразу понял бы, что то, что он видел и описал как поток вещей, было намерением, силой, которая пронизывает все. Дон Хуан добавил, что если его бенефактор даже и понимал природу своего видения, он никогда не говорил об этом. Но сам он считает, что его бенефактор этого никогда не знал. Он считал, что видит поток вещей, и это было действительно так, но не в том смысле, который он имел в виду.

Дон Хуан говорил об этом так выразительно, что я хотел спросить, в чем же различие, но не смог произнести ни слова. Мое горло было как будто замороженным. Так мы сидели там в полной тишине и неподвижности несколько часов, однако я не чувствовал никакого неудобства. В мышцах не чувствовалось усталости, ноги не затекли, спина не болела.

Когда он снова заговорил, я даже не заметил перемены и с легкостью переключился на слушание его голоса. Это был мелодичный и ритмичный звук, как бы возникший из окружающей меня полной темноты.

Он сказал, что в этот самый момент я не нахожусь ни в нормальном, ни в повышенном состоянии осознания. Я был подвешен во временном затишье, в черноте невосприятия. Моя точка сборки сместилась с того места, откуда воспринимается повседневный мир, но продвинулась не настолько, чтобы достичь и полностью засветить новую связку энергетических полей. Собственно говоря, я застрял между двумя возможностями восприятия. Это промежуточное положение, это затишье восприятия было достигнуто благодаря влиянию пещеры, вызванному намерением магов, которые высекли ее в скале.

Дон Хуан попросил меня сконцентрировать все свое внимание на том, что он будет говорить дальше. Он сказал, что маги тысячи лет назад при помощи видения осознали, что Земля – это чувствующее существо, и ее осознание может воздействовать на осознание людей. Они попытались найти способ использовать влияние Земли на человеческое осознание и обнаружили, что самым эффективным местом для этого являются некоторые пещеры. Дон Хуан сказал, что поиск таких пещер стал едва ли не единственным занятием этих магов, и благодаря их усилиям была обнаружена возможность использования пещер различной конфигурации в различных целях. Он добавил, что единственно важным для нас результатом этой работы стала именно эта пещера и ее свойство сдвигать точку сборки до достижения ею временного затишья восприятия.

Пока дон Хуан говорил, я не мог отделаться от неопределенного чувства какого-то прояснения в моем уме. Что-то вытягивало мое осознание в длинный узкий канал. Все ненужные полу-мысли и чувства моего нормального осознания были вытеснены.

Дон Хуан вполне осознавал, что со мной происходит. Я слышал, как он тихонько удовлетворительно посмеивался. Он сказал, что сейчас нам будет гораздо легче разговаривать, и в нашей беседе будет больше глубины.

В этот момент я вспомнил массу вещей, которые он объяснял мне раньше. Например, я знал, что сновиджу. Я действительно крепко спал, однако полностью осознавал себя с помощью своего второго внимания, которое являлось альтернативным моему обычному вниманию. Моя уверенность в том, что я сплю, основывалась на телесных ощущениях и на чисто рациональных выводах, опирающихся на сделанные раньше заявления дон Хуана. Я только что видел эманации Орла, а дон Хуан говорил, что маги не могут длительно обозревать эманации Орла способом иным, чем сновидение. Следовательно, я находился в сновидении.

Дон Хуан объяснял, что вселенная состоит из энергетических полей, не поддающихся описанию или изучению. Он говорил, что они похожи на волокна обычного света. Отличие же состояло в том, что даже свет кажется безжизненным по сравнению с эманациям Орла, которые излучают осознание. Вплоть до этой ночи я никогда не был способен видеть их достаточно долго, и они, действительно, состояли из света, который был живым. Дон Хуан еще раньше говорил мне, что мое знание и контроль намерения недостаточны для того, чтобы противостоять напору такого зрелища. Он объяснял, что обычное восприятие имеет место тогда, когда намерение, являющееся чистой энергией, воспламеняет часть светящихся волокон внутри нашего кокона и одновременно озаряет длинные пучки тех же светящихся волокон, которые тянутся из нашего кокона в бесконечность.

Необычное же восприятие, — видение — проявляется, когда силой намерения наполняется энергией и зажигается уже другой

пучок энергетических полей. Еще он сказал, что когда внутри светящегося кокона воспламеняется критическое количество энергетических полей, маг способен видеть сами энергетические поля.

В другой раз дон Хуан рассказал о рациональном мышлении древних магов. По его словам, благодаря своему видению они поняли, что осознание происходит тогда, когда энергетические поля внутри нашего светящегося кокона настраиваются на такие же энергетические поля снаружи. И они решили, что именно эта, открытая ими настройка²⁶, и есть источник осознания.

Однако после тщательного рассмотрения стало очевидным: то, что они называли «настройкой эманаций Орла», не могло полностью объяснить того, что они видели. Они заметили, что энергией наполняется только небольшая часть всего количества светящихся волокон внутри кокона, тогда как остальные остаются неизменными. Видение наполнения энергией этих нескольких волокон привело к ложному открытию. Волокна не нуждаются в настройке, чтобы воспламеняться, потому что внутри нашего кокона они те же, что и снаружи. То, что наполняло их энергией, было явно независимой силой. Они чувствовали, что не могут продолжать, называть ее осознанием, как они это делали раньше, поскольку осознание – это свечение воспламененных энергетических полей. Поэтому сила, которая зажигает поля, была названа «волей».

Дон Хуан сказал, что когда их видение начало становиться все более точным и эффективным, они поняли, что воля – это сила, которая удерживает эманации Орла разделенными и порождает не только наше осознание, но и все остальное во вселенной. Они видели, что эта сила обладает полным сознанием и что она берет начало от тех самых полей энергии, которые образуют вселенную. Тогда они решили, что намерение – более подходящее название для нее, чем воля. Однако много веков спустя и это название было признано неудовлетворительным, поскольку оно не отражало ни огромной важности этой силы, ни ее живой связи со всем во вселенной.

²⁶ Alignment – выравнивание, регулировка, настройка

Дон Хуан утверждал, что нашим огромным общим недостатком является то, что мы, проживая жизнь, совершенно игнорируем эту связь. Наши житейские дела, наши нескончаемые интересы, надежды, заботы, разочарования и страхи берут верх, и в потоке обыденной жизни мы и не подозреваем, что связаны с чем-то еще.

Дон Хуан выразил свое убеждение в том, что христианские идеи об изгнании из райского сада представляются ему аллегорией утраты нашего безмолвного знания, нашего знания намерения. Следовательно, магия – это возвращение к началу, возвращение в рай.

Мы продолжали сидеть в пещере в полном молчании, вероятно, в течение нескольких часов, а может быть, всего лишь нескольких мгновений. Внезапно дон Хуан начал говорить, и неожиданный звук его голоса ошеломил меня. Я не уловил смысла его слов. Я прочистил горло, чтобы попросить его повторить сказанное, и это действие полностью вывело меня из созерцательного состояния. Я быстро понял, что темнота вокруг больше не была непроницаемой. Теперь я мог говорить. Я почувствовал, что вернулся в состояние обычного осознания.

Спокойным голосом дон Хуан сказал мне, что впервые в жизни я видел дух, – силу, которая поддерживает вселенную. Он подчеркнул, что намерение не является чем-то таким, что можно использовать, чем можно распоряжаться или каким-то образом управлять. И, тем не менее, можно использовать его, распоряжаться и управлять им по своему желанию. Это противоречие, по его словам, и является сутью магии. Непонимание этого принесло многим поколениям магов невообразимые страдания и горе. Современные нагуали, стремясь избежать непомерно высокой платы страданием, разработали особую систему поведения, называемую путем воина, или безупречным образом действия, благодаря которой маги получают подготовку, усиливая свою трезвость (уравновешенность) и глубину мышления.

Дон Хуан объяснил, что некогда, в далеком прошлом, маги проявляли интерес к общему связующему звену, посредством которого намерение связано со всем. Фокусируя второе внимание на

этом звене, они обрели не только непосредственное знание, но и возможность его использования для совершения поразительных поступков. Однако они не обрели глубины ума, необходимой для полного управления всей этой силой.

И вот, размышляя над этим, маги решили фокусировать свое второе внимание на связующем звене только тех существ, которые наделены осознанием. Это включает весь ряд органических существ, а также еще один ряд, в который маги объединили так называемых неорганических существ, или союзников. Союзники, как свидетельствуют маги, являются существами, наделенными осознанием, но не жизнью в том смысле, в котором мы понимаем жизнь.

Но и это решение было неудачным, поскольку не прибавило им мудрости. Продолжая сужать круг поисков, маги сфокусировали свое внимание исключительно на том звене, которое связывает с намерением человеческие существа. Конечный результат не намного превзошел прежний. Наконец, маги окончательно сузили круг и решили, что каждый маг должен иметь дело только со своей связью, но и это решение оказалось таким же неэффективным.

Дон Хуан сказал, что хотя различие между этими четырьмя областями интереса и значительно, но все же каждая из них вела к искажению, как и другие. Поэтому, в конце концов, маги остановились на том, что их собственное связующее звено с намерением должно освободить их посредством зажигания огня изнутри.

Он заявил, что все современные маги должны яростно бороться за достижение глубины (здравости) ума. Нагуаль должен бороться особенно настойчиво, потому что он обладает большей силой, большей властью над энергетическими полями, которые определяют восприятие. Он в большей степени подготовлен и поэтому лучше знаком со сложностями безмолвного знания, которое является ничем иным, как непосредственным контактом с намерением.

Рассматриваемая таким образом магия становится попыткой восстановить наше знание намерения и снова обрести способность

использовать его, не поддаваясь ему. И абстрактные ядра магических историй отражают оттенки понимания, степени нашего осознания намерения.

Я понимал объяснения дона Хуана с совершенной ясностью. Но чем больше я понимал, чем яснее становились его утверждения, тем острее становилось мое чувство потери и подавленности. В какой-то момент я искренне решил покончить с собой прямо сейчас. Я чувствовал себя обреченным. Чуть не плача, я сказал дону Хуану, что ему не стоит продолжать объяснения, поскольку я знаю, что сейчас утрачу ясность мышления и что, когда я вернусь в состояние обычного осознания, я не буду помнить ничего из того, что только что видел или слышал. Мое мирское осознание навяжет мне свою укоренившуюся привычку повторяться и свою разумную, предсказуемую логику. Вот почему я чувствую себя обреченным. Я сказал ему, что ужасно обижен на свою судьбу.

Дон Хуан заметил, что даже в состоянии повышенного осознания я умудряюсь повторяться и время от времени навязываю ему надоедливое описание своих приступов ощущения бесполезности. Он сказал, что если мне суждено погибнуть, то это должно случиться в борьбе, а не в сожалениях или чувстве жалости к себе. И не имеет значения, какой будет наша собственная судьба, пока мы лицом к лицу встречаем ее с предельной непринужденностью.

Его слова отзывались во мне чувством блаженства и счастья. Слезы текли по моим щекам, и я снова и снова повторял, что согласен с ним. Счастье было таким огромным, что я испугался, как бы моя нервная система не вышла из-под контроля. Я постарался напрячь все свои силы и прекратить это, и вскоре почувствовал отрезвляющее действие своих умственных усилий. Но, по мере того, как я приходил в себя, ясность мышления начала рассеиваться. Я молча боролся, пытаюсь стать и менее здравомыслящим, и менее нервным. Дон Хуан не проронил ни звука, предоставив меня самому себе.

К тому времени, как я восстановил равновесие, почти рассвело. Дон Хуан встал, вытянул руки над головой и напряг мышцы. Его

суставы при этом похрустывали. Он помог мне встать и заметил, что прошедшая ночь дала мне большое просветление: я испытал, что представляет собой дух, и смог собрать в себе достаточно сил и совершить нечто такое, что внешне проявилось как успокоение нервозности, а на более глубоком уровне было очень успешным сдвигом своей точки сборки собственными усилиями. Затем он дал мне понять, что пора отправляться в обратный путь.

Кувырок²⁷ мысли

Мы добрались до его дома около семи утра, как раз к завтраку. Я был голоден, но не устал. Мы покинули пещеру и на рассвете спустились вниз в долину. Дон Хуан, вместо того, чтобы идти напрямик, выбрал окольный путь, который проходил вдоль реки. Он объяснил, что нам нужно немного собраться с мыслями²⁸, прежде чем идти домой.

Я ответил, что с его стороны было очень любезно сказать «нам», поскольку на самом деле только мои мысли были не в порядке. Но он возразил, что действует не по доброте душевной, а исходя из тренировки воина. Воин, сказал он, всегда настороже, чтобы не попасть в ловушку негибкого человеческого поведения. Воин всегда магичен и безжалостен, это скиталец²⁹ с самыми утонченными вкусами и манерами, чья задача – все больше оттачивать свои острые края, при этом маскируя их так, чтобы никто не мог заподозрить его в безжалостности.

После завтрака я хотел было немного поспать, но дон Хуан сказал, что мне нельзя терять времени. По его словам, я очень скоро должен был потерять ту небольшую ясность, которая у меня еще оставалась, и что если я пойду спать, то совершенно утрачу ее.

– Не нужно быть гением, чтобы понять, что говорить о намерении трудно, – сказал он, быстро рассматривая меня при этом

²⁷ Somersault – кульбит, прыжок кувырком, кувыркание

²⁸ Collect our wits - собрать наши мозги

²⁹ Maverick – скиталец; индивидуалист, независимый человек; человек, не разделяющий общепринятых взглядов

с головы до ног. – Но сказать так – значит не сказать ничего. Вот почему вместо этого маги предпочитают магические истории. И они надеются, что однажды абстрактные ядра этих историй обретут для слушателя смысл.

Я понимал, о чем он говорит, но по-прежнему не представлял себе, что такое абстрактное ядро или что оно должно значить для меня. Я пытался размышлять над этим, но мысли мне не повиновались. В уме быстро мелькали образы, не давая мне времени подумать о них. Я не мог замедлить их бег хотя бы до такой степени, чтобы можно было их распознать. В конце концов гнев пересилил меня, и я стукнул кулаком по столу.

Дон Хуан, хохоча, затрясся всем телом.

– Делай то, что ты делал прошлой ночью, – посоветовал он мне и подмигнул. – Замедлись.

Мое раздражение сделало меня очень агрессивным. Я тут же выдвинул какие-то бессмысленные доводы, затем осознал свою ошибку и извинился за несдержанность.

– Не извиняйся, – сказал он. – Должен отметить, что понимание, которое придет после, сейчас для тебя попросту невозможно. В данный момент абстрактные ядра магических историй ни о чем тебе не говорят. Позже, я имею в виду – спустя годы – они обретут для тебя совершенно ясный смысл.

Я попросил дона Хуана не оставлять меня в неведении и все же обсудить абстрактные ядра. Мне было совершенно не понятно, чего он хотел от меня в связи с этими ядрами. Я убеждал его, что мое теперешнее состояние повышенного осознания могло бы очень помочь мне понять его объяснения. Я умолял его поторопиться, поскольку не мог ручаться за продолжительность такого состояния. Я сказал ему, что скоро вернусь в свое обычное осознание и стану еще большим идиотом, чем я есть сейчас. Это было сказано полушутя. По его смеху я понял, что он так и воспринял мои слова, но я был глубоко впечатлен ими. Меня охватило чувство сильной печали.

Дон Хуан мягко взял меня за руку и подтолкнул к уютному глубокому креслу, а сам сел напротив. Он пристально посмотрел мне в глаза, и на мгновение я был не в состоянии разрушить силу его взгляда.

– Маги постоянно отслеживают³⁰ самих себя, – сказал он доверительно, как бы пытаясь успокоить меня звуком своего голоса.

Я хотел сказать, что моя нервозность уже прошла и что причиной ее было, наверное, недосыпание, но он не дал мне ничего сказать.

Он заявил, что уже обучил меня всему, что надо знать о сталкинге, но я еще не могу извлечь этого знания из глубин повышенного осознания, где я его хранил. Я сказал ему, что у меня постоянно присутствует раздражающее ощущение закупоренности. Я чувствовал нечто, запертое внутри меня, нечто, заставляющее меня пинать двери, стучать по столу, нечто, что расстраивало меня и делало раздражительным.

– Ощущение закупоренности испытывает каждое человеческое существо, – сказал он. – Это напоминание о существовании нашей связи с намерением. У магов такое чувство особенно пронзительно именно потому, что их цель заключается в повышении чувствительности связующего звена до такой степени, чтобы они могли заставлять его работать по своей воле. Когда давление связующего звена становится чрезмерным, маги ослабляют его, отслеживая самих себя.

– Я все еще не совсем понимаю, что ты подразумеваешь под сталкингом, – сказал я, – но мне кажется, что на каком-то определенном уровне я точно знаю, что ты имеешь в виду.

– В таком случае, я попытаюсь помочь тебе прояснить то, что ты знаешь, – сказал он. – Сталкинг – это процедура очень простая. Сталкинг – это особое поведение, которое основано на определенных принципах. Это скрытное, незаметное, вводящее в заблуждение поведение, предназначенное для того, чтобы дать толчок. Когда ты

³⁰ To stalk – отслеживать (stalking – см. стр. 10)

выслеживаешь себя, ты толкаешь себя, используя собственное поведение безжалостным, хитрым образом.

Он объяснил, что когда осознание мага начинает увязать под тяжестью поступающих впечатлений, как это бывало со мной, то лучшим, или, пожалуй, единственным средством против этого является использование идеи смерти для того, чтобы сообщить этот толчок сталкинга.

– Поэтому идея смерти является колоссально важной в жизни магов, – продолжал дон Хуан. – Я привел тебе неисчислимые аргументы относительно смерти, чтобы убедить тебя в том, что знание о предстоящем и неизбежном конце и является тем, что дает нам трезвость. Самой дорогостоящей ошибкой обычных людей является потакание ощущению, что мы бессмертны, как будто если мы не будем размышлять о собственной смерти, то сможем защитить себя от нее.

– Ты должен согласиться, дон Хуан, что, не думая о смерти, мы ограждаем себя от переживаний по этому поводу.

– Да, именно с этой целью мы и не думаем о ней, – согласился дон Хуан. – Но эта цель не является стоящей даже для обычных людей, а уж для магов она попросту пародийна. Без ясного взгляда на смерть нет ни порядка, ни трезвости, ни красоты. Маги борются за достижение этого очень важного понимания, чтобы на возможно более глубоком уровне осознать, что у них нет ни малейшей уверенности, что их жизнь продлится дольше этого мгновения. Такое понимание дает магам мужество быть терпеливыми, и все же совершать действия, быть уступчивыми, не будучи глупыми.

Дон Хуан пристально посмотрел на меня. Он улыбнулся и потрянул головой.

– Да, – продолжал он, – мысль о смерти – это единственное, что может придать магу мужество. Странно, правда? Она дает магу мужество быть хитрым, не будучи самодовольным, но самое главное – она дает ему мужество быть безжалостным, не будучи самозначительным.

Он снова улыбнулся и слегка подтолкнул меня локтем. Я сказал ему, что мысль о собственной смерти ужасает меня и что я постоянно думаю о ней, но это все равно не дает мне мужества и не побуждает к действию. Я только становлюсь циничным и впадаю в глубокую меланхолию.

– Твоя проблема очень проста, – сказал он. – Ты легко становишься одержимым, захваченным чем-либо. Я уже говорил тебе, что маги отслеживают самих себя, чтобы побороть власть своих навязчивых идей (того, чем они одержимы). Имеется много способов сталкинга самого себя. Если ты не хочешь использовать идею смерти, используй для сталкинга самого себя стихи, которые ты мне читаешь.

– Извини, не понял.

– Я уже говорил тебе, что по многим причинам люблю стихи, – сказал он. – С их помощью я отслеживаю себя. С их помощью я сообщаю себе толчок. Я слушаю, как ты читаешь, останавливаю свой внутренний диалог и позволяю своей внутренней тишине стать (обрести) движущей силой. Затем сочетание стихотворения и внутренней тишины сообщает мне толчок.

Он объяснил, что поэты неосознанно стремятся к миру магов. Поскольку они не являются магами на пути к знанию, стремление – это все, что у них есть.

– Посмотрим, сможешь ли ты ощутить то, о чем я тебе говорю, – сказал он, вручая мне книжку стихов Хосе Горостизы.

Я открыл ее на том месте, где была закладка, и он указал мне свое любимое стихотворение. ✦

– Слушая эти слова, – сказал дон Хуан, когда я закончил читать, – я чувствую, что этот человек видит суть вещей, и я могу видеть вместе с ним. Меня не интересует, о чем эти стихи. Меня волнует только чувство, которое стремление поэта приносит мне. Я заимствую его стремление и вместе с ним я заимствую красоту. И изумляюсь тому факту, что он, подобно истинному воину, щедро отдает это тем, кто его воспринимает, – своим читателям, оставляя себе только свое стремление к чему-то. Этот толчок, это потрясение красотой и есть сталкинг.

Я был очень тронут. Объяснение дона Хуана задело какую-то странную струну во мне.

– Не хочешь ли ты сказать, дон Хуан, что смерть является нашим единственным настоящим врагом? – спросил я, немного помолчав.

– Нет, – сказал он убежденно. – Смерть не является врагом, хотя и кажется им. Смерть не разрушает нас, хотя мы и думаем, что это так.

– Но если она не является нашим разрушителем, тогда что же она такое? – спросил я.

– Маги говорят, что смерть есть нечто, бросающее нам вызов. Мы все рождены, чтобы принять этот вызов, – и обычные люди, и маги. Маги знают об этом, обычные люди – нет.

*... Это беспрестанное упорное умирание.
Эта живая смерть,
Которая убивает Тебя, о Боже.
В Твоих строгих творениях.*

*В розах, кристаллах.
В неукротимых звездах.
И в плоти,
Что полыхает, подобно костру,
Зажженному песней,
Мечтой, красотой, поражающей глаз.*

*...И Ты, ты сам,
Возможно, умер вечности веков тому назад.
Не дав нам знать об этом.
Мы – Твои останки, частицы, зола.*

*И ты по-прежнему существуешь,
Как звезда, одурачивающая своим светом,
Пустым светом без звезды, который достигает нас,
Скрывая ее бесконечную катастрофу.*

– Лично я думаю, дон Хуан, что жизнь, а не смерть является вызовом.

– Жизнь – это процесс, посредством которого смерть бросает нам вызов, – сказал он. – Смерть является действующей силой, жизнь – это арена действия. И всякий раз на этой арене только двое противников – сам человек и его смерть.

– Я предпочел бы думать, дон Хуан, что именно мы, человеческие существа, являемся теми, кто бросает вызов, – сказал я.

– Вовсе нет, – возразил дон Хуан. – Мы пассивны. Подумай об этом. Мы действуем только тогда, когда чувствуем давление смерти. Смерть задает темп для наших поступков и чувств и неумолимо подталкивает нас до тех пор, пока не разрушит нас и не выиграет этот поединок, или же пока мы не поднимемся над всеми возможностями и не победим смерть.

Маги побеждают смерть, и смерть признает поражение, позволяя магам стать свободными и навсегда избежать нового вызова.

– Значит ли это, что маги становятся бессмертными?

– Нет. Не значит, – ответил он. – Смерть перестает бросать им вызов, и это все.

– Но что это означает, дон Хуан? – спросил я.

– Это значит, что мысль совершает кувырок в непостижимое.

– Что такое «кувырок мысли в непостижимое»? – спросил я, стараясь, чтобы в моем голосе не прозвучали воинственные нотки. – Наша с тобой постоянная проблема в том, что мы никак не можем прийти к общему для нас обоим смыслу некоторых определений.

– Сейчас ты не искренен, – прервал меня дон Хуан. – Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Требуя рациональных

объяснений кувырка мысли в непостижимое, ты ломаешь комедию. Ты точно знаешь, что это такое.

– Нет, не знаю, – сказал я.

И вдруг я понял, что знаю, или, вернее, интуитивно постиг то, что он имел в виду. Какая-то часть меня смогла преодолеть мою рациональность, понять и объяснить кувырок мысли в непостижимое за пределами уровня метафоры. Плохо было то, что эта часть меня не была достаточно сильной, чтобы выйти на поверхность по желанию.

Я попытался объяснить все это дону Хуану, а он засмеялся и сказал, что мое осознание похоже на йо-йо³¹. Иногда оно поднимается вверх, и тогда я четко владею собой. Когда же оно опускается, то я становлюсь рациональным идиотом. Но чаще всего оно колеблется на бесполезной середине, где я – «ни рыба, ни птица».

– Кувырок мысли в непостижимое, – объяснил он со вздохом покорности, – это нисхождение духа. Это акт ломки барьеров нашего восприятия. Это момент, когда человеческое восприятие достигает своих пределов. Чтобы определить пределы нашего восприятия, маги практикуют искусство засылки разведчиков, первопроходцев. Вот еще одна причина моей любви к стихам. Я воспринимаю их как таких разведчиков. Но, как я уже говорил тебе, поэты не знают так точно, как маги, что могут совершить их первопроходцы.

Ранним вечером дон Хуан сказал, что нам предстоит обсудить много вещей, и спросил, не хочу ли я пойти на прогулку. Я был настроен как-то по-особому. Ранее я обнаружил в себе странное чувство отчужденности, которое пришло и ушло. Сначала я подумал, что мысли затуманивает физическое утомление, но мысли мои были кристально ясными. Поэтому я стал понимать, что эта странная отрешенность – результат моего перехода в повышенное осознание.

Мы вышли из дома и стали прогуливаться по городской площади. Я поспешил спросить дона Хуана о моей отрешенности,

³¹ Йо-уо – игрушка – мячик или чертик на резинке

прежде чем он успел заговорить о чем-нибудь другом. Он объяснил это перемещением энергии.

Когда высвобождается энергия, которая обычно используется для удерживания точки сборки в фиксированном положении, она автоматически фокусируется на связующем звене. Он заверил меня, что нет никакой особой техники или приемов, при помощи которых маг заранее мог бы научиться перемещать энергию с одного места на другое. Скорее дело здесь в мгновенном смещении, которое происходит после достижения определенной степени опытности.

Я спросил его, что это за степень опытности.

– Чистое понимание, – ответил он. – Для того, чтобы добиться такого мгновенного смещения энергии, требуется четкая связь с намерением, а для того, чтобы установить эту четкую связь, необходимо только намереваться этого, используя чистое понимание.

Естественно, я попросил объяснить, что такое это чистое понимание. Он рассмеялся и присел на скамью.

– Я собираюсь рассказать тебе нечто основополагающее относительно магов и магических действий, – начал он. – Кое-что о кувырке мысли в непостижимое.

Он сказал, что некоторые маги были рассказчиками историй. Рассказывание историй было для них не только разведкой для определения пределов восприятия – это был их путь к совершенству, силе, духу. На секунду он замолчал, очевидно подыскивая подходящий пример, затем напомнил, что у индейцев яки существует свод исторических событий, которые называются «памятными датами».

Я знал, что эти «памятные даты» были устными рассказами об истории их народа, ведущего войну против захватчиков своей родины – сначала испанцев, потом мексиканцев. Дон Хуан, будучи индейцем яки, подчеркнуто заявил, что эти памятные даты были перечнем их поражений и рассеяния.

– Итак, – обратился он ко мне, – что ты, как человек ученый, мог бы сказать об изложении магом-рассказчиком историй, основанных на памятных датах? Скажем, истории о Калисто Муни, концовку которой он изменяет, и вместо того, чтобы описывать, как Калисто Муни был схвачен и четвертован испанскими палачами, что соответствует действительности, он изображает Калисто Муни победоносным повстанцем, которому сопутствует успех в освобождении своего народа?

Я знал историю Калисто Муни. Он был индейцем из племени яки, который, согласно «памятным датам», много лет плавал на пиратском корабле в Карибском море, чтобы изучить искусство военной стратегии. Затем он вернулся к себе на родину в Сонору и поднял восстание против испанцев, провозгласив войну за независимость, но потерпел поражение, попал в плен и был казнен.

Дон Хуан попросил меня высказать свои соображения по поводу этой истории.

– Конечно, – начал я, – можно предположить, что подобное изменение имевших место событий, является психологическим приемом, таким, каким это хотел бы видеть маг-рассказчик. Возможно также, это было его личным, именно ему присущим способом смягчения разочарования.

Я добавил, что мог бы даже назвать такого мага-рассказчика патриотом, потому что для него было немыслимо смириться с горечью поражения.

Дон Хуан чуть не задохнулся от смеха.

– Но дело не в одном-единственном маге-рассказчике, – сказал он. – Они все так поступают.

– Тогда это является социально оправданным приемом, призванным выразить желаемое представление всего общества об этом событии, – возразил я. – Общепринятым способом коллективного снятия психологического стресса.

– Твои доводы разумны и убедительны, – сказал он, – но, поскольку твой дух мертв, – ты не способен увидеть изъян в своих рассуждениях.

Он посмотрел на меня, как бы подталкивая к пониманию того, что он говорит. Я не мог ничего сказать по этому поводу, а если бы и сказал, то это только отразило бы мое раздражение.

– Рассказчик-маг, который изменил окончание «реального» сюжета, – сказал он, – делал это по указанию и под покровительством духа. Поскольку он может манипулировать своей неуловимой связью с намерением, он, действительно, может изменять события. Рассказчик-маг сигнализирует о том, что он намеревается этого, снимая свою шляпу, кладя ее на землю и поворачивая ее на полные 360 градусов против часовой стрелки. При покровительстве духа это простое действие погружает его непосредственно в дух. Он позволил своей мысли совершить кувырок в непостижимое.

Дон Хуан поднял руку над головой и быстро указал на небо над горизонтом.

– Поскольку его чистое понимание является разведчиком, исследующим эту безбрежность вне нас, – продолжал он, – рассказчик-маг знает, без тени сомнения, что где-то, как-то в этой бесконечности в данный момент обрушивается дух. Калисто Муни является победителем. Он освободил свой народ. Его цель превзошла его личность.

Перемещение точки сборки

Через пару дней мы с доном Хуаном отправились в горы. Где-то на полпути к предгорьям мы сели отдохнуть. Днем раньше дон Хуан решил найти подходящее место для объяснения некоторых сложных аспектов искусства овладения осознанием. Обычно он предпочитал идти к ближайшей горной гряде на западе. Однако на этот раз он избрал восточные вершины. Они были намного более высокими и находились дальше. Мне они казались более зловещими, темными и

более массивными. Но я не мог сказать точно, было ли это личное впечатление или мне каким-то образом передалось восприятие гор доном Хуаном.

Я открыл свой рюкзак. Его собрали для меня женщины видящие из группы дона Хуана, и я обнаружил, что они положили туда сыр. У меня возникло легкое чувство досады, поскольку, хотя я и любил сыр, он у меня не очень хорошо усваивался. Но невозможно было отказаться от него, раз уж он там был.

Дон Хуан указал на это, как на мою слабость, и стал насмехаться надо мной. Вначале это привело меня в замешательство, но затем я понял, что при отсутствии сыра я совсем не скучал по нему. Дело было в том, что неутомимые шутники из отряда дона Хуана всегда клали мне в рюкзак большой кусок сыра, который я, конечно же, всегда съедал.

– Прикончи его в один присест, – посоветовал мне дон Хуан с коварным блеском в глазах, – и тебе не нужно будет больше о нем беспокоиться.

Наверное, под влиянием его слов у меня возникло сильное желание съесть сразу весь кусок. Дон Хуан смеялся так сильно, что я заподозрил его соучастие в направленных против меня происках членов его группы.

Уже более серьезным тоном он предложил заночевать здесь, в предгорьях, а затем через день-два добраться до самых высоких вершин. Я согласился.

Дон Хуан осторожно спросил меня, не вспомнил ли я еще что-нибудь относительно четырех настроений сталкинга. Я признался, что пробовал делать это, но меня подводит моя память.

– Помнишь ли ты, что я учил тебя природе безжалостности? – спросил он. – Безжалостности, как противоположности жалости к самому себе?

Я не мог вспомнить. Дон Хуан, казалось, обдумывал свои дальнейшие слова. Затем он остановился. Уголки его губ изогнулись

в гримасе притворного бессилия. Он пожал плечами, встал и быстро пошел к находившемуся чуть поодаль небольшому плоскому участку на вершине холма.

– Все маги безжалостны, – сказал он, когда мы расположились на этой площадке, – но ты знаешь это. Мы обстоятельно обсудили эту тему.

После долгого молчания он сказал, что мы должны продолжить обсуждение абстрактных ядер магических историй. Но он предполагает говорить о них все меньше и меньше, потому что приближается время, когда мне придется открыть их самому и позволить им обнаружить свое значение.

– Как я уже говорил тебе, – сказал он, – четвертое абстрактное ядро магических историй называется нисхождением духа или «быть сдвинутым намерением». История гласит, что для того, чтобы позволить тайнам магии открыться человеку, о котором мы говорим, духу необходимо обрушиться на него.

Дух выбирает момент, когда человек является обезумевшим, незащищенным, и совершенно безжалостно обнаруживает свое присутствие, сдвигая точку сборки человека в определенную позицию. Это место с тех пор называется магами «местом без жалости». Таким образом, безжалостность стала первым принципом магии.

Первый принцип не следует смешивать с первым результатом магического ученичества, которым является перемещение между обычным и повышенным осознанием.

– Не понимаю, что ты хочешь этим сказать, – пожаловался я.

– Я хочу сказать, что, по всей видимости, сдвиг точки сборки является первым событием, которое реально происходит с учеником магии, – ответил он, – так что для ученика вполне естественно считать, что именно это и является первым принципом магии. Но это не так. Безжалостность – вот первый принцип магии. Но мы уже обсуждали это раньше. Сейчас я только пытаюсь помочь тебе вспомнить.

Я мог бы честно сказать, что не имею понятия, о чем идет речь, но меня не покидало странное ощущение, что я знаю это.

– Постарайся вызвать воспоминание того, как я впервые стал учить тебя безжалостности, – потребовал он. – Воспоминание связано с перемещением точки сборки.

Он подождал минуту, чтобы посмотреть, выполню ли я его инструкции. Поскольку было очевидно, что я ничего не могу вспомнить, он продолжил свои объяснения. Он сказал, что для осуществления такого таинственного акта, как сдвиг в повышенное осознание, все, что необходимо человеку, – это присутствие духа.

Я заметил, что на этот раз либо его заявления слишком непонятны, либо я слишком туп, поскольку абсолютно не могу уследить за ходом его мысли. Он твердо ответил, что мое замешательство не имеет значения, и настаивал, что по-настоящему важна только одна вещь – мое понимание того, что просто контакт с духом может вызвать любое движение точки сборки.

– Я уже говорил тебе, что нагуаль является проводником духа, – продолжал он. – Поскольку он на протяжении всей жизни безупречно делает более четким свое связующее звено с намерением, и, поскольку он обладает большей энергией, чем обычный человек, он может позволить духу проявляться через него. Итак, первое, что испытывает ученик магии – это сдвиг его уровня осознания, сдвиг, вызванный простым присутствием нагуаля. И я хочу, чтобы ты понял, что в действительности для сдвига точки сборки не существует какой-то особой процедуры. Ученика касается дух, и его точка сборки сдвигается, только и всего.

Я сказал ему, что его утверждение приводит меня в замешательство, поскольку противоречит с таким трудом добытой мною на собственном опыте истине: переход в повышенное осознание осуществляется при помощи искусного, хотя и необъяснимого приема дона Хуана, благодаря которому он манипулирует моим восприятием. На протяжении многих лет наших с ним взаимоотношений, он время от времени переводил

меня в состояние повышенного осознания простым ударом по спине. Я сказал ему об этом противоречии.

Он ответил, что шлепок по спине был, скорее, уловкой для захвата моего внимания и устранения сомнений из моего ума, чем настоящим приемом для манипулирования моим восприятием. Он назвал это простым трюком, соответствующим его сдержанному характеру. Ничуть не шутя, он добавил, что, на мое счастье, он человек простой и не склонен к диким выходкам, иначе вместо простых уловок мне пришлось бы пройти через устрашающие ритуалы, прежде чем он смог бы изгнать все сомнения из моего ума и позволить духу переместить мою точку сборки.

– Все, что мы должны сделать, чтобы позволить магии овладеть нами – это изгнать из нашего ума сомнения, – сказал он. – Как только сомнения изгнаны, – все, что угодно, становится возможным.

Он напомнил мне одно событие, свидетелем которому я стал несколько лет назад в Мехико, событие, казавшееся для меня непостижимым до тех пор, пока он не объяснил его, используя парадигму магии.

То, свидетелем чего я стал, было хирургической операцией, выполненной одним знаменитым целителем, использовавшим психофизические приемы. Пациентом был мой друг, целителем – женщина, которая его оперировала, войдя в чрезвычайно драматический транс.

Я мог наблюдать, как, используя кухонный нож, она вскрыла ему полость живота в области пупка, отделила его больную печень, промыла ее в ковше со спиртом, вложила обратно и закрыла бескровный разрез простым надавливанием рук.

В полутемной комнате находилось еще несколько человек, ставших свидетелями этой операции. Некоторые, подобно мне казались заинтересованными наблюдателями. Остальные были помощниками целительницы.

После операции я немного поговорил с наблюдателями. Все они подтвердили, что видели то же, что и я. Когда позже я разговаривал

с моим другом, который был пациентом целительницы, – он сказал, что на протяжении операции он испытывал тупую постоянную боль в животе и ощущение жжения в правом боку.

Я передал все это дону Хуану и даже позволил себе циничное объяснение. Я сказал ему, что полумрак в комнате, по моему мнению, создавал все условия для проявления ловкости рук, с помощью которой можно было создать иллюзию извлечения внутренних органов из брюшной полости с последующей промывкой их в спирте. Эмоциональный шок, вызванный драматическим трансом целительницы, который я тоже считал не более чем трюком, – помогал создать атмосферу чуть ли не религиозного таинства.

Дон Хуан немедленно ответил, что это было циничное мнение, а не циничное объяснение, потому что я никак не объяснил тот факт, что мой друг действительно выздоровел. Затем дон Хуан предложил иную точку зрения, которая основывалась на знании магов. Он объяснил, что все происходившее было основано на том замечательном факте, что целительница обладала способностью сдвигать точку сборки строго определенного количества людей, присутствовавших на сеансе. Единственная хитрость, если только можно назвать это хитростью, заключалась в том, что число людей, находившихся в комнате, не могло превышать то, которым она могла управлять.

Ее драматический транс и сопровождавший его театральный эффект, по его мнению, были или хорошо продуманным приемом, используемым целительницей для захвата внимания всех присутствующих, или неосознанным приемом, продиктованным самим духом. В любом случае они были самым подходящим средством для создания единства мысли, необходимого целительнице для изгнания сомнений из умов присутствующих и перевода их в повышенное осознание.

Когда она разрезала тело кухонным ножом и извлекала печень, это не было, как подчеркнул дон Хуан, ловкостью рук. Все это действительно происходило, но только в состоянии повышенного осознания, и находилось вне сферы повседневного здравого смысла.

Я спросил у дона Хуана, как целительница могла сместить точки сборки присутствовавших, не касаясь их. Он ответил, что сила целительницы, являющаяся природным даром или изумительным достижением, послужила проводником духа.

– Именно дух, – сказал он, – а не целительница, был тем, что сдвигало точку сборки.

– Тогда я объяснил тебе, хотя ты и не понял ни слова, – продолжал дон Хуан, – что искусство и сила целителя заключается в том, чтобы устранить всякое сомнение из умов присутствующих на сеансе. Сделав это, она дала возможность духу сместить их точки сборки. Когда же эти точки смещаются, все становится возможным. Присутствующие попадают в ту область, где чудеса являются чем-то обычным.

Он многозначительно заявил, что та целительница, безусловно, была также и магом и что, если я постараюсь вспомнить операцию, то пойму, что она была безжалостна по отношению ко всем присутствующим, особенно – к больному.

Я повторил ему все, что смог припомнить об операции. Ровный женский голос целительницы драматически изменился, став, когда она вошла в транс, дребезжащим, глубоким мужским голосом. Этот голос объявил, что дух воина древних доколумбовых времен овладел телом целительницы. Как только прозвучало это заявление, поведение целительницы драматически изменилось. Она стала одержимой. Она явно стала абсолютно уверенной в себе и приступила к операции с полной уверенностью и твердостью.

– Я предпочитаю слово «безжалостность» словам «уверенность» и «твердость», – заявил дон Хуан. – Эта целительница должна была быть безжалостной, чтобы создать надлежащую обстановку для вмешательства духа.

Он утверждал, что такие труднообъяснимые случаи, как эта операция, на самом деле очень просты. Понимание их усложнено из-за нашей приверженности к думанию. Если мы не думаем, все становится на свои места.

– Но это настоящий абсурд, дон Хуан, – сказал я, искренне уверенный в своей правоте.

Я напомнил ему, что он требовал от своих учеников серьезного мышления и даже критиковал своего собственного учителя за то, что тот не был хорошим мыслителем.

– Конечно, я настаиваю, чтобы каждый вокруг меня мыслил ясно, – сказал он. – И я объясняю каждому, кто захочет слушать, что единственный способ думать ясно, – это не думать вообще. Я был убежден, что тебе понятно это магическое противоречие.

Я решительно восстал против неясности этого утверждения. Он смеялся и подшучивал над тем, что я вынужден защищаться. Затем он снова объяснил, что для мага существует два способа мышления. Первый – это обыденный способ, который управляется обычным положением его точки сборки. Это беспорядочное мышление, которое не совсем отвечает его потребностям и порождает в его голове изрядный сумбур. Второй – точное мышление. Оно функционально, экономно и очень немного оставляет невыясненным. Дон Хуан заметил, что для преобладания этого способа мышления необходим сдвиг точки сборки, или, по крайней мере, обыденный способ мышления должен прекратиться, чтобы дать возможность переместиться точке сборки. Таково кажущееся противоречие, которое на самом деле не является противоречием вообще.

– Мне хотелось бы, чтобы ты вспомнил кое-что, сделанное тобой в прошлом, – сказал он. – Я хочу, чтобы ты вспомнил особое движение своей точки сборки. Для этого ты должен перестать думать так, как думаешь обычно. Тогда возьмет верх второй способ мышления, который я называю ясным, и заставит тебя вспомнить.

– Но как я могу перестать думать? – спросил я, хотя отлично знал, что он скажет в ответ.

– Намереваясь движения своей точки сборки, – сказал он. – Намерение приманивается глазами.

Я сказал дону Хуану, что мой разум колеблется между моментами колоссальной прозрачности, когда все кажется предельно ясным, – и погружениями в глубокую умственную усталость, когда я вообще не понимаю, о чем он говорит. Он попытался ободрить меня и объяснил, что такая нестабильность вызвана легкими флуктуациями моей точки сборки, которая до сих пор еще не стабилизировалась в положении, достигнутом ею несколько лет назад. Колебания эти вызваны остаточным чувством жалости к себе.

– Что это за новое положение, дон Хуан? – спросил я.

– Несколько лет назад, – и это как раз то, что я хотел заставить тебя вспомнить, – твоя точка сборки достигла места без жалости, – ответил он.

– Прошу прощения?..

– Место без жалости – это положение безжалостности, – объяснил он. – Но ты знаешь все это. Однако пока ты не вспомнишь всего сам, давай скажем, что безжалостность, будучи особым положением точки сборки, проявляется у магов через глаза. Они становятся как бы покрытыми тонкой мерцающей пленкой. У магов лучистые глаза. Чем больше они сияют, тем более безжалостным является маг. Сейчас, например, глаза у тебя тусклые.

Он объяснил, что когда точка сборки сдвигается к месту без жалости, глаза начинают сиять. Чем прочнее фиксируется точка сборки в этом новом положении, тем лучистее становятся глаза.

– Попытайся вспомнить то, что ты уже знаешь об этом, – настаивал он.

На мгновение он замолчал, а потом заговорил, не глядя на меня.

– Вспоминание не имеет ничего общего с припоминанием³², – продолжал он. – Припоминание связано с обыденным способом

³² «Recollecting» в отличие от «remembering»

мышления, тогда как воспоминание зависит от движения точки сборки.

Ключом к движению точки сборки является пересмотр³³ собственной жизни, к которому прибегают маги. Маги начинают свой пересмотр с думания, с воспоминаний о наиболее важных событиях своей жизни. От простого думания они затем переходят к реальному пребыванию в месте события. Когда им удастся оказаться на месте события, они с успехом сдвигают свою точку сборки именно в то положение, в котором она находилась, когда это событие происходило. Полное воспроизведение события с помощью сдвига точки сборки известно как воспоминание магов.

Он взглянул на меня, словно желая убедиться в том, что я слушаю.

– Наша точка сборки постоянно смещается, – объяснил он. – Очень незначительно. Маги полагают, что для того, чтобы заставить свою точку сборки сместиться в нужное место, они должны использовать намерение. А поскольку невозможно узнать, что такое намерение, то маги позволяют своим глазам приманивать его.

– Право, все это для меня совершенно непостижимо, – сказал я.

Дон Хуан положил руки под голову и растянулся на земле. Я последовал его примеру. Долгое время мы не разговаривали. Ветер гнал по небу облака. От их движения у меня слегка закружилась голова. Затем головокружение внезапно сменилось знакомым ощущением страдания.

Каждый раз при встречах с доном Хуаном я испытывал, особенно в минуты отдыха и молчания, переполняющее чувство отчаяния, стремление к чему-то такому, чего я не мог выразить словами. Когда я был один или с другими людьми, такое чувство никогда не охватывало меня. Как объяснил дон Хуан, то, что я ощущал и истолковывал как стремление, было в действительности вызвано внезапным движением моей точки сборки.

³³ Recapitulation – краткое повторение

Когда дон Хуан заговорил снова, звук его голоса заставил меня вздрогнуть. Я сел.

– Ты должен вспомнить, когда твои глаза впервые засияли, – сказал он, – Как раз тогда твоя точка сборки впервые достигла места без жалости. Безжалостность овладела тобой. Безжалостность делает глаза магов лучистыми, и это сияние приманивает намерение. Каждому положению, в которое сдвигается их точка сборки, соответствует особый блеск их глаз. Поскольку их глаза обладают собственной памятью, маги способны вызвать воспоминание любого места, вызвав связанный с каждым из этих мест блеск глаз.

Он объяснил, что маги придают так много значения лучистости своих глаз и своему взгляду потому, что глаза непосредственно связаны с *намерением*. Эта, на первый взгляд, противоречивая истина заключается в том, что глаза имеют лишь поверхностное отношение к миру повседневной жизни. В глубинном плане глаза связаны с *абстрактным*.³⁴ не мог представить себе, как мои глаза могут хранить информацию такого рода, и сказал ему об этом.

Дон Хуан ответил, что человеческие возможности настолько безграничны и таинственны, что маги, вместо того, чтобы размышлять об этом, предпочитают использовать их без надежды понять, что они собой представляют.

Я спросил его, влияет ли намерение на глаза обычных людей.

– Конечно! – воскликнул он. – И ты знаешь об этом, но только на таком глубинном уровне, что это уже безмолвное знание. У тебя нет достаточной энергии, чтобы объяснить это даже самому себе.

Обычный человек знает о своих глазах то же самое, но у него еще меньше энергии, чем у тебя. Единственное преимущество магов над обычным человеком заключается в том, что они накапливают свою энергию. Это обеспечивает более точное и четкое связующее звено с намерением, и, естественно, означает также, что они могут вспоминать по своей воле, используя сияние своих глаз для сдвига точки сборки.

³⁴ Their deeper connection is to the abstract

Дон Хуан прервал свою речь и стал пристально смотреть на меня. Я отчетливо чувствовал, что его глаза направляли, подталкивали, тянули нечто неопределенное внутри меня. Я не мог оторваться от его взгляда. Его концентрация была такой интенсивной, что это и в самом деле вызывало во мне чисто физическое ощущение – казалось, что я находился в печке. И вот совершенно неожиданно мой взгляд оказался обращенным внутрь. Это было похоже на пребывание в рассеянном мечтательном состоянии, но к этому примешивалось странное чувство интенсивного осознания самого себя и отсутствия мыслей. В полном сознании я смотрел внутрь, в ничто.

Гигантским усилием я вывел себя из этого состояния и вскочил.

– Что ты со мной сделал, дон Хуан?

– Иногда ты бываешь абсолютно несносен, – сказал он. – Приводящая в ярость расточительность. Твоя точка сборки только что была в положении, наиболее благоприятном для вспоминания всего, что пожелаешь, а что сделал ты? Ты все испортил, спросив меня, что я с тобой сделал.

Немного помолчав, он улыбнулся, увидев, что я снова сел.

– Но занудство является твоим величайшим достоинством, – заметил он. – Так на что же мне жаловаться?

Мы оба громко расхохотались. Это была личная шутка.

Несколько лет назад я был очень тронут и смущен огромным желанием дона Хуана помочь мне. Я никак не мог понять, почему он проявил в отношении меня столько доброты. Было очевидно, что он не нуждается во мне ни в каком смысле. Он явно не был во мне заинтересован. На горьком жизненном опыте я понял, что ничто не делается просто так. Я терялся в догадках относительно того, зачем же я ему все-таки нужен, и это ужасно беспокоило меня.

Однажды я весьма цинично напрямик спросил дона Хуана, какая ему польза от нашего знакомства, добавив при этом, что теряюсь в догадках на этот счет.

– Ты все равно не поймешь, – ответил он.

Его ответ вызвал у меня раздражение. Я с вызовом сказал ему, что не считаю себя глупцом, и он может хотя бы попытаться объяснить мне это.

– Хорошо, я скажу, но даже если ты поймешь, тебе это вовсе не понравится, – сказал он с улыбкой, с которой всегда поддевал меня, – Как видишь, я стараюсь щадить тебя.

Я был задет и потребовал, чтобы он сказал, что имеет в виду.

– Ты уверен, что хочешь услышать правду? – спросил он, зная, что я никогда не скажу «нет», даже если от этого будет зависеть моя жизнь.

– Конечно, хочу, даже если ты просто дразнишь меня, – ответил я.

Он стал смеяться, словно это была хорошая шутка, и, чем больше он смеялся, тем сильнее становилось мое раздражение.

– Не вижу ничего смешного, – сказал я.

– Иногда не стоит трогать лежащую в основе правду, – сказал он. – Эта правда подобна краеугольному камню, глыбе, на которой покоится целая куча разных вещей. Если мы начнем пристально рассматривать эту глыбу, результат может оказаться малоутешительным. Я предпочитаю этого не делать.

Он снова рассмеялся. Его глаза, светившиеся озорством, казалось, подталкивали меня к дальнейшим расспросам. И я снова стал настаивать на том, чтобы он мне все рассказал. Я старался говорить спокойно, но настойчиво.

– Хорошо, я скажу, если ты так хочешь, – проговорил он со вздохом человека, который уступает неразумной просьбе. – Во-первых, я хотел бы сказать, что все, что я делаю для тебя – это не из корысти. Ты не должен платить за это. Как ты знаешь, я был безупречен в отношении тебя. Ты знаешь также, что эта моя

безупречность не есть капиталовложение. Я не прошу тебя ухаживать за мной, когда я стану слабым и не смогу обходиться без посторонней помощи. Но в то же время я, действительно, получаю нечто бесценное от нашей с тобой связи – своего рода вознаграждение за безупречное обращение с этой глыбой, лежащей в основании. А получаю я за это именно то, что тебе, возможно, не понравится или будет трудно понять.

Он умолк и пристально посмотрел на меня с дьявольским блеском в глазах.

– Так расскажи об этом, дон Хуан, – воскликнул я; его тактика промедления все больше раздражала меня.

– Я хочу, чтобы ты имел в виду, что я говорю это только потому, что ты настаиваешь на этом, – сказал он, продолжая улыбаться.

Он снова помолчал. К тому времени я совсем рассердился на него.

– Если ты судишь обо мне по тому, как я обращаюсь с тобой, – сказал он, – ты должен признать, что я был образцом терпения и постоянства. Но ты не знаешь, что для того, чтобы добиться этого, я должен был бороться за безупречность так, как никогда прежде. Для того, чтобы общаться с тобой, я должен был ежедневно перебарывать себя и сдерживаться, что было для меня невероятно мучительным.

Дон Хуан был прав. Сказанное им не понравилось мне. Я пытался не подавать виду, изображая саркастическую гримасу.

– Я не так плох, дон Хуан, – сказал я. – К моему удивлению, мой голос прозвучал весьма ненатурально.

– О да, конечно же, ты так плох, – сказал он серьезно. – Ты мелочен, мнителен, расточителен, упрям, несдержан, тщеславен. Кроме того, ты угрюм, тяжеловесен и неблагодарен. Твоя способность к индольгированию безгранична, но хуже всего то, что у тебя слишком преувеличенное представление о себе, не подкрепленное абсолютно ничем. Я могу сказать, что меня начинает тошнить от одного твоего присутствия.

Я хотел было рассердиться, начать протестовать, кричать, что он не имеет права так говорить обо мне, но не мог произнести ни слова. Я был раздавлен. Я онемел.

Выражение моего лица после того, как я выслушал всю, лежащую в основе, правду, было, наверное, таким нелепым, что вызвало у дона Хуана бурю смеха. Казалось, он сейчас задохнется.

– Я предупреждал, что тебе это не понравится или ты не поймешь, – сказал он. – Мотивы воинов очень просты, но тонкость, с которой они действуют, должна быть непревзойденной. Воин получает редчайшую возможность, истинный шанс быть безупречным вопреки его основным чувствам. Ты дал мне такой уникальный шанс.

Действуя свободно и безупречно, я омолаживаюсь и обновляю свое изумление. То, что я получаю от наших с тобой отношений, действительно бесценно для меня. Это я у тебя в долгу.

Он смотрел на меня, и его глаза сияли, но без всякого лукавства.

Дон Хуан начал объяснять, что он делал.

– Я – нагуаль. Я сдвигаю твою точку сборки сиянием своих глаз, – сказал он как само собой разумеющееся. – Глаза нагуаля могут делать это. Это не трудно. В конце концов, глаза всех живых существ могут сдвигать чью-то еще точку сборки, особенно если их глаза сфокусированы на намерении. Однако обычно глаза людей сфокусированы на окружающем мире в поисках пищи... В поисках убежища...

Он слегка толкнул меня локтем.

– В поисках любви, – добавил он и расхохотался.

Дон Хуан постоянно дразнил меня по поводу моих «поисков любви». Он никогда не забывал тот наивный ответ, который я когда-то дал ему на вопрос о том, чего я ищу в жизни. Он подводил меня к

признанию, что у меня нет ясной цели. И когда я сказал, что ищу любовь, он взвыл от смеха.

— Хороший охотник гипнотизирует жертву глазами, — продолжал он. — Взглядом он, действительно, сдвигает точку сборки жертвы, и все же его глаза направлены на мир только в поисках пищи.

Я спросил его, могут ли маги гипнотизировать людей своим пристальным взглядом. Он сказал, посмеиваясь, что меня, на самом деле, интересует, могу ли я гипнотизировать взглядом женщин, несмотря на тот факт, что мои глаза сфокусированы на мире в поисках любви. Уже серьезно он добавил, что предохранительным клапаном для магов является то, что к тому времени, когда их глаза действительно сфокусируются на намерении, они больше не заинтересованы в гипнотизировании кого бы то ни было.

— Но для того, чтобы маги могли использовать сияние своих глаз для перемещения своей собственной или чьей-либо еще точки сборки, — продолжал он, — им необходимо быть безжалостными. То есть, им должно быть известно особое положение точки сборки, называемое местом без жалости. И особенно это касается нагуалей.

Он сказал, что каждый нагуаль развивает тип безжалостности, специфический для него одного. В качестве примера он взял меня и сказал, что, из-за моей нестабильной природной конфигурации, я кажусь видящим светящейся сферой, состоящей не из четырех шаров, сжатых в один, — что является обычным для структуры нагуалей, — но сферой, состоящей только из трех сжатых шаров. Такая конфигурация заставляет меня автоматически скрывать свою безжалостность под маской индольгирования и слабости³⁵.

— Нагуали сильно вводят в заблуждение, — продолжал дон Хуан. — Они всегда создают впечатление чего-то, чем на самом деле не являются. И делают это с таким совершенством, что все, включая тех, кто хорошо их знает, попадают на их удочку.

³⁵ Laxness — слабость, вялость, халатность, небрежность

– Я, действительно, не понимаю, как ты можешь говорить, что я притворяюсь, – возразил я.

– Ты выдаешь себя за слабого и индугирующего человека, – сказал он. – Ты производишь впечатление великодушного человека, страдающего другим. И все убеждены в твоей искренности. Они могут поклясться, что ты именно таков.

– Но я, и правда, такой!

Дон Хуан согнулся от хохота.

Характер нашей беседы начинал мне не нравиться. Я хотел внести максимальную ясность. Я неистово доказывал, что был искренен во всех своих проявлениях, и требовал привести пример, подтверждающий противоположное. Он сказал, что я непременно обращался с людьми с неуместным великодушием, создавая у них ложное впечатление о себе как о непринужденном открытом человеке. Я тут же возразил, что открытость – это важная черта моего характера. Он засмеялся и заявил, что если бы это было правдой, то тогда зачем я требовал, не говоря об этом вслух, чтобы люди, с которыми я общаюсь, в конце концов, осознавали, что я их обманываю. Доказательством этого служит то, что когда они оказывались не в состоянии понять, что я лгу, и принимали мою псевдослабость за чистую монету, я демонстрировал им ту самую холодную безжалостность, которую я пытался скрывать.

Его слова привели меня в отчаяние, ведь я не мог согласиться с ними. Я продолжал молчать. Я не хотел показать, что уязвлен. Пока я раздумывал, как мне реагировать, он поднялся и пошел прочь. Я остановил его, схватив за рукав. Это произвольное движение испугало меня самого и рассмешило его. Он снова сел с выражением удивления на лице.

– Я не хотел показаться грубым, – сказал я, – но я должен узнать об этом больше. Все это огорчает меня.

– Заставь свою точку сборки двигаться, – приказал он. – Раньше мы уже обсуждали безжалостность. Вспомни о ней.

Он посмотрел на меня с искренней надеждой, хотя, должно быть, и видел, что я ничего не могу вспомнить. Поэтому он продолжал говорить об образцах безжалостности нагуалей. Он сказал, что его собственный метод заключается в том, что он подвергает людей мощному воздействию (обрушивает на людей шквал) принуждения и отказа, скрывающихся за мнимым пониманием и рассудительностью.

– Но как насчет всех тех объяснений, которые ты мне давал? – спросил я. – Разве они не являются следствием подлинной рассудительности и желания помочь мне понять?

– Нет, – отвечал он. – Они есть следствие моей безжалостности. Я с жаром возразил, что мое собственное желание понять было искренним. Он похлопал меня по плечу и объяснил, что мое желание понять, действительно, является искренним, но мое великодушие – нет. Он сказал, что нагуали скрывают свою безжалостность автоматически, даже против своей воли.

Когда я слушал его объяснения, у меня возникло странное подспудное ощущение, что когда-то мы уже подробно обсуждали идею безжалостности.

– Я не являюсь рациональным человеком, продолжал он, глядя мне в глаза, – но только кажусь таким, поскольку моя маска настолько эффективна. То, что тебе кажется рассудительностью, на самом деле есть отсутствие жалости, потому что именно этим и является безжалостность – отсутствием жалости. Ты же, скрывая отсутствие жалости под маской великодушия, кажешься непринужденным и открытым. Но на самом деле ты настолько же великодушен, как я рассудителен. Мы оба – притворщики. Мы довели до совершенства искусство скрывания того, что мы не чувствуем жалости.

Он сказал, что полное отсутствие жалости у его бенефактора скрывалось под маской беспечного шутника, неистребимым желанием которого было подшучивать над каждым, с кем он сталкивался.

– Маской моего бенефактора был счастливый невозмутимый человек, которого ничто в этом мире не заботит, – продолжал дон Хуан. – Но на самом деле, подобно всем нагуалям, он был холоден, как арктический ветер.

– Но ведь ты же не холодный, дон Хуан, – сказал я искренне.

– Я, несомненно, холодный, – сказал он. – А тем, что приносит тебе впечатление тепла, является эффективность моей маски.

Он продолжал объяснять, что маска нагуаля Элиаса выражалась в сводящей с ума дотошности и аккуратности, которая создавала ложное впечатление заботливости и основательности.

Он начал описывать поведение нагуаля Элиаса. Говоря, он продолжал наблюдать за мной. И, наверное, из-за его пристального взгляда я не мог сосредоточиться на том, что он мне говорил. Я с огромным трудом заставил себя собраться с мыслями. Еще минуту он наблюдал за мной, а затем продолжил свои объяснения относительно безжалостности, но я уже больше не нуждался в них. Я сказал ему, что я вспомнил то, что он хотел: момент, когда мои глаза впервые засияли. В самом начале своего ученичества я добился, причем совершенно самостоятельно, смещения уровня моего осознания. Моя точка сборки достигла положения, называемого местом без жалости.

Место без жалости

Дон Хуан говорил мне, что нет нужды разговаривать о деталях моего воспоминания. Во всяком случае, сейчас, потому что разговор об этом – лишь вспомогательное средство для того, чтобы привести к воспоминанию. Если точка сборки однажды сдвинется, опыт будет полностью пережит заново. Он добавил, что лучшая помощь для полного воспоминания – прогулка. Поэтому мы встали и пошли не спеша в полном молчании по горной тропинке, пока я не вспомнил все.

На окраине местечка Гуаймас в северной Мексике, расположенного на пути из Ногалеса, штат Аризона, мне вдруг стало ясно, что с доном Хуаном творится что-то неладное. Уже около часа он был необычайно молчалив и мрачен, но я не обращал на это внимания, пока его тело не начала сводить судорога. При этом его подбородок так бился о грудь, словно шейные мускулы не могли больше выдерживать тяжести головы.

– Тебя укачало в дороге, дон Хуан? – встревожившись, спросил я. Он не ответил. Он тяжело дышал. В течение первых нескольких часов нашей поездки с ним все было в порядке. Мы без конца говорили о самых разных вещах. Когда мы остановились в городе Санта Ана чтобы заправиться, он даже отжался несколько раз от крыши машины, разминая мышцы плеч.

– Что с тобой, дон Хуан? – спросил я.

Я ощутил в животе спазмы беспокойства. Не поднимая свесившейся на грудь головы, он пробормотал, что хочет посетить один определенный ресторан. И едва слышным дрожащим голосом сообщил, как туда добраться.

Я припарковал машину на соседней улице за квартал от ресторана. Когда я открыл дверцу машины со своей стороны, он схватил меня за руку железной хваткой. С превеликим трудом он с моей помощью выбрался из машины через водительское сидение. Ступив на тротуар, он ухватился за мои плечи обеими руками, чтобы выпрямиться. В зловещем молчании, еле передвигая ноги, мы спустились по улице к ветхому строению, в котором находился ресторан.

Дон Хуан повис на моей руке всем телом. Его дыхание было таким учащенным, и его была такая сильная дрожь, что я запаниковал. Я оступись и вынужден был схватиться за стену, чтобы не упасть вместе с доном Хуаном на тротуар. От волнения я совсем потерял голову. Заглянув в его глаза, я увидел, что они совершенно тусклые и лишены своего обычного блеска.

Мы кое-как вошли в ресторан, и услужливый официант подскочил к нам, чтобы помочь дону Хуану, как если бы был предупрежден о том, что с ним происходит.

– Как вы себя чувствуете сегодня? – пронзительно завопил он на ухо дону Хуану.

Он буквально донес дона Хуана от двери к столику, усадил его, а затем исчез.

– Он тебя знает, дон Хуан? – спросил я, когда мы сели. Не глядя на меня, он пробормотал что-то невразумительное. Я встал и прошел на кухню в поисках этого официанта.

– Знаете ли вы старика, который пришел сюда со мной? – спросил я, когда, наконец, нашел его.

– Конечно, знаю, – сказал он с видом человека, у которого хватит терпения ответить только на один вопрос. – Это старик, у которого бывают приступы.

После этого заявления все стало на свои места. Я знал теперь, что в дороге с ним случился небольшой приступ. Конечно, я никак не мог его предотвратить, но все же чувствовал себя беспомощным и обеспокоенным. Предчувствие того, что самое худшее еще впереди, вызвало у меня неприятное чувство в животе.

Я вернулся к столу и молча сел. Внезапно появился все тот же официант с двумя мисками креветок и двумя тарелками супа из морской черепахи. Мне пришло в голову, что, наверное, в этом ресторане подают только креветок и черепаховый суп, или что дон Хуан всегда заказывает именно эти блюда, когда бывает здесь.

Официант так громко заговорил с доном Хуаном, что перекрыл шум, создаваемый находившимися в ресторане посетителями.

– Надеюсь, вам понравится наша еда! – завопил он. – Если я вам понадоблюсь, поднимите только руку, и я тут же окажусь рядом.

Дон Хуан кивнул в знак согласия, и официант ушел, сочувственно похлопав дону Хуана по спине.

Дон Хуан жадно ел, время от времени чему-то улыбаясь. Я был настолько встревожен, что одна лишь мысль о еде вызывала у меня отвращение. Но после определенного момента с ростом беспокойства у меня стало расти и чувство голода. Я попробовал пищу и нашел, что она невероятно вкусна.

Поев, я почувствовал себя немного лучше, хотя все оставалось по-прежнему и беспокойство мое не уменьшилось.

Когда дон Хуан наелся, он поднял руку над головой. В ту же минуту подскочил официант и вручил мне счет.

Я рассчитался с ним, и он помог дону Хуану встать. Поддерживая под руку, он вывел его из ресторана. Официант даже помог ему выйти на улицу и сердечно распрощался с ним.

С таким же трудом, как и в первый раз, мы вышли к машине. Дон Хуан всей тяжестью своего тела навалился на мою руку, едва дыша и останавливаясь через каждые несколько шагов, чтобы перевести дух. Официант стоял в дверях, словно желая убедиться в том, что я смогу поддержать дону Хуана.

Ему понадобилось минуты две-три, чтобы забраться в машину.

– Скажи мне, что я могу для тебя сделать, дон Хуан? – спросил я умоляюще.

– Разверни машину, – приказал он дрожащим, едва слышным голосом. – Я хочу поехать на другой конец города в магазин. Они там тоже меня знают. Они мои друзья.

Я сказал, что не знаю, где находится магазин, о котором он говорит. Он что-то неразборчиво забормотал, выражая гнев, и топнул об пол машины обеими ногами. Губы его недовольно надулись, и немного слюны скатилось на его рубаху. Затем он, казалось, испытал мгновенное просветление. Я ужасно нервничал,

глядя на его усилия привести в порядок свои мысли. В конце концов ему все-таки удалось рассказать мне, как добраться до лавки.

Я был до предела встревожен, боясь, что приступ дона Хуана имел последствия более серьезные, чем я думал. Мне захотелось избавиться от него, сплавить родственникам или друзьям, но я никого из них не знал. Я вообще не знал, что делать. Повернув в обратную сторону, я поехал к магазину, который, по его словам, находился на другом конце города.

Я подумывал, не вернуться ли мне в ресторан и не расспросить ли официанта о родственниках дона Хуана. Хотелось верить, что кто-нибудь в том магазине знает его. Чем больше я думал о положении, в которое попал, тем больше жалости испытывал к самому себе. Дон Хуан закончился. Я испытывал ужасающее чувство потери и обреченности. Я явно терял его, но мое чувство утраты перекрывалось досадой от того, что мне приходится возиться с ним в таком его немощем состоянии.

Я кружил по городу около часа, разыскивая этот магазин, и никак не мог найти его. Дон Хуан признался, что он мог ошибаться и что магазин, возможно, находится в другом городе. К тому времени я совершенно выбился из сил и не представлял, что делать дальше.

В нормальном состоянии осознания я всегда испытывал странное чувство, что я знаю о доне Хуане больше, чем мой разум. Сейчас, под влиянием его умственного расстройства, я был уверен, хотя и не знал почему, что где-то в Мексике его друзья ожидают его, хотя где именно, я понятия не имел.

Я измучился не только физически. К моему состоянию примешивалось беспокойство и чувство вины. Меня терзала мысль о том, что я связан по рукам и ногам немощим стариком, который наверняка смертельно болен. И я чувствовал вину из-за того, что был настолько непреданным ему.

Я остановил машину на побережье. Понадобилось около десяти минут, чтобы вывести дона Хуана из машины. Мы направились в сторону океана, но когда подошли ближе, дон Хуан отпрянул, как

мул, и заявил, что дальше не пойдет. Он пробормотал, что вода бухты Гуаймас пугает его.

Он повернул назад и повел меня на главную площадь – пыльную «плаза», где не было даже скамеек. Дон Хуан сел на обочину. Проехала машина для уборки улиц, вращая свои стальные щетки, которые совершенно не смачивались водой. Она подняла облако пыли, и я закашлялся.

Я был настолько расстроен возникшей ситуацией, что у меня мелькнула мысль оставить его сидящим здесь. Но я тут же устыдился этой мысли и похлопал дону Хуана по спине.

– Пожалуйста, постарайся вспомнить, куда я должен тебя отвезти, – сказал я мягко. – Куда ты хочешь, чтобы я тебя повез?

– Я хочу, чтобы ты пошел к черту! – ответил он хриплым, резким голосом.

Видя, как дон Хуан разговаривает со мной, я начал подозревать, что с ним приключился не удар, а какая-то другая болезнь. Очевидно, она повлияла на его мозг, в результате чего он стал безумным и агрессивным. Внезапно он встал и пошел прочь от меня. Я обратил внимание на то, каким немощным он стал. Он постарел в течение нескольких часов. Исчезла его природная энергия. Теперь это был ужасно старый, слабый человек.

Я бросился подать ему руку. Волна сильной жалости захлестнула меня. Это себя я видел старым, слабым, едва способным ходить, и это было нестерпимо. Слезы навернулись у меня на глаза, правда, не от жалости к дону Хуану, а от жалости к самому себе. Я сжал его руку и дал ему молчаливое обещание, что буду заботиться о нем, несмотря ни на что.

Я совсем ушел в жалость к себе, как вдруг ощутил сильную пощечину. Прежде чем я опомнился, дон Хуан ударил меня снова, на этот раз по затылку. Он стоял передо мной, дрожа от ярости. Его рот был полуоткрыт и непроизвольно дергался.

– Кто ты? – заорал он каким-то неестественным голосом. Он обратился к куче зевак, которые немедленно начали собираться вокруг нас.

– Я не знаю, кто этот человек, – сказал он им. – Помогите мне. Я одинокий старый индеец. Он – иностранец, и хочет убить меня. Они всегда поступают так с беспомощными старыми людьми: убивают их, чтобы развлечься.

Раздался ропот неодобрения. Многие молодые рослые люди смотрели на меня угрожающе.

– Что ты делаешь, дон Хуан? – громко спросил я его. Я хотел убедить толпу, что я был с ним.

– Я не знаю тебя! – закричал дон Хуан. – Оставь меня в покое!

Он повернулся к толпе и попросил присутствующих помочь ему. Он хотел, чтобы они задержали меня до прихода полиции.

– Держите его! – требовал он. – Кто-нибудь, позовите, пожалуйста, полицию! Они знают, что делать с этим человеком.

Я имел представление о мексиканской тюрьме. Никто не будет знать, где я. Мысль о том, что пройдут месяцы, пока кто-нибудь заметит мое отсутствие, заставила меня действовать с невероятным проворством. Я отшвырнул первого же молодого парня, приблизившегося ко мне, а затем бросился бежать, охваченный паникой. Я знал, что этим спасаю свою жизнь. Несколько молодых людей бросились за мной. Пока я мчался по направлению к главной улице, я сообразил, что в таком маленьком городке, как Гуаймас, патрульные полицейские передвигаются пешком. Никого из них не было поблизости. Боясь встречи с ними, я заскочил в первый же магазинчик, попавшийся на моем пути.

Я сделал вид, что старательно выбираю покупку. Молодые люди, преследовавшие меня, с шумом пробежали мимо. У меня быстро возник план: купить как можно больше вещей.

Я рассчитывал, что люди в магазине примут меня за туриста. Затем я попрошу кого-нибудь помочь мне донести пакеты до моей машины.

Некоторое время я выбирал то, что мне было нужно. В магазине я нанял юношу, чтобы он помог мне нести пакеты. Но когда я приблизился к своей машине, то увидел стоящего возле нее дона Хуана, вокруг которого по-прежнему толпился народ. Он разговаривал с полицейским, который что-то записывал.

Все было бесполезно. Мой план провалился. Путь к машине был отрезан. Я велел молодому человеку оставить пакеты на тротуаре, сказав ему, что скоро должен подъехать мой друг и доставить меня в отель. Он ушел, а я остался, прячась за грудой пакетов, которыми я прикрывал свое лицо, стараясь не попасться на глаза дону Хуану и окружавшей его толпе.

Я видел, как полицейский изучает мои калифорнийские номера. Теперь я был совершенно уверен в том, что погиб.

Обвинение сумасшедшего старика было слишком серьезным. А тот факт, что я сбежал, только усилит мою вину в глазах полицейского. Кроме того, мне страшно не хотелось вступать в объяснения с полицейским, который наверняка проигнорирует правду, только бы арестовать иностранца.

Я стоял у входа в магазин около часа. Полицейский ушел, но толпа вокруг дона Хуана осталась, а он кричал и возбужденно размахивал руками. Я был слишком далеко, чтобы слышать слова. Но я мог представить их смысл по его отрывистым, возбужденным выкрикам.

У меня возникла отчаянная необходимость в новом плане. Можно было поселиться в гостинице и пожить там пару дней, прежде чем рискнуть добраться до машины. Я хотел было вернуться в магазин и вызвать такси. Я никогда не пользовался такси в Гуаймасае и даже не знал, существует ли оно здесь вообще. Но мой план тут же рухнул при мысли о том, что если полиция достаточно компетентна, и если они приняли всерьез слова дона Хуана, то

обязательно проверят отели. Возможно, полицейский отошел от дона Хуана именно для этого.

Я сообразил, что есть еще одна возможность — добраться до автобусной станции и сесть на автобус, идущий в любой пограничный город. Или сесть хотя бы на какой-нибудь автобус, идущий из Гуаймаса в любом направлении. Однако и от этой идеи пришлось немедленно отказаться. Я был уверен, что дон Хуан сообщил полицейскому мое имя, и тот наверняка уже предупредил автобусные компании.

Мой разум захлестнула слепая паника. Я сделал несколько коротких вдохов, чтобы успокоить нервы.

Тут я заметил, что толпа вокруг дона Хуана стала рассасываться. Вернулся полицейский со своим напарником, и оба они не спеша пошли в конец улицы. В этот момент я внезапно ощутил не поддающееся контролю побуждение. Это было так, как если бы мое тело устранило связь с умом. Я направился к своему автомобилю, прихватив с собой все пакеты. Не испытывая ни малейшего страха или заботы, я открыл багажник, положил в него все пакеты, затем отворил дверцу машины. Дон Хуан стоял рядом на тротуаре, уставившись на меня отсутствующим взглядом. Я посмотрел на него с совершенно не свойственной мне холодностью. Никогда в жизни я не испытывал подобного чувства. Это не было ни ненавистью, ни гневом. Он даже не раздражал меня. То, что я чувствовал, вовсе не походило ни на смирение, ни на терпимость. И это, определенно, не было добротой. Скорее, это было холодное безразличие, ужасающее отсутствие жалости. В этот момент меня меньше всего заботило происходившее с доном Хуаном или со мной.

Дон Хуан встряхнулся верхней частью тела, как собака, вышедшая из воды. И тут, словно все это было лишь дурным сном, он снова стал тем человеком, которого я знал. Он быстро вывернул свою куртку наружу подкладкой. Это была двухсторонняя куртка, бежевая с одной стороны и черная с другой. Сейчас он был одет в черную куртку. Он бросил в машину свою соломенную шляпу и тщательно причесал волосы. Затем вытащил воротник рубашки поверх воротника куртки, вмиг сделавшись моложе на много лет. Не

говоря ни слова, он помог мне перенести в машину оставшиеся пакеты. Привлеченные шумом открывающихся и закрывающихся дверей автомобиля, двое полицейских бегом вернулись к нам, свистя в свои свистки. Дон Хуан проворно бросился им навстречу. Он внимательно выслушал их и заверил, что им не о чем беспокоиться. Он объяснил, что, должно быть, они встретились с его отцом, старым немощным индейцем, у которого не все в порядке с головой. Разговаривая с ними, он открывал и закрывал дверцы автомобиля, как бы проверяя замки. Еще он перенес пакеты из багажника на заднее сидение. Его подвижность и юношеская сила совершенно не походили на движения старика, каким он был несколько минут назад. Я знал, что он ведет себя так в расчете на полисмена, который видел его раньше. На месте этого полисмена я бы ни на минуту не усомнился, что передо мной сын старого безумного индейца.

Дон Хуан указал название ресторана, где знают его отца, и затем бесстыдно дал им взятку.

От меня не требовалось что-либо объяснять полицейским. Было что-то, что делало меня твердым, холодным, эффективным, молчаливым.

Не говоря ни слова, мы сели в машину. Полицейские так меня ни о чем и не спросили. Казалось, они настолько устали, что и не пытались сделать это. Мы уехали.

– Что это ты выкинул там, дон Хуан? – спросил я, и холодность моего тона удивила меня самого.

– Это был первый урок безжалостности, – сказал он. Он заметил, что по пути в Гуаймас он предупреждал меня о предстоящем уроке безжалостности.

Я признался, что не обратил на это внимания, подумав, что мы просто беседуем, чтобы нарушить монотонность езды.

– Я никогда не беседую просто так, – сказал он строго. Тебе давно уже пора знать об этом. Сегодня днем я намеренно создал соответствующую ситуацию, чтобы сдвинуть твою точку сборки в

определенное место, где исчезает жалость. Это место известно как место без жалости.

– Перед магами стоит задача, – продолжал он, – достичь места без жалости с минимальной помощью. Нагуаль лишь создает нужную ситуацию, ученик же сам приводит свою точку сборки в движение.

Сегодня ты сделал именно это. Я помогал тебе, возможно, немного переигрывая, сдвинув свою собственную точку сборки в положение, которое сделало меня немощным стариком, чьи действия невозможно предсказать. Я не просто притворялся старым и немощным, я был старым.

Озорной блеск в его глазах свидетельствовал о том, что он наслаждается моментом.

– В том, что я сделал, не было особой нужды, – продолжал он. – Я мог направить тебя к сдвигу точки сборки, и не применяя столь жесткой тактики, но я ничего не мог с собой поделать. Поскольку это событие больше не повторится, я хотел выяснить, смогу ли я хотя бы отчасти действовать так, как мой бенефактор. Поверь мне, я удивил себя не меньше, чем тебя.

Я чувствовал себя невероятно легко. У меня не было затруднений в восприятии того, что он говорил. Не возникало также никаких вопросов, поскольку я понимал все, не нуждаясь в объяснениях.

Затем он сказал нечто такое, что я уже знал, но не мог выразить вслух, поскольку не был способен найти подходящих для описания слов. Он сказал, что все, что делают маги, является следствием движения их точки сборки. И что такие сдвиги управляются количеством энергии, имеющейся в их командах.

Я сказал дону Хуану, что знаю все это, и даже больше. На это он ответил, что внутри каждого человеческого существа есть гигантское темное озеро безмолвного знания, о существовании которого каждый из нас знает интуитивно. Он сказал, что я могу интуитивно знать его, возможно, с несколько большей, чем средний

человек, ясностью, поскольку следую по пути воина. Еще он добавил, что маги являются единственными существами на Земле, кто сознательно выходит за пределы интуитивного уровня, подготавливая себя к осуществлению двух трансцендентальных задач: во-первых, постичь, что существует точка сборки, во-вторых, заставить, эту точку сборки двигаться.

Он еще и еще раз подчеркнул, что самые изощренные знания, которыми владеют маги, являются потенциальным достоянием всех нас как воспринимающих существ, – в том числе и знание о том, что содержание восприятия зависит от положения точки сборки.

В этом месте его объяснений мне стало чрезвычайно трудно сосредоточиться на том, что он говорит, и не потому, что я отвлекся или устал, но из-за того, что мой разум невольно начал играть в игру предугадывания его слов. Похоже, какая-то неведомая часть внутри меня безуспешно пыталась найти соответствующие слова для выражения мыслей. По мере того, как дон Хуан говорил, я начал чувствовать, что могу предугадывать, какие именно мои безмолвные мысли он сейчас выскажет. Меня поражало понимание того, что его выбор слов был всегда точнее, чем мог бы быть мой собственный. Но предвидение его слов также уменьшало мою концентрацию.

Я резко свернул на обочину дороги. В этот момент у меня впервые в жизни возникло осознание собственной раздвоенности. Внутри меня существовали две совершенно обособленные части. Одна была чрезвычайно старой, спокойной и равнодушной. Она была тяжелой, темной и связанной со всем остальным. Это была та часть меня, которая ни о чем не беспокоилась, поскольку была равной всему остальному. Она всем наслаждалась, ничего не ожидая. Другая часть была светлой, новой, воздушной³⁶, подвижной. Она была нервной и быстрой. Она беспокоилась о себе, потому что была ненадежной³⁷, и не наслаждалась ничем просто потому, что не имела способности связать себя с чем бы то ни было. Она была одинокой, поверхностной и уязвимой. Это была та часть меня, из которой я смотрел на мир.

³⁶ Fluffy – пушистый, мягкий как пух; пуховый; взбитый

³⁷ Insecure – сомневающийся, неуверенный, ненадежный, неверный, непрочный

Я сознательно осмотрелся из этой части. Повсюду я видел обширные фермерские поля; и эта ненадежная, воздушная, беспокойная часть меня застряла между гордостью в отношении индустриальной мощи человека и печалью при взгляде на величественную древнюю пустыню Сонора, превращенную в аккуратный пейзаж со вспаханymi полями и окультуренными растениями.

Старой темной и тяжелой части меня не было до этого никакого дела. И две части вступили в спор друг с другом. Воздушная часть меня хотела, чтобы тяжелая приняла на себя ответственность, а тяжелая хотела, чтобы другая часть меня прекратила терзаться и наслаждалась.

– Почему ты остановился? – спросил дон Хуан.

Его голос вызвал реакцию, но было бы не совсем верно сказать, что то, что прореагировало, было мною. Звук его голоса, казалось, заставил затвердеть воздушную часть меня, после чего я стал таким, как всегда.

Я рассказал дону Хуану о понимании, которое возникло у меня относительно моей раздвоенности. Когда он начал объяснять это с точки зрения положения точки сборки, я утратил свое отвердение. Воздушная часть меня вновь приобрела свое качество воздушности, как и в первый раз, когда я впервые заметил свою раздвоенность, и я снова знал то, что объяснял мне дон Хуан.

Он сказал, что когда точка сборки сдвигается и достигает места без жалости, позиция рационализма и здравого смысла становится шаткой. Ощущение, что я имею более старую, темную и безмолвную сторону, было точкой зрения³⁸, предшествующей разуму.

– Я точно знаю, о чем ты говоришь, – сказал я ему. – Я знаю многое, но не могу выразить свое знание в словах. Я не знаю, с чего начать.

³⁸ View – вид, точка зрения, мнение, взгляд

– Я уже упоминал об этом, – сказал он. – То, что происходит с тобой, и то, что ты называешь раздвоенностью, является взглядом из нового положения твоей точки сборки. С этого положения ты можешь чувствовать более старую сторону человека, а то, что знает более старая часть человека, называется безмолвным знанием. Это и есть то знание, которое ты еще не можешь выразить словами.

– Но почему? – спросил я.

– Для того чтобы выразить его, тебе необходимо иметь и использовать гораздо больше энергии, – ответил он. – Сейчас у тебя такой энергии нет. Безмолвное знание – это нечто такое, что есть у каждого из нас, – продолжал он. – Это нечто такое, что в совершенстве всем владеет и в совершенстве все знает. Но оно не может думать и поэтому не может говорить о том, что знает. Маги полагают, что когда человек начинает осознавать, что он знает, и хочет отдавать себе отчет в том, что он знает, – он утрачивает это знание. Безмолвное знание, которое ты не можешь описать, является, конечно, намерением, духом, абстрактным. Ошибка человека заключается в том, что он хочет познать его непосредственно, так же, как он познает мир повседневной жизни. Но чем больше он желает этого, тем более эфемерным оно становится.

– Не мог бы ты объяснить это более простыми словами, дон Хуан? – спросил я.

– Это значит, что ради мира разума³⁹ человек отказывается от безмолвного знания, – ответил он. – Чем крепче он держится за мир разума, тем более эфемерным становится намерение.

Я завел машину, и мы поехали молча. Дон Хуан не пытался указывать мне направление или подсказывать, как управлять машиной, что он часто делал, чтобы обострить мою самозначительность. Я не имел четкого представления о том, куда еду. Однако что-то во мне знало, куда надо ехать. Я дал возможность проявиться именно этой своей части.

³⁹ Reason – разум, рассудок, здравый смысл

Поздним вечером мы прибыли к большому дому магов партии дона Хуана, расположенному в сельской местности штата Синалоа на северо-западе Мексики. Путешествие, казалось, совсем не заняло времени. Я не помнил подробностей нашей поездки. Я знал лишь то, что по пути мы не разговаривали.

Дом казался пустым. Не было никаких признаков того, что в нем есть люди. Тем не менее, я знал, что друзья дона Хуана находятся в доме. Хотя я никого не видел, но чувствовал их присутствие.

Дон Хуан зажег несколько керосиновых ламп, и мы с ним сели за массивный стол. Казалось, дон Хуан собирается поесть. Пока я раздумывал о том, что мне сказать или сделать, бесшумно вошла женщина и поставила на стол тарелку с едой. Я не ожидал ее появления, и когда она вышла из темноты на свет, как бы материализовавшись из ничего, я невольно открыл рот от изумления.

– Не пугайся, это я, Кармела, – сказала она и исчезла снова, растворившись во тьме.

Я чуть было не завопил от ужаса. Дон Хуан так смеялся, что я подумал: все в доме слышат его. Я уже было решил, что они сейчас придут, но никто не появился.

Я попытался есть, но мне не хотелось. Тогда я начал думать о женщине. Я ее не знал. То есть, я почти узнал ее, но мне никак не удавалось извлечь воспоминание о ней из тумана, обволакивавшего мои мысли. Я силился прояснить свой ум, но почувствовал, что на это потребуется слишком много энергии, и сдался.

Почти тотчас после того, как я перестал думать о ней, я начал испытывать странное цепенящее беспокойство. Сначала я подумал, что меня угнетали темнота, массивный дом и тишина в нем и за его пределами. Но затем моя подавленность возросла до невероятных размеров, особенно после того, как я услышал слабый лай собаки вдали. В какой-то момент я подумал, что мое тело вот-вот взорвется. Дон Хуан немедленно вмешался. Он подскочил ко мне и нажал на

спину так, что во мне что-то щелкнуло. Это нажатие принесло мне немедленное облегчение.

Когда я успокоился, то понял, что вместе с беспокойством, которое чуть было не поглотило меня, я утратил ясное ощущение знания обо всем на свете. Я больше не мог предвидеть, как дон Хуан выразит то, что я знал сам.

После этого дон Хуан приступил к своему самому необычному объяснению. Вначале он сказал, что источником беспокойства, которое овладело мной со скоростью степного пожара, было внезапное движение моей точки сборки, вызванное неожиданным появлением Кармелы, и моей неизбежной попыткой сдвинуть свою точку сборки туда, где я был бы способен полностью узнать ее.

Он посоветовал мне свыкнуться с мыслью о том, что время от времени у меня будут возникать такого рода приступы тревоги, поскольку моя точка сборки будет продолжать двигаться.

– Любое движение точки сборки подобно умиранию, – сказал он. – Все в нас рассоединяется, а затем вновь присоединяется к источнику еще большей силы. Такое увеличение энергии воспринимается как убийственная тревога.

– Что мне делать, когда это случается? – спросил я.

– Ничего, – ответил он, – просто ждать. Вспышка энергии пройдет, опасно лишь не знать, что с тобой происходит. Когда ты знаешь, реальной опасности нет.

Затем он заговорил о древнем человеке. Он сказал, что древний человек самым непосредственным и наилучшим образом знал, что делать и как делать что-либо. Но, выполняя все действия так хорошо, он начал развивать эгоизм, который принес ему чувство, что он может предвидеть и заранее намечать действия, которые он привык выполнять. Вот так появилось представление об индивидуальном «я», которое начало диктовать человеку характер и диапазон его действий. По мере того, как ощущение индивидуального «я» усиливалось, человек постепенно утрачивал естественную связь с безмолвным знанием. Современный человек,

будучи наследником этого процесса, в конечном счете, обнаруживает, что настолько безнадежно отстранен от источника всего сущего, что единственное, что ему остается, это лишь выражать свое отчаяние в насильственных и циничных действиях саморазрушения. Дон Хуан утверждал, что причиной человеческого цинизма и отчаяния является та небольшая частица безмолвного знания, которая у него еще осталась, и, во-первых, дает человеку намек на его древнюю связь с источником всего сущего, а во-вторых, чувство того, что без этой связи у него нет надежды на покой, удовлетворение, достижение.

Мне показалось, что в словах дона Хуана есть противоречие. Я напомнил, как однажды он говорил мне, что война является естественным состоянием для воина и что покой для него противоестественен.

– Правильно, – согласился он. – Но война для воина не означает совершение поступков, которыми движет индивидуальная или коллективная глупость или бессмысленное насилие. Война для воина – это тотальная борьба против индивидуального «я», которое лишает человека его силы.

Затем дон Хуан сказал, что настало время продолжить разговор о безжалостности – самой главной предпосылке магии. Он сообщил об открытии магами того, что любой сдвиг точки сборки означает отход от чрезмерной озабоченности своей индивидуальностью, которая является отличительным признаком современного человека. Еще он сказал, что, как полагают маги, именно позиция точки сборки делает современного человека убийственным эгоистом, существом, полностью поглощенным своим образом себя.

Потеряв надежду когда-либо вернуться к источнику всего, человек искал утешение в собственной личности (в самости). Занимаясь этим, он преуспел в закреплении своей точки сборки в строго определенном положении, увековечив тем самым собственный образ себя. Итак, с уверенностью можно сказать, что любое перемещение точки сборки из ее привычного положения приводит к движению прочь от человеческой саморефлексии и сопутствующей ей самозначительности.

Дон Хуан описал самозначительность, как силу, порождаемую человеческим образом самого себя. Он повторял, что это именно та сила, которая удерживает точку сборки фиксированной в ее нынешнем положении. По этой причине главной задачей на пути воина является развенчание самозначительности. Все, что делают маги, направлено на достижение этой цели.

Он объяснил, что маги разоблачили самозначительность и установили, что она есть жалость к себе, маскирующаяся под нечто иное.

— Это звучит неправдоподобно, но это на самом деле так, — сказал он. — Жалость к себе — это реальный враг и источник человеческого страдания. Без некоторого количества жалости к себе человек был бы не в состоянии быть таким важным (значимым, значительным) для себя, каков он есть. Но когда включается сила самозначительности, она обретает свой собственный импульс, и именно эта, на первый взгляд независимая, природа самозначительности есть то, что придает ей ее фальшивое ощущение ценности.

Это его объяснение, которое было бы непонятным для меня при обычных условиях, показалось мне вполне убедительным. Но вследствие все еще присущей мне двойственности, оно показалось немного упрощенным. Казалось, дон Хуан нацеливает свои слова и мысли на определенную цель. И этой целью был я в моем обычном состоянии осознания.

Продолжая свои объяснения, дон Хуан сказал, что маги абсолютно уверены в том, что, сдвигая точку сборки с ее обычного положения, мы достигаем состояния бытия, которое можно назвать только безжалостностью. Благодаря своим практическим действиям маги знают, что как только их точка сборки сдвигается, — разрушается их самозначительность. Лишившись привычного положения точки сборки, их образ себя больше не поддерживается. А без сильного сосредоточения на образе самих себя они теряют самосострадание, а с ним и самозначительность. Таким образом, маги правы, говоря, что самозначительность — это просто замаскированная жалость к себе.

Затем он шаг за шагом начал анализировать то, что произошло со мной днем. По его словам, нагуаль в роли лидера и учителя должен действовать в такой же степени эффективно, как и безусловно. Поскольку у него нет возможности рационально планировать направление своих действий, он всегда позволяет духу указать направление. В качестве примера он привел сегодняшний случай, когда, по его словам, он не знал, как действовать до тех пор, пока дух не подал ему знак ранним утром во время завтрака в Ногалесе. Он заставил меня вспомнить это событие и попросил рассказать ему все, что я смогу припомнить.

Я вспомнил, что во время завтрака дон Хуан смутил меня тем, что явно надо мной потешался.

– Думай об официантке, – подталкивал меня дон Хуан.

– Я помню лишь, что она была ужасно грубой.

– Но что она делала? – настаивал он. – Что она делала, пока ждала нашего заказа?

Немного подумав, я вспомнил, что это была молодая суровая женщина, которая швырнула нам меню и продолжала стоять рядом, почти касаясь меня и ясно давая понять, чтобы я поторопился с заказом.

Нетерпеливо притоптывая носком своей большой ступни, она подколола свои длинные черные волосы высоко на затылке. Перемена была разительной. Она стала выглядеть более привлекательной, более женственной. Меня буквально очаровала такая метаморфоза ее внешности. Из-за этого я даже простил ей ее дурные манеры.

– Это был знак, – сказал дон Хуан. – Суровость и превращение были указаниями духа.

Он сказал, что в тот день его первое действие в качестве нагуаля было направлено на то, чтобы поставить меня в известность о своих замыслах. Для этого он очень простым языком, хотя и скрытно, сказал, что собирается дать мне урок безжалостности.

– Ну, как, вспомнил? – спросил он. – Я разговаривал с официанткой и пожилой дамой за соседним столиком.

Подталкиваемый его вопросами, я вспомнил, что дон Хуан буквально флиртовал со старой дамой и дурно воспитанной официанткой. Пока я ел, он без конца разговаривал с ними. Он рассказывал им смешные, идиотские истории о взяточничестве и продажности правительства и анекдоты о крестьянах в городе. Затем он спросил официантку, не американка ли она. Она отрицала это и смеялась над его вопросом. Дон Хуан сказал, что это хорошо, потому что я – мексиканский американец, который ищет любовь. И я могу начать искать ее хоть сейчас, вот только доем этот отличный завтрак.

Женщины засмеялись. Я подумал, что они смеются, видя мое смущение. Дон Хуан сказал им, что, говоря серьезно, я приехал в Мексику, чтобы найти жену. Он спросил, не знают ли они какую-нибудь честную, скромную женщину, которая хотела бы выйти замуж и не была бы слишком требовательна к мужской красоте. Он сослался на себя как на мое доверенное лицо.

Женщины засмеялись еще громче, я же был очень раздосадован. Дон Хуан обернулся к официантке и спросил ее, не выйдет ли она за меня. Она ответила, что помолвлена. Мне показалась, что она приняла слова дона Хуана всерьез.

– Почему вы не позволите ему говорить самому? – спросила дона Хуана старая дама.

– Потому что он говорит запинаясь, – ответил он. – Он ужасно заикается.

Официантка сказала, что я говорил совершенно нормально, когда заказывал еду.

– О! Вы так наблюдательны, – сказал дон Хуан. – Он может говорить, как все, только когда он заказывает еду. Я повторяю ему снова и снова, что если он хочет научиться разговаривать нормально, он должен быть безжалостен. Я привез его сюда, чтобы дать ему несколько уроков безжалостности.

– Бедняжка, – сказала старая леди.

– Да, но нам пора уходить, если мы хотим еще сегодня найти для него любовь, – вставая, сказал дон Хуан.

– Это вы серьезно насчет брачного дела? – спросила молодая официантка у дона Хуана.

– Будьте уверены, – ответил он. – Я собираюсь помочь ему найти то, в чем он нуждается, чтобы он мог пересечь границу и попасть в место без жалости.

Я подумал, что дон Хуан то ли брак, то ли США называет «местом без жалости». Я засмеялся над этой метафорой и вдруг стал так ужасно заикаться, что напугал женщин до полусмерти, а у дона Хуана вызвал совершенно истерический смех.

– Мне тогда было совершенно необходимо сообщить тебе цель моих дальнейших действий, – сказал дон Хуан, продолжая свои объяснения. – Я сделал это, но ты, как это и должно было случиться, полностью пропустил мои слова мимо ушей.

По его словам, с момента, когда дух проявит себя, каждый шаг будет легко доведен до своего логического завершения. Моя точка сборки достигла места без жалости, когда под влиянием превращения дона Хуана она была вынуждена покинуть свое привычное положение саморефлексии.

– Позиция саморефлексии, – продолжал дон Хуан, – заставляет точку сборки собирать мир ложного сострадания, который, в действительности, является миром реальной жестокости и эгоцентризма. В этом мире единственно реальными чувствами оказываются лишь те, которые удобны тому, кто их испытывает.

Для магов безжалостность – это не жестокость. Безжалостность – это противоположность жалости к самому себе и самозначительности. Безжалостность – это трезвость⁴⁰.

⁴⁰ Sobriety – трезвость, умеренность, уравновешенность

Требования намерения

Разбивание зеркала саморефлексии

Мы провели ночь на том месте, где я занимался воспоминанием происходившего со мной в Гуаймасе. Поскольку моя точка сборки была все еще податливой, дон Хуан ночью помогал мне достичь новых ее положений, которые немедленно затуманивались и совершенно забывались.

На следующий день я был не в состоянии вспомнить ничего из случившегося и воспринятого. Тем не менее, я остро ощущал, что приобрел какой-то странный опыт. Дон Хуан подтвердил, что моя точка сборки сместилась глубже, чем он ожидал. Однако он отказался даже намекнуть на то, что же именно я сделал. Он лишь сказал по этому поводу, что рано или поздно я вспомню все.

В полдень мы продолжили подниматься в горы. Мы шли молча, не останавливаясь почти до самого вечера. Во время неспешного подъема на пологий скальный уступ дон Хуан неожиданно заговорил. Я не понял ни слова. Он повторял это до тех пор, пока я не сообразил, что мы остановимся на широком плато, видимом с того места, где мы находились сейчас. Еще он сказал, что там, за валунами и густым кустарником можно укрыться от ветра.

— Скажи, можешь ли ты определить то место на этом плато, которое наилучшим образом подошло бы нам для ночевки? — спросил он.

Еще раньше, во время подъема, я заметил почти незаметный выступ. Он казался темным пятном на склоне горы. Я обнаружил его, быстро скользнув взглядом по этому месту. Теперь, когда дон Хуан спрашивал о моем мнении, мне удалось определить пятно еще более темное, почти черное, на южной стороне уступа. Этот темный уступ и почти черное пятно на нем не вызывали ни малейшего чувства страха или беспокойства. Мне нравился уступ, а его черное пятно нравилось еще больше.

– То пятно очень темное, но оно мне нравится, – сказал я, когда мы достигли края скалы.

Дон Хуан согласился с тем, что на этом месте будет лучше всего провести ночь. Он сказал, что тут имеется особый уровень энергии, и что ему тоже нравится эта приятная темнота.

Мы направились к скальным выступам. Дон Хуан определил нужное место по валунам, и мы сели, прислонившись к ним спиной.

Я сказал, что, с одной стороны, выбрать именно это место было просто моей удачной догадкой, но с другой, – я не могу не учитывать тот факт, что воспринял его глазами.

– Я бы не сказал, что ты воспринял его исключительно глазами, – сказал дон Хуан. Все было немного сложнее.

– Что ты имеешь в виду, дон Хуан? – спросил я.

– Я хотел сказать, что у тебя есть способности, о которых ты до сих пор не догадываешься, – ответил он. – Поскольку ты весьма беспечен, ты можешь думать обо всем, что ты замечаешь, как об обычном чувственном восприятии.

Он сказал, что если я сомневаюсь в этом, то могу вновь спуститься к подножью горы и убедиться в справедливости его слов. Он предупредил, что я не смогу заметить темный выступ, просто глядя на него.

Я всячески заверил его, что ничуть в этом не сомневаюсь и не собираюсь спускаться с горы.

Однако он настаивал на спуске. Я думал, что он делает это просто, чтобы подразнить меня. Меня это раздражало, ведь, по моему мнению, сейчас он должен был быть серьезным. Он так смеялся, что даже закашлялся.

Он отметил, что все животные могут выделить в местах своего обитания территории с особыми уровнями энергии. Большинство животных боятся этих мест и избегают их. Исключением являются

горный лев и койот, которые ложатся там и даже спят, когда им случается оказаться рядом. Но только маги намеренно ищут такие места из-за их особой эффективности.

Я спросил его, что это за эффекты. Он сказал, что они проявляются в виде толчков укрепляющей энергии, и заметил, что такие места могут находить и люди, живущие в естественной среде, хотя они и не догадываются об их существовании и оказываемом ими действии.

– Как же они узнают, что нашли такие места? – спросил я.

– Они никогда и не узнают, – ответил дон Хуан. – Маги, наблюдая за людьми, идущими по горным тропам, замечают, что те всегда устают и располагаются на отдых именно в местах, которые имеют положительный уровень энергии. С другой стороны, проходя по территории с вредоносным потоком энергии, они становятся нервными и прибавляют шаг. Если спросить их об этом, они ответят, что хотят быстрее пройти данный участок, потому что чувствуют прилив энергии. Однако все наоборот – единственное место, придающее им энергию, есть то, где они чувствуют усталость.

Он сказал, что маги могут находить такие места, воспринимая всем своим телом небольшие всплески волн энергии там, где эти места находятся. Возросшая энергия магов, полученная за счет сокращения саморефлексии, позволяет их чувствам расширить свой диапазон восприятия.

– Я постоянно стараюсь показать тебе, что единственно правильными действиями, как для магов, так и для обычных людей, являются те, что направлены на ограничение нашей вовлеченности в наш образ себя, – продолжал дон Хуан. – Цель нагуаля в отношении своих учеников – разбить зеркало их саморефлексии.

Он добавил, что каждый ученик – это особый случай, и что нагуаль предоставляет духу позаботиться о деталях.

– Каждый из нас имеет различную степень привязанности к своей саморефлексии, – продолжал он. – Эта привязанность ощущается, как нужда (потребность). Например, до того, как я стал

на путь знания, моя жизнь была бесконечной потребностью. И даже годы спустя после того, как нагуаль Хулиан взял меня под свое крыло, я все еще оставался нуждающимся, может быть, даже в большей степени, чем раньше. Однако существуют и маги, и обычные люди, которые не нуждаются ни в ком. Они получают умиротворение, гармонию, смех, знание непосредственно от духа. Такие люди не нуждаются в посредниках. Другое дело – ты или я. Я – твой посредник, моим был нагуаль Хулиан. Посредники, кроме того, что предоставляют минимальный шанс – осознание намерения, еще и помогают разбить зеркало саморефлексии. Единственной конкретной помощью, которую ты когда-либо получал от меня, является разрушение твоей саморефлексии. Если бы это было не так, ты попросту терял бы время. Это единственная реальная помощь, которую я тебе оказывал.

– Но, дон Хуан, ты научил меня большему, чем кто бы то ни было за всю мою жизнь, – запротестовал я.

– Я учил тебя разным вещам только для того, чтобы завладеть твоим вниманием, – сказал он. – Хотя ты и уверен, что это обучение было важным делом, оно таковым не является. В инструкциях очень немного ценности. Маги утверждают, что значение имеет лишь сдвиг точки сборки и что такой сдвиг, как тебе известно, зависит от возрастания энергии, а не от инструкций.

Затем он сделал странное заявление. Он сказал, что любое человеческое существо, соблюдающее особую, весьма простую последовательность действий, может научиться сдвигать свою точку сборки.

Я заметил, что он противоречит самому себе. Последовательность действий для меня и означала выполнение инструкций. Она заключалась в выполнении тех или иных процедур.

– В мире магов ты найдешь сплошные противоречия в терминах, – ответил он. – На практике же никаких противоречий нет. Та последовательность действий, о которой я говорю, приходит из осознания. Для того, чтобы осознать эту последовательность,

необходим нагуаль. Вот почему я сказал, что нагуаль только предоставляет минимальный шанс. Но этот минимальный шанс не является инструкцией такого, например, типа, как та, что нужна тебе, чтобы научиться управлять машиной. Минимальный шанс заключается в приведении к осознанию духа.

Он объяснил, что та особая последовательность, которую он имеет в виду, требует осознания того, что самозначительность является той силой, которая удерживает точку сборки фиксированной. Когда самозначительность уменьшается, то больше не расходуется энергия, которая обычно тратится на ее поддержку. Увеличенная таким образом энергия затем служит своего рода трамплином для отправления точки сборки в невообразимое путешествие автоматически и непреднамеренно.

Такой сдвиг точки сборки уже сам по себе означает отход от саморефлексии, а это в свою очередь обеспечивает четкое связующее звено с духом. Он добавил, что, в конце концов, именно саморефлексия когда-то и разъединила человека с духом.

– Как я уже говорил тебе, – продолжал дон Хуан, – магия – это путешествие для возвращения. Мы, одержав победу, возвращаемся к духу, побывав в аду. И из ада мы приносим трофеи. Одним из таких трофеев является понимание.

Я сказал ему, что упомянутая им последовательность кажется очень легкой и очень простой, когда он говорит о ней, но когда я попытался воспользоваться ею на практике, то она оказалась прямой противоположностью простоте и легкости.

– Нашей трудностью с этой простой прогрессией, – сказал он, – является то, что большинство из нас не желает принять, что нам нужно так мало, чтобы достичь успеха. Мы ожидаем инструкций, обучения, проводников, учителей, а когда нам говорят, что никто из них нам не нужен, мы не верим этому. Мы становимся нервными, затем теряем веру и под конец сердимся и разочаровываемся. Реальная же помощь, которая нам действительно нужна, заключается не в методах, а в правильном указании. Если кто-

нибудь заставит нас осознать, что необходимо освободиться от самозначительности, — это и есть реальная помощь.

Маги говорят, что мы не нуждаемся ни в чьих убеждениях в том, что мир бесконечно сложнее, чем наши самые необузданные фантазии. Так почему же мы так зависимы? Почему мы так страстно желаем найти себе проводника, когда все можно сделать самому? Вот ведь вопрос, а?

Дон Хуан не сказал больше ничего. Очевидно, он хотел, чтобы я подумал над этим, но меня занимало другое. Мое воспоминание подорвало определенные устои, которые я считал незыблемыми, и я отчаянно нуждался в том, чтобы он заново установил их. Я нарушил затянувшееся молчание и выразил свою озабоченность. Я сказал ему, что уже смирился с тем, что вполне возможно забыть от начала до конца все, происходящее со мной в состоянии повышенного осознания. До сего дня я хорошо помнил хотя бы все то, что я совершил под его руководством в состоянии обычного осознания. Однако завтрак с доном Хуаном в Ногалесе не существовал для меня до тех пор, пока я не вспомнил его. А это событие должно было иметь место в обычном мире.

— Ты не принимаешь в расчет кое-что весьма важное, — сказал он. — Присутствия нагуаля достаточно, чтобы сместилась точка сборки. Я постоянно ублажал тебя, используя удар нагуаля. Удар по спине между лопаток, производимый мною, — это лишь нечто умиротворяющее. Он служит для того, чтобы устранить твои сомнения. Маги используют физический контакт, чтобы дать толчок телу. Он не дает ученику, которым манипулируют, ничего, кроме уверенности.

— Но кто же тогда сдвигает точку сборки, дон Хуан? — спросил я.

— Это делает дух, — ответил он тоном человека, готового потерять терпение.

Казалось, он сдержался и, улыбаясь, покачал головой из стороны в сторону жестом, выражающим смирение.

– Мне трудно принять это, – сказал я. – Мой ум руководствуется принципом причин и следствий.

Он разразился своим необъяснимым смехом, – необъяснимым, конечно, с моей точки зрения. Наверное, я выглядел раздраженным. Он положил руку мне на плечо.

– Время от времени я смеюсь так потому, что ты сумасшедший, – сказал он. – Ответ на все, о чем ты меня спрашиваешь, находится прямо у тебя перед глазами. Однако ты не видишь его. Я думаю, слабоумие – твой бич.

Его глаза были такими лучистыми, такими озорными и сумасшедшими, что я и сам рассмеялся.

– Я до истощения настаивал на том, что в магии не существует процедур, – продолжал он. – Нет никаких методов и ступеней. Единственное, что имеет значение – это сдвиг точки сборки. И ни одна процедура не может привести к этому. Это следствие, которое проявляется само по себе.

Он подтолкнул меня, как бы выпрямляя мне плечи, а затем стал пристально смотреть мне в глаза. Мое внимание немедленно сконцентрировалось на его словах.

– Посмотрим, как ты это понимаешь, – сказал он. – Только что я объяснил, что сдвиг точки сборки происходит сам по себе. Но я сказал также и то, что присутствие нагуаля вызывает сдвиг точки сборки ученика, и что способ, с помощью которого он маскирует свою безжалостность, – или способствует, или препятствует этому сдвигу. Как бы ты разрешил это противоречие?

Я признался, что как раз собирался спросить его об этом противоречии, поскольку осознал его существование. Но я бы и думать не посмел о том, чтобы разрешить его. Я же не практикующий маг.

– Но кто же ты тогда? – спросил он.

– Я студент, изучающий антропологию, который старается разобраться, чем занимаются маги, – сказал я.

Такое заявление не совсем соответствовало истине, но не было и ложью. Дон Хуан смеялся безудержно. – Слишком поздно ты спохватился, – сказал он. – Твоя точка сборки уже сместилась. Именно такой сдвиг и делает человека магом. Он заявил, что это кажущееся противоречие на самом деле является двумя сторонами одной медали. Нагуаль вызывает сдвиг точки сборки тем, что помогает разрушить зеркало саморефлексии.

Но это все, что может сделать нагуаль. Реальным сдвигом занимается дух, абстрактное. Нечто такое, чего нельзя увидеть или почувствовать, чего, казалось бы, нет, но что реально существует. По этой причине маги утверждают, что точка сборки смещается сама собой. Но они также говорят, что ее сдвигает нагуаль. Нагуаль, будучи проводником абстрактного, имеет возможность выражать его посредством своих действий.

Я вопросительно взглянул на дона Хуана.

– Нагуаль смещает точку сборки, и все же не он сам делает это, – сказал дон Хуан. – Или, возможно, более подходящим будет сказать, что дух проявляется в соответствии с безупречностью нагуаля. Дух может смещать точку сборки в результате простого присутствия безупречного нагуаля.

Он сказал, что ему хотелось бы прояснить все это, поскольку в случае неправильного понимания это ведет нагуаля назад к самозначительности и, таким образом, к его разрушению.

Переведя разговор на другую тему, он сказал, что, поскольку дух не имеет осязаемой сущности, маги имеют дело скорее с особыми примерами и способами, с помощью которых они могут разбить зеркало саморефлексии.

Дон Хуан заметил, что в связи с этим важно понять практическую ценность различных способов, посредством которых нагуаль маскирует свою безжалостность. Он сказал, что, например, моя маска великодушия пригодна, чтобы иметь дело с людьми на

поверхностном уровне, но бесполезна для разрушения их саморефлексии, поскольку вынуждает меня требовать от них почти невозможных решений. Я требую от них прыжка в мир магии без какой-либо подготовленности.

– К такому решению, как этот прыжок, необходимо подготовить, – продолжал он. – А для того, чтобы подготовить к нему, подойдет любая маскировка нагуалем своей безжалостности, кроме маски великодушия.

Наверное потому, что мне отчаянно хотелось верить в реальность своего великодушия, его замечания относительно моего поведения вновь пробудили во мне огромное чувство вины. Он заверил меня, что незачем чего-то стыдиться, и что единственным нежелательным последствием этого было то, что мое псевдовеликодушие не выливалось в позитивный обман.

Хотя в этом отношении, по его словам, я и походил во многом на его бенефактора, моя маска великодушия была слишком грубой и явной, чтобы иметь ценность для меня, как для учителя. С другой стороны, маска рассудительности, как у него самого, являлась очень эффективной для создания атмосферы, благоприятной для смещения точки сборки. Его ученики всецело верили в его псевдорассудительность. Фактически, они были так воодушевлены ею, что дон Хуан легко мог обманом заставить их в любой степени напрягать свои силы.

– Случившееся с тобой в Гуаймаса является примером того, как замаскированная безжалостность нагуаля разбивает зеркало саморефлексии, – продолжал он. – Моя маска сразила тебя. Ты, как и все вокруг меня, верил в мою рассудительность. И конечно, превыше всего ты ожидал, что я непрерывно сохраняю эту свою разумность.

Когда же я начал не просто изображать поведение дряхлого немощного старика, но стал таковым, ты изо всех сил старался восстановить мою непрерывность и свою саморефлексию. И ты сказал себе, что меня, наверное, хватил удар.

В конце концов, когда уже невозможно стало верить в непрерывность моей разумности, твое зеркало начало разрушаться. С этого момента смещение твоей точки сборки стало лишь делом времени. Единственное, что еще оставалось под вопросом, – достигнет ли она места без жалости.

По-видимому, дону Хуану показалось, что я скептически отнесся к его словам, поэтому он объяснил, что мир нашей саморефлексии или нашего разума очень хрупок и держится лишь на нескольких ключевых идеях, которые образуют его основополагающий порядок. Когда такие идеи рушатся, этот основополагающий порядок перестает действовать.

– Что это за ключевые идеи, дон Хуан? – спросил я.

– В данном случае, как и в примере с аудиторией целительницы, о которой мы говорили, ключевой идеей является непрерывность, – ответил он.

– Что такое непрерывность? – спросил я.

– Это представление о том, что мы являемся затвердевшей глыбой, – сказал он. – В нашем разуме тем, что поддерживает наш мир, является убежденность в собственной неизменности. Мы еще можем согласиться с тем, что наше поведение можно как-то изменить, что могут изменяться наши реакции и мнения, но идея трансформации до изменения внешности, до возможности быть кем-то другим не является частью основополагающего порядка нашей саморефлексии. Как только маг прерывает этот порядок, мир разума останавливается.

Я хотел спросить у него, достаточно ли нарушить индивидуальную непрерывность, чтобы вызвать сдвиг точки сборки. Казалось, он предвидел мой вопрос. Он сказал, что такое нарушение является просто ослаблением сопротивления. Сдвигу точки сборки на самом деле помогает безжалостность нагуаля.

Затем он сравнил действия, совершенные им тем вечером в Гуаймасае, с действиями целительницы, о которой мы говорили раньше. Он сказал, что эта целительница разбивала зеркало

саморефлексии людей, присутствовавших на ее сеансе, с помощью серии действий, которые не имели эквивалента в повседневной жизни – драматическая одержимость духом, изменения голоса, разрезание тела пациента так, чтобы были видны внутренности. Как только непрерывность идеи людей о самих себе была разорвана, их точки сборки готовы были сместиться.

Дон Хуан напомнил мне, что когда-то он познакомил меня с понятием остановки мира. Он сказал, что остановка мира является такой же необходимостью для мага, как для меня – чтение и письмо. Она заключается в том, что в ткань повседневного поведения вносится какой-то диссонирующий элемент с целью остановить обычно монотонное течение событий повседневной жизни – событий, внесенных в каталог нашего разума нашим здравым смыслом.

Диссонирующий элемент назывался «неделанием», или противоположностью «деланию». «Делание» – это все, что является частью того целого, в котором мы отдаем себе отчет. «Неделание», в свою очередь, есть элемент, не принадлежащий к этому нанесенному на карту, заключенному в схему целому.

– Маги, будучи сталкерами, в совершенстве понимают человеческое поведение, – сказал, он. – Они понимают, например, что человеческие существа являются созданиями инвентаризации. Знание всех деталей и подробностей отдельной инвентаризации делает человека учеником или мастером в своей области.

Маги знают, что если инвентаризация среднего человека не срабатывает, такой человек или расширяет ее, или же рушится его собственный мир саморефлексии. Обычный человек стремится включить новые пункты в свою инвентаризацию, если они не противоречат ее основополагающему порядку. Однако если эти пункты противоречат друг другу, разум человека рушится. Инвентаризация – это разум. И маги принимают это во внимание, когда пытаются разбить зеркало саморефлексии.

Он объяснил, что в тот день он тщательно отобрал средства для разрушения моей непрерывности. Он постепенно преобразился в настоящего немощного старика, а затем, чтобы усилить разрушение

моей непрерывности, взял меня с собой в ресторан, где все знали его таким стариком.

Я прервал его. До меня дошло противоречие, которого я не замечал раньше. Тогда он говорил, что причиной его превращения было желание почувствовать, каково быть стариком. Это был благоприятный и неповторимый случай. Я понял это так, что никогда раньше он стариком не был. Однако в ресторане все знали дона Хуана как немощного старика, которого не раз хватал удар.

– Безжалостность нагуаля имеет много аспектов, – сказал он. – Это что-то вроде инструмента, который приспособливают для различных целей. Безжалостность – это состояние бытия. Это определенный уровень намерения, которого достигает нагуаль.

Нагуаль использует ее, чтобы вызвать смещение собственной точки сборки или точек сборки учеников, а также для того, чтобы выслеживать. В тот день я вначале действовал как сталкер, притворившись стариком, а под конец я, действительно, превратился в немощного старика. Моя безжалостность, контролируемая глазами, вызвала сдвиг моей точки сборки.

Хотя я и до этого не раз бывал в ресторане как больной старик, я действовал как сталкер, всего лишь разыгрывая роль старика. Но никогда раньше моя точка сборки не смещалась так далеко в точное место старости и помешательства.

Он добавил, что, поскольку он намеревался быть старым, глаза его потеряли блеск, что я и заметил немедленно. Беспокойство отразилось на моем лице. То, что глаза его перестали излучать свет, было следствием использования их для намеревания позиции старика. Как только точка сборки дона Хуана достигла необходимого положения, он смог перевоплотиться и во внешности, и в поведении, и в ощущениях.

Я попросил его прояснить идею намеревания глазами; у меня было смутное чувство, что все это мне знакомо, но даже мысленно я не мог оформить свое знание в слова.

– Единственным способом выразить это, является сказать, что намерение намеревается глазами, – сказал он. – Я знаю, что это так и есть. Однако, как и ты, я не могу точно выразить свое знание. Маги разрешают эту сложность, принимая нечто совершенно очевидное: человеческие существа бесконечно более сложны и загадочны, чем наши самые необузданные фантазии.

Я настаивал на том, что он до сих пор не прояснил сути дела.

– Я могу сказать лишь одно – глаза делают это, – сказал он сухо. – Не знаю, как, но глаза делают это. Они притягивают намерение чем-то неопределимым, чем-то, что содержится в их сиянии. Маги говорят, что намерение переживается глазами, а не разумом.

Дон Хуан отказался прибавить к сказанному еще что-нибудь и вернулся к объяснению моего воспоминания. Он сказал, что раз его точка сборки достигла особого положения истинной старости, все мои сомнения должны были полностью исчезнуть. Но поскольку я очень гордился своей сверхрациональностью, я немедленно попытался объяснить его перевоплощение.

– Я неоднократно повторял, что слишком большая рациональность является помехой, – сказал он. – Человеческие существа обладают очень глубоким чувством магии. Мы сами являемся частью тайны. Рациональность есть лишь наружный тонкий слой. Если мы удалим этот слой, то под ним обнаружим мага. Однако некоторые из нас с большим трудом могут проникнуть под этот поверхностный слой – другие же делают это с большой легкостью. Ты и я очень похожи в этом отношении – оба мы должны были трудиться до кровавого пота, прежде чем избавиться от саморефлексии.

Я объяснил ему, что для меня держаться за свою рациональность – вопрос жизни и смерти. Важность этого для меня только возросла, когда я стал постигать мир магии.

Дон Хуан заметил, что тогда, в Гуаймасае, моя рациональность стала для него исключительным испытанием. С самого начала дон Хуан должен был пустить в ход все известные ему средства, чтобы

подорвать ее. С этой целью он начал с того, что сильно надавил ладонями мне на плечи и почти пригнул меня к земле тяжестью своего тела. Этот грубый физический маневр послужил первым толчком для моего тела. В сочетании со страхом, вызванным отсутствием непрерывности, это пронзило мою рациональность.

– Но только нарушить рациональность было недостаточно, – продолжал дон Хуан. – Мне было известно, что для того, чтобы твоя точка сборки достигла места без жалости, я должен был разрушить все остатки своей непрерывности. Все это произошло, когда я по-настоящему стал стариком и заставил тебя бегать по городу, а под конец разозлился и ударил тебя.

Ты был шокирован, однако находился на пути к мгновенному возвращению в нормальное состояние, и тогда я нанес последний удар по твоему зеркалу образа себя. Я завопил, что ты убийца. Я не ожидал, что ты убежишь, забыв о твоей склонности к вспышкам ярости.

Он сказал, что, несмотря на мою тактику немедленного восстановления, моя точка сборки достигла места без жалости. Это случилось в момент, когда меня привело в ярость его маразматическое поведение. Или, возможно, все произошло наоборот: я пришел в ярость потому, что моя точка сборки достигла места без жалости. Однако это не важно. Важно то, что моя точка сборки сместилась в нужное положение.

Как только она там оказалась, мое поведение заметно изменилось. Я стал холоден и расчетлив, и больше не заботился о своей безопасности.

Я спросил у дона Хуана, видел ли он все это. Я не помнил, чтобы я рассказывал ему об этом. Он ответил, что узнать о моих чувствах, ему помогло воспоминание о своем собственном пережитом когда-то опыте.

Затем он отметил, что моя точка сборки начала фиксироваться в своем новом положении тогда, когда он вновь стал самим собой. Но к тому времени моя уверенность в его обычной непрерывности была настолько поколеблена, что непрерывность больше не работала в

качестве связующей силы. С этого момента новое положение моей точки сборки позволило мне выстроить новый тип непрерывности, характеризующийся странной отрешенной твердостью – той твердостью, которая стала с тех пор нормой моего поведения.

– Непрерывность столь важна в нашей жизни, – продолжал он, – что если она нарушается, то тут же немедленно восстанавливается. Для магов, однако, при достижении точкой сборки места без жалости непрерывность никогда не становится прежней.

Поскольку по природе своей ты медлителен, ты до сих пор не заметил, что с того дня в Гуаймасе ты стал, помимо всего прочего, способен воспринимать любой вид отсутствия непрерывности в его истинном проявлении – после символической борьбы твоего разума, конечно.

Его глаза сияли и смеялись.

– Именно тогда ты и приобрел свою замаскированную безжалостность, – продолжал он. – Тогда твоя маска, конечно же, не была столь совершенной, как сейчас, но то, что ты получил тогда, было зачатками твоей маски великодушия.

Я попытался протестовать. Мне не понравилась идея замаскированной безжалостности, в каком бы виде он не преподносил ее.

– Не применяй свою маску ко мне, – сказал он смеясь. – Придержи ее для кого-нибудь более подходящего – того, кто не знает тебя.

Он настоятельно посоветовал вспомнить тот момент, когда я обрел эту маску.

– Когда ты почувствовал, что тебя снова охватывает холодная ярость, – продолжал он, – ты должен был замаскировать ее. Ты не шутил с этим, как, бывало, делал со мной мой бенефактор. Ты не пытался судить о ней разумно, как когда-то делал это я. И ты не притворялся, что заинтригован ею, как нагуаль Элиас в свое время. Это известные мне маски трех нагуалей. Что же сделал ты? Ты

спокойно пошел к своей машине и отдал половину свертков парню, помогавшему тебе их нести.

До сего момента я не помнил, чтобы кто-то помогал мне нести свертки. Я сказал дону Хуану, что я видел огоньки, мелькавшие перед моими глазами, и думал, что видел их потому, что из-за холодной ярости находился почти на грани обморока.

– Ты не был на грани обморока, – ответил дон Хуан. – Ты был на грани самостоятельного вхождения в состояние сновидения и видения духа, так же, как Талиа и мой бенефактор.

Я сказал дону Хуану, что отнюдь не великодушие заставило меня отдать свертки, а лишь холодная ярость. Я должен был сделать что-нибудь, чтобы успокоиться, и это было первым, что пришло мне в голову.

– Но именно об этом я тебе и говорю. Твое великодушие не есть нечто подлинное, – сказал он и рассмеялся над моей обескураженностью.

Билет в безупречность

Пока дон Хуан говорил о разбивании зеркала саморефлексии, совсем стемнело. Я сказал ему, что чудовищно устал и предложил прервать наше путешествие и вернуться домой. Однако он настаивал на продолжении пути, заметив, что необходимо использовать каждую минуту наших с ним встреч, чтобы провести обзор историй магов или путем сдвига точки сборки вспомнить столько раз, сколько возможно.

Я был не в духе и пожаловался на то, что сильная усталость может породить во мне чувство неуверенности и отсутствие убежденности.

– Твоя неуверенность вполне понятна, – сказал дон Хуан, как нечто само собой разумеющееся. – В конце концов ты имеешь дело с новым видом непрерывности. Нужно время, чтобы привыкнуть к

ней. Воины проводят годы в таком состоянии, когда они уже не обычные люди, но еще и не маги.

– Что с ними происходит потом? – спросил я. – Они выбирают что-то одно?

– Нет. Они не имеют выбора, – ответил он. – Все они, в конце концов, осознают, что стали магами. Трудность заключается в том, что зеркало саморефлексии чрезвычайно могущественно, и позволяет своим жертвам уйти только после беспощадной битвы.

Он замолчал и, казалось, ушел в свои мысли. Тело его напряглось, как это бывало не раз, когда, по моим наблюдениям, он погружался в состояние, характеризуемое мною, как задумчивость. Однако он сам описывал это, как моменты, когда его точка сборки сдвигалась, и он был способен вспоминать.

– Я хочу рассказать тебе историю о билете мага в безупречность, – вдруг сказал он после почти получасового молчания. – Сейчас ты услышишь историю моей смерти. И он стал описывать события, происходившие после его прибытия в Дуранго, когда он все еще был переодетой женщиной и около месяца скитался по центральной Мексике. Он сказал, что старый Белисарио доставил его прямым на гасиенду, чтобы спрятать от чудовищного человека, преследовавшего его.

Сразу по прибытии дон Хуан – довольно смело, если принять во внимание его замкнутый нрав – представился всем, кто жил в доме. Среди его обитателей было семь красивых женщин и странный необщительный мужчина, не проронивший ни слова. Дон Хуан восхитил прелестных женщин своим рассказом о чудовищном человеке, преследовавшем его. Больше всего им понравилась его маскировка, которую он до сих пор носил, а также история, связанная с ней. Они без устали слушали рассказ о подробностях путешествия дон Хуана и наперебой советовали, как усовершенствовать знания, полученные им за время путешествия. Дона Хуана удивляли их непостижимые для него уравновешенность и уверенность.

Эти семь женщин были утонченными особами, и ему было хорошо с ними. Он полюбил их и доверял им. Они обращались с доном Хуаном с уважением и учтивостью. Однако что-то в их глазах говорило ему о том, что под внешним очарованием таится ужасающая холодность, отчужденность, за которую он не в состоянии проникнуть.

Однажды дону Хуану пришла в голову мысль о том, что, поскольку эти женщины так раскованы и не обращают внимания на формальности, все они, должно быть, легкого поведения. Однако он быстро понял, что это не так.

Однажды он остался один и пошел бродить по округе. Его поразили размеры особняка и прилегавших земель. Никогда ничего подобного он не видел. Это был старый дом колониальных времен, обнесенный высокой стеной. Внутренние балконы были уставлены цветочными горшками, а в патио росли громадные фруктовые деревья, приносившие тень, уединение и тишину.

Комнаты в доме были просторные. На первом этаже вокруг внутренних двориков были открытые переходы. На верхнем этаже располагались загадочные спальни, куда дону Хуану входить не разрешалось.

Впоследствии он был немало удивлен возникшим у женщин глубоким интересом к его благополучию. Они делали для него все. Казалось, они ловили каждое его слово. Никогда раньше к нему не относились так хорошо. Но и такого одиночества он никогда раньше не ощущал. Дон Хуан постоянно находился в обществе красивых странных женщин и все же был так одинок, как никогда прежде. Он полагал, что это чувство одиночества проистекало от его неумения предсказывать поведение женщин или понимать их истинные чувства. Он знал о них лишь то, что они сами ему говорили.

Через несколько дней после прибытия дона Хуана женщина, казавшаяся лидером, принесла ему совершенно новую мужскую одежду и сказала, что больше не надо носить женское платье в качестве маскировки, поскольку чудовищный человек, кем бы он ни

был, сейчас куда-то исчез. Она сказала, что он свободен идти, куда ему нравится.

Дон Хуан попросил встречи с Белисарио, которого он не видел со дня своего прибытия. Женщина сказала, что Белисарио уехал. Перед отъездом он сказал, что дон Хуан может оставаться в доме, сколько захочет, но только до тех пор, пока не минует опасность.

Дон Хуан признался, что ему грозит смертельная опасность. На гасиенде он часто видел чудовище, рыскающее по окрестным полям. Женщина не поверила ему и напрямик сказала, что он плохой актер, и нечего притворяться, иначе его поставят на место. Она заявила дону Хуану, что их дом не для бездельников. Здесь все – серьезные люди, очень много работают и не могут позволить себе держать нахлебника.

Такие слова оскорбили дона Хуана. Он вылетел из дома и тут же наткнулся на чудовище, скрывавшееся в декоративном кустарнике у стены. Его гнев сменился на страх. Он снова вбежал в дом и стал просить женщину, чтобы ему позволили остаться. Он обещал бесплатно батрачить, лишь бы его не прогоняли.

Она согласилась, но дону Хуану предстояло принять два условия: не задавать вопросов и беспрекословно выполнять все, что прикажут. Она предупредила, что если он нарушит эти условия, его пребывание в доме будет под вопросом.

– Я с трудом подчинился, – продолжал дон Хуан. – Мне не хотелось принимать ее условия, однако я знал, что чудовище бродит поблизости. В доме я был в безопасности. Я знал, что ужасный человек всегда останавливался у невидимой черты, окружавшей дом радиусом примерно сто ярдов. Внутри нее я чувствовал себя в безопасности. Насколько я мог заметить, что-то удерживало чудовище на расстоянии, и это меня вполне удовлетворяло. И еще я заметил, что если рядом был кто-то из людей, живших в этом доме, монстр не показывался.

Через несколько недель, ничего не изменивших в ситуации, вновь появился молодой человек, который, как считал дон Хуан, жил в доме чудовищного человека под видом старого Белисарио. Он

сказал дону Хуану, что только что прибыл, что его зовут Хулиан и он владелец гасиенды.

Дон Хуан, естественно, спросил, почему тот больше не маскируется. Молодой человек взглянул ему прямо в глаза и без колебаний заявил, что не знает ни о какой маскировке.

– Как ты смеешь находиться в моем доме и нести такую чепуху?
– закричал он на дона Хуана. – За кого ты меня принимаешь?

– Но ведь ты – Белисарио, правда? – настаивал дон Хуан.

– Нет, – ответил молодой человек. – Белисарио – старик, а меня зовут Хулиан и я молод. Разве ты не видишь?

Сбитый с толку, дон Хуан сказал, что он не вполне уверен, было ли это маскировкой, и только тут сообразил, насколько абсурдна его догадка. Если старик не был замаскированным юношей, то оставалось лишь перевоплощение, а это было еще большим абсурдом.

Дон Хуан в замешательстве спросил о чудовище. И молодой человек ответил, что не имеет понятия ни о каком чудовище. Он допускал, что дона Хуана что-то испугало, иначе бы старый Белисарио не предоставил ему убежища. Но какими бы ни были причины, заставлявшие дона Хуана прятаться, это было его личным делом.

Дона Хуана задел холодный тон, которым говорил с ним хозяин, и его манеры. Рискую навлечь на себя его гнев, дон Хуан все же напомнил ему, что они уже однажды встречались, на что хозяин ответил, что, несмотря на то, что они никогда не виделись, он все же считается с желанием Белисарио, которому многим обязан.

Еще молодой человек сказал, что не только является единственным владельцем дома, но и несет ответственность за каждого его обитателя, включая и дона Хуана, который, раз уж прячется здесь, тоже находится под его покровительством. Но если дон Хуан со всем этим не согласен, он вправе уйти и сам

противостоять монстру, которого, правда, никто, кроме него, не видел.

Прежде чем решиться на такие условия, дон Хуан счел разумным спросить, что означает быть под покровительством хозяина дома.

Молодой человек повел дону Хуана в ту часть особняка, где еще продолжалось строительство, и сказал, что она символизирует его собственную жизнь и поступки. Строительство не завершено, оно ведется, и есть все основания полагать, что его никогда не завершат.

– Ты являешься одним из элементов этого незавершенного здания, – сказал он дону Хуану. – Скажем, ты – балка, которая будет поддерживать крышу. Но до тех пор, пока мы не положим ее на место, а затем не накроем крышей, неизвестно, выдержит ли она. Главный плотник говорит, что выдержит. Вот я и являюсь главным плотником.

Такое метафорическое сравнение ничего для дона Хуана не прояснило, и он ожидал, что ему прикажут заниматься какими-либо работами.

Молодой человек попытался зайти с другой стороны.

– Я – нагуаль, – пояснил он, – я несу освобождение. Я являюсь лидером людей, живущих в этом доме. Ты тоже находишься здесь и поэтому являешься его частью, хочешь ты этого или нет.

Дон Хуан ошеломленно смотрел на него, не в силах проговорить ни слова.

– Я – нагуаль Хулиан, – сказал его хозяин, улыбаясь. – Без моего вмешательства не существует пути к свободе.

Дон Хуан все еще не понимал. Однако он начал беспокоиться о своей безопасности ввиду явного безумия этого человека. Он был так поглощен своим внезапным открытием, что даже не поинтересовался значением слова «нагуаль». Он знал, что нагуалями называют колдунов, однако не был в состоянии постичь

весь смысл слов нагуаля Хулиана. Возможно, он каким-то образом все прекрасно понял, но его сознательный разум – нет.

Какое-то время молодой человек пристально смотрел на него, а затем сказал, что в данный момент задачей дона Хуана будет помощь и услужение ему лично. За это платить не будут, но предоставят отличную комнату и стол. Время от времени ему будут предлагать еще кое-какую мелкую работу, которая потребует особого внимания. Его обязанностью будет как работать самому, так и наблюдать за тем, как это делают другие. За эти особые услуги ему выплатят небольшую сумму денег, которая будет находиться под контролем у одного из обитателей имения. Если когда-нибудь дон Хуан захочет покинуть дом, он сможет получить немного наличными в качестве пособия.

Молодой человек подчеркнул, что дон Хуан не должен считать себя пленником, но если он останется, то обязан будет работать. Еще более важной, чем работа, вещью были три требования. Он должен усердно учиться всему, чему его будут учить женщины. Его взаимоотношения с обитателями поместья должны быть образцовыми; это значило постоянный контроль над своим поведением и отношением к ним ежеминутно в течение всего дня. Обращаясь к молодому человеку, дон Хуан должен называть его нагуалем. А если будет говорить о нем – нагуалем Хулианом.

Дон Хуан подчинился с неохотой. И хотя он тотчас погрузился в привычную замкнутость и угрюмость, работу свою он освоил довольно быстро. Он так и не понял требования изменить отношение к окружающим и манеру поведения. И хотя он не мог привести конкретного примера, он искренне верил, что его обманывают и эксплуатируют.

Когда угрюмость дона Хуана достигла предела, он замкнулся в себе и почти перестал общаться с кем бы то ни было.

И тогда нагуаль Хулиан собрал всех обитателей особняка и объявил, что хоть он и нуждается в помощнике, все же будет ждать их решения. И если им не нравится угрюмость и необщительность его нового слуги, пусть они скажут об этом. Если большинство не

одобрит поведения дона Хуана, ему придется убратся восвояси и самому разбираться с ожидавшим его снаружи не то чудищем, не то собственной выдумкой.

Затем нагуаль Хулиан вывел их на лужайку перед домом и потребовал, чтобы дон Хуан показал всем чудовищного человека. Дон Хуан показал в том направлении, где, по его мнению, тот находился, но никто ничего не заметил. Дон Хуан в отчаянии подбегал то к одному, то к другому из присутствующих, уверяя, что чудовище рядом, умоляя помочь ему, но все они оставались безучастными к его мольбам и называли его сумасшедшим.

Вот тогда нагуаль Хулиан поставил на голосование дальнейшую судьбу дона Хуана. Бывший среди них нелюдимый мужчина отказался от голосования. Он пожал плечами и пошел прочь. Все женщины высказались против дальнейшего пребывания дона Хуана в их доме. Они мотивировали это тем, что он слишком мрачен и имеет скверный характер. Однако в процессе жарких споров нагуаль Хулиан полностью изменил свое отношение к дону Хуану и стал его защищать. Он говорил, что женщины, возможно, несправедливы к бедному юноше, и что тот, может быть, совсем не сумасшедший и видел монстра на самом деле. Еще он сказал, что, наверное, его угрюмость является порождением беспокойства и страха. В результате страсти накалились, и через минуту женщины уже всю кричали на самого Нагуаля.

Дон Хуан, хотя и слышал этот спор, мало интересовался им. Он знал, что его хотят выгнать, и что чудовищный человек наверняка захватит его и превратит в раба. Чувствуя свое полное бессилие, он начал плакать.

Его отчаяние и слезы как-то повлияли на рассерженных женщин. Их лидер предложила следующее: предоставить дону Хуану испытательный срок в три недели, в течение которых его характер и поведение будут ежедневно оцениваться всеми женщинами. Она предупредила дона Хуана, что если за это время на него поступит хоть одна жалоба, — его вышвырнут вон.

Дон Хуан рассказал, как затем нагуаль Хулиан с отеческой заботой отвел его в сторону и вновь начал запугивать. Шепотом он сообщил, что знает не только о существовании монстра, но и о том, что он бродит по округе. Однако, связанный каким-то условием, разглашать которое он не смеет, он не может говорить о монстре женщинам. Он настойчиво просил дону Хуана перестать демонстрировать свою упрямую, угрюмую личность, не быть мрачным и притвориться, будто он совсем другой.

– Делай вид, что ты доволен и счастлив, – сказал он дону Хуану. – Если ты не последуешь моему совету, женщины прогонят тебя. Одной этой перспективы достаточно чтобы напугать тебя. Используй свой страх как реальную движущую силу. Это все, что у тебя есть.

Всякие колебания или задние мысли, имевшиеся у дона Хуана, немедленно улетучились при виде чудовища, которое нетерпеливо поджидало его у невидимой черты. Казалось, оно понимало, насколько шатким было его положение. Чудовище выглядело зверски голодным и, видимо, предвкушало скорый пир.

Нагуаль Хулиан еще сильнее припугнул своего подопечного.

– На твоём месте, – сказал он, – я вел бы себя так, как хотят эти женщины. Я вел бы себя как ангел. Это спасло бы меня от адского зверя.

– Значит, ты действительно видел его? – спросил дон Хуан.

– Конечно, – ответил Нагуаль. – И еще я знаю, что если ты уйдешь или женщины выгонят тебя, чудовище схватит тебя и закует в цепи. Это уж точно изменит твоё поведение. Рабы не имеют другого выбора, кроме как примерно вести себя со своими хозяевами. Говорят, что такое чудовище способно причинить своей жертве невообразимые страдания.

Теперь дон Хуан знал, что его может спасти лишь примерное поведение. Страх стать добычей чудовищного человека был поистине мощным психологическим стимулом.

Дон Хуан рассказал, что в силу некоторых особенностей своего характера он был груб лишь с женщинами и никогда не позволял себе вольностей в присутствии нагуаля Хулиана. По неизвестной причине дон Хуан понимал, что Нагуаль не был тем человеком, на которого можно было бы сознательно или бессознательно повлиять.

Другой обитатель поместья, нелюдимый мужчина, ничего не значил для Хуана. После нескольких встреч у дон Хуана сложилось определенное впечатление о нем, как о человеке, которого незачем принимать в расчет, человеке слабом, праздном и подчиненном этим красивым женщинам. Позднее, когда он лучше смог узнать характер Нагуаля, он понял, что этот человек просто был в тени, заслоненный блеском других.

Со временем дон Хуан разобрался, кто был среди них лидером и имел власть. К своему удивлению и даже восхищению он понял, что здесь ни один человек не стоит выше другого и не считается лучше. Некоторые выполняли такие функции, на которые другие были неспособны, однако это не было поводом для их возвышения. Просто все они были разными. Однако последнее слово в любом деле оставалось за нагуалем Хулианом, и ему доставляло явное удовольствие выражать свою волю в виде скотских шуток, которые он мог разыгрывать буквально с каждым.

Была среди них также одна загадочная женщина по имени Талиа, женщина-нагуаль. Никто не говорил дону Хуану о том, кто она такая или что это означает, однако вскоре ему стало ясно, что среди семи женщин Талиа играет особую роль. Они так много говорили о ней, что любопытство дон Хуана возросло до невероятных размеров. Он без конца задавал множество вопросов, и тогда женщина, которая была среди них лидером, решила научить его читать и писать, чтобы дон Хуан мог полнее использовать свои дедуктивные способности. Она сказала, что лучше научиться записывать, чем полагаться на свою память. Таким образом, он сможет накопить огромное количество сведений о Талии, сведений, которые ему следует перечитывать и изучать до тех пор, пока не прояснится истина.

Возможно, предвидя циничные возражения, имеющиеся у дона Хуана, она заявила, что, хотя это стремление и может показаться абсурдным, но выяснение того, кем была Талиа, является самой сложной и стоящей из задач.

– Это, – сказала она, – еще и забавно. Более серьезным тоном она добавила, что дону Хуану совершенно необходимо изучить основы счетоводства, чтобы помогать Нагуалю в управлении поместьем.

Не откладывая в долгий ящик, она начала давать ежедневные уроки, и, менее чем через, год дон Хуан достиг немалых успехов, научившись читать, писать и вести бухгалтерские книги.

Все происходило настолько постепенно, что дон Хуан и не заметил, как изменился. Самая непостижимая перемена заключалась в том, что в его характере появилась такая замечательная черта, как отрешенность. Насколько он мог судить, просто потому, что он был не в состоянии разобраться в обитателях поместья, он сохранил впечатление, что в доме ничего не происходит. Все те люди являлись зеркалами, не дававшими отражения.

– Этот дом служил мне убежищем в течение почти трех лет, – продолжал дон Хуан. – За это время со мной приключилось немало вещей, но я не считал их такими уж важными. Или, по крайней мере, предпочитал считать их неважными. Я был уверен в том, что все эти годы я лишь прятался, дрожа от страха, и работал, как мул.

Дон Хуан засмеялся и сказал, что по настоянию нагуаля Хулиана он согласился изучать магию, чтобы таким образом освободиться от всепоглощающего страха, возникавшего при виде чудовища. Но при всем том, что нагуаль Хулиан многое рассказывал ему, он, казалось, больше склонен был подшучивать над доном Хуаном. Поэтому дон Хуан искренне верил, что не учился ничему, хоть в какой-то степени относящемуся к магии, поскольку, очевидно, в доме никто и не занимался ею.

Однажды, однако, он поймал себя на том, что, сам того не желая, целенаправленно идет в сторону той невидимой линии,

которая не позволяла монстру подойти ближе. Как и всегда, этот чудовищный человек наблюдал за домом, но на этот раз вместо того, чтобы ретироваться в дом в поисках убежища, дон Хуан продолжал идти. Невероятный прилив энергии заставлял его двигаться вперед, не заботясь о своей безопасности.

Чувство полной отрешенности позволило ему встретиться с чудовищем, терроризировавшим его много лет, лицом к лицу. Он думал, что эта тварь сейчас бросится на него и схватит за горло, но такая мысль больше не приводила его в ужас. Секунду он смотрел на чудовищного человека с расстояния в несколько дюймов, а затем пересек линию. Но чудовище не напало на дон Хуана, чего он раньше больше всего боялся, – оно превратилось в пятно с неясными очертаниями, в едва различимое облачко белесого тумана.

Дон Хуан подошел к нему, и сгусток тумана как бы в страхе отступил назад. Дон Хуан преследовал его в поле до тех пор, пока не понял, что от чудовища не осталось и следа. Тогда он осознал, что монстра никогда и не существовало. Однако дон Хуан не мог объяснить, что же тогда так пугало его. Смутная догадка подсказала ему, что, хотя он и знал об истинной природе чудовища, что-то мешало ему думать об этом. Внезапно дон Хуан сообразил, что этот мошенник нагуаль Хулиан наверняка знал правду о происходящем, а такого рода трюки спускать не полагается.

Прежде чем пойти к нему за объяснениями, дон Хуан впервые позволил себе прогуляться по поместью без чьего-либо сопровождения. До сих пор это было невозможно. Каждый раз, когда ему нужно было пересечь невидимую линию, с ним был кто-нибудь из обитателей поместья, что очень сковывало его передвижения. Дважды или трижды дон Хуан пытался нарушить это правило, но скоро понял, что рискует попасть монстру в лапы.

Полный странной энергии, дон Хуан вошел в дом, но не для того, чтобы отпраздновать свою новую победу и мощь, а чтобы собрать всех обитателей поместья и потребовать у них объяснений их бесстыдной лжи. Он обвинил их в том, что его заставляли работать, как невольника, играя на чувстве страха перед несуществующим чудовищем. Женщины смеялись так, как будто он

рассказал им очень смешной анекдот. Только нагуаль Хулиан, казалось, осознавал свою вину, особенно тогда, когда дон Хуан срывающимся от негодования голосом говорил о трех годах непрерывного страха. Нагуаль Хулиан опечалился и открыто зарыдал, когда дон Хуан потребовал извинений за то, что его так бесстыдно эксплуатировали.

– Но ведь мы говорили тебе, что чудовища не существует, – сказала одна из женщин.

Дон Хуан свирепо взглянул на нагуаля Хулиана, который стоял, кротко потупив глаза.

– Вот он знал, что чудовище существовало, – завопил дон Хуан, гневно показывая пальцем на Нагуаля.

Но тут же понял, что говорит вздор, поскольку сначала нагуаль Хулиан убеждал его в том, что монстра не существовало.

– Чудовища никогда не существовало, – уточнил дон Хуан, дрожа от ярости. – Это был один из его трюков.

Нагуаль Хулиан, бесконтрольно рыдая, стал извиняться перед доном Хуаном, а женщины в это время покатывались со смеху. Дон Хуан еще никогда не видел, чтобы они так хохотали.

– С самого начала ты знал, что нет никакого чудовища, – обвинил он нагуаля Хулиана, который, стоя с низко опущенной головой и глазами, полными слез, признал свою вину.

– Я, действительно, обманывал тебя, – проямлил он, – никакого чудовища не было. То, что ты видел как монстра, было просто сгустком энергии. Твой страх придал ему вид ужасного чудовища.

– Ты сказал, что это чудовище собиралось сожрать меня. Как ты мог так бесстыдно лгать? – заорал на него дон Хуан.

– Пожирание этим монстром было символическим, – мягко ответил нагуаль Хулиан. – Твоим реальным врагом является твоя

глупость. И сейчас ты под смертельной угрозой быть сожранным этим монстром.

Потом дон Хуан завопил, что больше не желает слушать эти глупости. Он потребовал, чтобы его право на уход было немедленно подтверждено.

– Можешь уходить, когда захочешь, – коротко сказал нагуаль Хулиан.

– Ты имеешь в виду, что я могу уйти хоть сейчас? – спросил дон Хуан.

– Ты этого хочешь? – спросил Нагуаль.

– Конечно, я хочу покинуть это проклятое место и проклятую компанию лгунов, живущих здесь, – рявкнул дон Хуан. Нагуаль Хулиан распорядился, чтобы дону Хуану сполна заплатили за его службу, а затем с сияющими глазами пожелал ему удачи, процветания и мудрости.

Женщины не захотели прощаться с ним. Они смотрели на дону Хуана до тех пор, пока он не опустил голову под сиянием их глаз.

Дон Хуан положил деньги в карман и вышел, даже не оглянувшись, радуясь окончанию этого тяжелого испытания. Внешний мир, казалось, несет столько нового. Он так стремился к нему. Находясь в этом доме, он был оторван от повседневной жизни. Он был так молод, силен. В его кармане лежали деньги, его обурежала жажда жизни.

Он покинул обитателей дома, не поблагодарив их. Его гнев, сдерживаемый все это время страхом, вырвался наружу. Он уже почти любил их всех, и вот теперь он чувствовал, что его предали. Ему хотелось уйти как можно дальше от этих мест.

В городе дон Хуан столкнулся с первой не слишком приятной неожиданностью. Путешествия были очень трудными и очень дорогостоящими. Он понял, что если он захочет покинуть город, то не сможет выбрать пункт назначения, а должен присоединиться к

каким-нибудь погонщикам мулов, которые согласятся взять его с собой. Через несколько дней он отправился в путь с одним имеющим очень хорошую репутацию погонщиком до порта Масатлан.

– Хотя в то время мне было только двадцать три года, – сказал дон Хуан, – мне казалось, что прожита целая жизнь. Единственное, чего я тогда еще не испытал, был секс. Нагуаль Хулиан говорил мне, что отсутствие близости с женщинами дало мне силу и стойкость, и что у него оставалось слишком мало времени сделать что-то, прежде чем мир поймает меня в свои ловушки.

– Что он имел в виду, дон Хуан? – спросил я.

– Он имел в виду мое полнейшее незнание того ада, в который я так рвался, – ответил дон Хуан, – и то, что у него оставалось совсем немного времени, чтобы выстроить мои баррикады, моих безмолвных защитников.

– Что такое безмолвный защитник, дон Хуан?

– Это хранитель жизни, – ответил он. – Безмолвный защитник – это волна необъяснимой энергии, которая приходит к воину, когда больше уже не срабатывает ничто.

Мой бенефактор знал, как сложится моя дальнейшая жизнь, когда я больше не буду находиться под его влиянием. Поэтому он стремился дать мне как можно больше магических возможностей выбора. Такие возможности выбора магов и должны были стать моими безмолвными защитниками.

– Что такое возможности выбора магов? – спросил я.

– Положения точки сборки, – ответил он, – вернее, бесчисленное количество положений, которых может достигнуть точка сборки. В каждом случае мелкого или глубокого сдвига маг может укрепить свою новую непрерывность.

Дон Хуан повторил, что все, испытанное им вместе с его бенефактором или под его руководством, было следствием легкого или значительного сдвига его точки сборки. Бенефактор заставлял

его испытывать бесчисленное количество возможностей выбора мага, намного больше, чем это обычно необходимо. Он знал, что судьба ведет дона Хуана к тому, чтобы объяснять, кто такие маги и что они делают.

– Эффект таких сдвигов точки сборки накапливается, – продолжал он. – Это придает тебе силу независимо от того, понимаешь ты это или нет. В конечном счете, это накопление стало работать на меня.

Очень скоро после начала совместной работы с Нагуалем моя точка сборки сдвинулась так глубоко, что я начал видеть. Я видел энергетическое поле как монстра. И точка сборки продолжала двигаться до тех пор, пока я не увидел чудовище тем, чем оно было на самом деле – энергетическим полем. Я преуспел в искусстве видения – и сам не знал об этом. Я думал, что ничего не делаю и ничему не учусь. Я был невероятно глуп.

– Ты был слишком молод, дон Хуан, – сказал я. – Ты и не мог действовать по-другому.

Он засмеялся. Вначале он как будто хотел что-то ответить, но затем передумал. Пожав плечами, он продолжал свой рассказ.

Дон Хуан сказал, что когда он добрался до Масатлана, он, практически, уже овладел профессией погонщика мулов. Ему предложили постоянно работать в качестве сопровождающего каравана. Он был очень доволен этим предложением. Ему нравилось путешествовать между Дуранго и Масатланом. Однако оставались две вещи, не дававшие ему покоя: во-первых, у него до сих пор не было женщины, во-вторых, его одолевало сильное и необъяснимое желание идти на север. Почему, он и сам не знал. Ему просто казалось, что где-то на севере что-то ждет его. Это чувство настолько овладело им, что в конце концов он вынужден был отказаться от безопасности постоянной работы ради того, чтобы отправиться на север.

Его огромная сила и новая необъяснимая искусность дали ему возможность находить работу даже там, где, казалось, найти ее было вообще невозможно, и средства к существованию у него были на

протяжении всего его пути на север до штата Синалоа. И там это путешествие закончилось. Он встретил молодую вдову, которая, как и он сам, была из индейского племени яки, и покойному мужу которой он когда-то задолжал.

Он решил возместить свой долг, помогая вдове и ее детям, и сам не заметил, как принял на себя роль мужа и отца.

Его новые обязанности превратились для него в изрядную обузу. Он лишился возможности свободного передвижения и даже отказался от желания путешествовать дальше на север. Все это, однако, компенсировалось глубоким чувством привязанности к женщине и ее детям.

— В то время мною иногда овладевало огромное счастье быть отцом и мужем, — сказал дон Хуан, — но именно в эти моменты я замечал, что все складывается как-то ужасно неправильно. Я понял, что утрачиваю чувство отрешенности, отстраненность, обретенную мной за время пребывания в доме нагуаля Хулиана. Сейчас я стоял на одной ступени с людьми, которые меня окружали.

Дон Хуан сказал, что потребовалось около года жестокой «сошлифовки», чтобы он утратил все те новые черты характера, которые приобрел в доме Нагуаля. Началось это с глубокого, но какого-то отчужденного чувства привязанности к женщине и ее детям. Такая отрешенная привязанность позволила ему играть роль мужа и отца со вкусом и непринужденностью. Но время шло, отрешенная привязанность сменилась отчаянной страстью, повлекшей за собой утрату эффективности.

Ушло его чувство отрешенности, которое и было тем, что давало ему силу любить. Без такой отрешенности им овладели только земные желания, отчаяние, безнадежность — все то, что так характерно для мира повседневной жизни. Ушла также и его предприимчивость. За годы, проведенные в доме Нагуаля, он приобрел динамизм, сослуживший ему хорошую службу, когда он решил стать самостоятельным.

Но более всего его теперь беспокоило то, что он потерял свою физическую энергию. Ничем особым не болея, он однажды оказался

полностью парализованным. Боли он не чувствовал. Паники не было. Казалось, его тело поняло, что мир и покой, в которых он так нуждался, могут быть обретены лишь тогда, когда он прекратит всякое движение.

Беспомощный, лежа в постели, он мог лишь только думать. Он вскоре понял, что потерпел неудачу из-за того, что у него не было абстрактной цели. Он понял, что люди в доме Нагуаля были необычными, потому что их абстрактной целью был поиск свободы. Не понимая, что такое свобода, он все же понял, что это нечто, противоположное его конкретным потребностям (нуждам).

Отсутствие абстрактной цели сделало его таким слабым и неэффективным, что теперь он уже был не способен спасти свою приемную семью от ужасной нищеты. Вместо этого семья тащила его назад, к прозябанию, отчаянию и печали, которые он познал еще до встречи с Нагуалем.

Оглядываясь на свою жизнь, дон Хуан понял, что он не бедствовал и не имел конкретных желаний лишь тогда, когда был с Нагуалем. Нищета стала его уделом, когда им вновь завладели все его конкретные желания.

Впервые с тех пор, как в него много лет назад стреляли, и он был ранен, дон Хуан полностью осознал, что нагуаль Хулиан был, действительно, нагуалем, лидером и его бенефактором. Он понял, что имел в виду его бенефактор, когда говорил, что нет свободы без вмешательства нагуаля. У него не оставалось никаких сомнений относительно того, что его бенефактор и все обитатели его дома были настоящими магами. Но дон Хуан с болезненной ясностью осознал, что он упустил свой шанс быть с ними.

Когда бремя физической беспомощности стало невыносимым, паралич прошел так же загадочно, как и начался. Однажды он просто поднялся с постели и стал работать. Но его удачи от этого не прибавилось. Он едва мог сводить концы с концами.

Прошел еще год. Дон Хуан ни в чем не преуспел, кроме одной вещи, удавшейся ему сверх всяких ожиданий: он сделал полный пересмотр своей жизни. Он понял тогда, почему любит и не может

бросить этих детей и почему не может остаться с ними, а также, почему не в состоянии поступить ни так, ни иначе.

Дон Хуан понял, что находится в совершенно безвыходном положении, и что умереть, как воин, было единственным действием, соответствующим тому, чему он научился в доме своего бенефактора. Теперь каждую ночь после целого дня непосильной и бессмысленной работы он терпеливо ждал, когда же наступит смерть.

Он был так уверен в своем конце, что его жена и ее дети из чувства солидарности ждали прихода смерти вместе с ним. Они тоже хотели умереть. Все четверо в полной неподвижности сидели много ночей подряд и в ожидании смерти пересматривали свою жизнь.

Дон Хуан склонил их к этому при помощи тех же слов, которые в свое время использовал его бенефактор.

– Не желай ее, – говорил тот. – Просто жди, когда она придет. Не пытайся представить себе, что такое смерть. Просто будь там, где ее поток может захватить тебя.

Часы, проведенные в спокойствии, укрепляли их духовно, но истощенные тела говорили о проигранной битве.

Тем не менее однажды дон Хуан почувствовал, что удача, наконец, улыбнулась ему. Он нашел себе временную работу в бригаде поденщиков, нанимавшихся на период жатвы убирать урожай. Но у духа относительно него были другие планы. Через пару дней после начала работы кто-то украл его шляпу. Купить себе новую он не мог, но шляпа была ему необходима, так как работать приходилось под палящим солнцем.

Чтобы как-то защититься от зноя, он соорудил себе защиту из тряпок и соломы. Его товарищи начали смеяться над ним и язвить по этому поводу. Он не обращал на них внимания. По сравнению с жизнью трех человек, которые полностью зависели от него, его внешний вид не имел для него никакого значения. Но работавшие рядом люди не унимались. Они улюлюкали и смеялись до тех пор, пока их бригадир, боясь беспорядков, не уволил дона Хуана.

Холодная ярость пересилила его трезвость и осторожность. Он знал, что поступает неправильно, но моральное право было на его стороне. Он издал пронзительный вопль и бросился на одного из обидчиков, поднял его на плечи, собираясь сломать ему хребет. Вдруг он подумал о голодных детях, об их маленьких телах, о том, как они терпеливо сидели возле него ночи напролет в ожидании смерти. Он опустил мужчину на землю и пошел прочь.

Он присел на краю поля, где они работали, и все накопившееся в нем за долгое время отчаяние вырвалось наружу. Это была тихая ярость, но обращена она была не на тех, кто его окружал, а на самого себя. Он неистовствовал до тех пор, пока весь его гнев не был израсходован.

– Я сидел там, на виду у этих людей, и плакал, – продолжал дон Хуан. – Они смотрели на меня, как на сумасшедшего. А я таким и был. Но меня это не тревожило, я был за пределами тревог.

Их начальник пожалел меня и подошел, чтобы как-то утешить. Он думал, что я плачу от жалости к себе. Ему и в голову не могло прийти, что я плачу о духе.

Дон Хуан сказал, что когда его гнев был израсходован, к нему явился безмолвный защитник. Это было необъяснимым наплывом энергии, породившим в нем отчетливое ощущение приближающейся смерти. Он знал, что у него уже никогда не будет возможности увидеть свою приемную семью. Он громко попросил у них прощения за то, что не имел ни мужества, ни мудрости, необходимых для избавления их от ада на Земле.

Работники продолжали смеяться и издеваться над доном Хуаном. Он едва ли слышал их.

Слезы переполняли его грудь, когда он обратился к духу и поблагодарил его за то, что он привел его на путь Нагуаля и дал ему незаслуженную возможность стать свободным. Он слышал вопли ничего не понимавших людей. Он слышал их оскорбления и крики, как будто бы изнутри самого себя. Они имели право насмехаться над ним, ведь он побывал в преддверии вечности и не осознал этого.

– Я понял, насколько прав оказался мой бенефактор, – сказал дон Хуан. – Моя глупость была чудовищем, и оно уже пожрало меня. В тот момент, когда я подумал об этом, я уже знал, что все, что бы я ни сказал или ни сделал, было бессмысленно. Я упустил свой шанс и теперь был просто клоуном для этих людей. Духа никак не могло беспокоить мое отчаяние. Нас слишком много – людей со своим ничтожно маленьким личным адом, порожденным нашей глупостью, чтобы дух обращал внимание на каждого.

Я опустился на колени и обратился на юго-восток. Я снова поблагодарил своего бенефактора и сказал духу, что мне стыдно. Так стыдно... И на последнем издыхании я простился с миром, который был бы прекрасен, если бы у меня хватило мудрости. Внезапно огромная волна нахлынула на меня. Вначале я ее почувствовал. Затем услышал, как она движется, и, наконец, увидел ее приближение с юго-востока напрямик через поля. Она захлестнула меня и накрыла своей темнотой. И свет моей жизни ушел. Мой ад кончился. Я был окончательно мертв! Я был окончательно свободен!

Рассказ дона Хуана ошеломил меня. Но он игнорировал все мои попытки поговорить об этом. Он сказал, что как-нибудь в другой раз и в другом месте мы еще обсудим эту историю. Затем дон Хуан потребовал, чтобы я занялся тем, для чего мы пришли сюда – совершенствованием владения осознанием.

Пару дней спустя, когда мы возвращались с гор, он неожиданно снова заговорил о своей истории. Мы как раз присели отдохнуть. Я никак не мог отдышаться, в то время как дыхание дона Хуана было совершенно ровным.

– Битва магов за свою уверенность – наиболее драматичная из всех битв, – сказал дон Хуан. – Она является болезненной и дорогостоящей. Великое множество раз она стоила магам жизни.

Он объяснил, что для того, чтобы любой маг был полностью уверен в своих действиях или в своем положении в мире магов, а также, чтобы он был способен разумно использовать свою новую

непрерывность, — он должен вначале сделать недействительной⁴¹ непрерывность своей старой жизни. Только потом его действия смогут приобрести необходимую уверенность, которая укрепит и уравновесит зыбкость и нестабильность его новой непрерывности.

— Видящие маги нового времени называют этот процесс сведения на нет «билетом в безупречность», или символической, но окончательной смертью, — сказал дон Хуан. — На этом поле в штате Синалоа я получил свой билет в безупречность. Там я умер. Зыбкость моей новой непрерывности стоила мне жизни.

— Скажи, дон Хуан, ты, действительно, умер тогда, или только потерял сознание? — спросил я, стараясь не выглядеть циничным.

— На том поле я, действительно, умер, — ответил он. — Я почувствовал, что мое осознание покинуло меня и движется к Орлу. Но, поскольку я произвел пересмотр всей своей жизни, Орел не поглотил мое осознание. Он выплюнул меня. Тело мое лежало бездыханным в поле, поэтому Орел не позволил мне пройти к свободе. Он как бы приказал мне возвращаться и начать все сначала.

Я поднялся на вершину крошечной тьмы и спустился снова к свету Земли. И тут я обнаружил себя в неглубокой могиле на краю поля, засыпанным камнями и комьями земли.

Дон Хуан сказал, что сразу знал, что ему делать. Выбравшись из могилы, он поправил ее, как если бы тело до сих пор оставалось там, и пошел прочь. Он чувствовал себя сильным и уверенным. Он знал, что ему необходимо вернуться в дом бенефактора. Но прежде, чем отправиться в обратный путь, он хотел повидаться со своей семьей и объяснить им, что он стал магом и поэтому не может оставаться с ними. Он хотел объяснить им, что его падение было следствием незнания того, что маги никогда не смогут построить мост для соединения с людьми мира. Но если люди захотят сделать это — именно им придется выстроить такой мост, который связал бы их с магами:

⁴¹ To invalidate — лишать законной силы, делать недействительным несостоятельным; сводить на нет

– Я пошел домой, – продолжал дон Хуан, но дом мой был пуст. Обескураженные соседи сказали мне, что рабочие пришли с поля и сообщили о моей смерти, после чего моя жена и дети покинули эти места.

– Как долго ты был мертв, дон Хуан?

– По-видимому, целый день.

На губах дона Хуана играла улыбка. Казалось, его глаза были сделаны из блестящего обсидиана. Он наблюдал за моей реакцией, ожидая комментариев.

– Что стало с твоей семьей, дон Хуан?

– Ну-ну... Вопрос чувствительного человека. А я-то думал, что ты собираешься спросить меня о моей смерти!

Я признался, что именно это я и собирался сделать, но знал, что он видит мой вопрос, который я как раз формулировал в уме, я наперекор спросил совсем о другом. Я не собирался шутить, но он засмеялся.

– Моя семья исчезла в тот же день, – сказал дон Хуан. – Моя жена осталась в живых. Так оно и должно было быть при тех условиях, в которых мы жили. Поскольку я ожидал прихода смерти, она поняла, что я получил все, что хотел. Незачем было оставаться там, поэтому они ушли.

Я потерял детей и успокаивал себя лишь одной мыслью: быть с ними – не моя судьба. Между прочим, маги имеют одну специфическую склонность – они живут исключительно в сумерках чувства, которые наиболее точно можно описать словами «и все же...». Когда мир рушится вокруг них, маги признают, что ситуация ужасна, и затем немедленно отступают в сумерки этого «и все же...».

Я сделал это со своими чувствами к тем детям и женщине. С величайшей целеустремленностью, особенно старший мальчик, они пересмотрели свою жизнь со мной. Только дух мог определить исход такой привязанности.

Дон Хуан напомнил, что он когда-то учил меня тому, что делают воины в таких ситуациях. Воин делает все, от него зависящее, а затем без угрызений совести или сожалений расслабляется и позволяет духу решить исход дела.

– Каким было решение духа, дон Хуан? – спросил я. Он не ответил, посмотрев на меня долгим, внимательным взглядом. Я знал, что он полностью понимает, почему я спрашиваю об этом. Я испытывал похожую привязанность и похожую потерю.

– Решение духа представляет собой еще одно основное ядро, – сказал он. – Вокруг него и построены истории магов. Мы еще поговорим об этом особом решении, когда перейдем к обсуждению этого абстрактного ядра. А сейчас можешь задавать свой вопрос о моей смерти.

– Если все решили, что ты умер, то почему тебя похоронили в неглубокой могиле? – спросил я. – Почему они не вырыли настоящую могилу и не похоронили тебя, как следует?

– Это больше похоже на тебя, – скачал он, смеясь. – Я сам задавал себе тот же вопрос и понял, что все эти рабочие с фермы были набожными людьми. Я был христианином, а христиан так не хоронят. Их не оставляют, как дохлых собак. Я думаю, они ожидали, что придет моя семья, заберет тело и похоронит надлежащим образом. Но моя семья не пришла никогда.

– Искал ли ты их, дон Хуан?

– Нет. Маги никогда никого не ищут, – ответил он. – А я был магом. Я поплатился жизнью за то, что не знал, что являюсь магом и что маги никогда ни с кем не сближаются.

Начиная с того дня, я принимаю лишь общество и заботу воинов, таких же мертвых, как и я.

Дон Хуан сказал, что он вернулся в дом своего бенефактора, где все сразу поняли то, что ему открылось, и обращались с ним так, словно он никогда их не покидал.

По этому поводу нагуаль Хулиан сказал, что, поскольку характер дона Хуана имел некоторые особенности, ему понадобилось много времени, чтобы умереть.

– Мой бенефактор объяснил мне тогда, что билетом мага к свободе является его смерть, – продолжал дон Хуан. – Еще он сказал, что сам он заплатил своей жизнью за этот билет к свободе так же, как все обитатели поместья, и что теперь мы все равны, будучи мертвыми.

– Я тоже мертв, дон Хуан? – спросил я.

– И ты тоже, – сказал он. – Однако большой трюк магов состоит в том, что они осознают, что мертвы. Их билет в безупречность должен быть обернут в осознание. Маги говорят, что в такой оболочке их билет сохраняется в первозданном виде.

Вот уже шестьдесят лет я поддерживаю свой в этом первозданном состоянии.

Управление намерением

Третья точка

Дон Хуан часто брал с собой меня и других учеников в небольшие путешествия по местности, расположенной западнее его дома. В этот раз мы вышли на рассвете и только под вечер решили возвращаться. Я старался держаться поближе к дону Хуану. Это всегда успокаивало меня, давало возможность немного расслабиться, чего нельзя было сказать о соседстве его взбалмошных учеников, которые производили на меня прямо противоположное действие: я очень уставал от них.

Спустившись с гор, мы с доном Хуаном сделали привал перед тем, как выйти на равнину. Чувство глубокой печали было таким сильным и охватило меня так внезапно, что я не смог идти дальше. Я сел, затем, следуя совету дона Хуана, лег на живот на вершине большого круглого валуна.

Другие его ученики подняли меня на смех и пошли дальше своей дорогой. Я слышал их смех и выкрики, пока они не затихли вдаль. Дон Хуан велел мне расслабиться и позволить своей точке сборки, которая так внезапно сдвинулась, установиться в новом положении.

— Не волнуйся, — посоветовал он. — Сейчас ты ощутишь нечто похожее на рывок или хлопок по спине, как если бы кто-нибудь коснулся тебя. После этого тебе сразу же станет лучше.

Неподвижно лежа на валуне и ожидая хлопка по спине, я так и не почувствовал его, поскольку мною внезапно овладело воспоминание такой глубины и силы, какой я никогда не испытывал прежде. Однако я был уверен, что ожидаемое ощущение пришло, поскольку от моей печали не осталось и следа.

Я быстро описал дону Хуану то, что вспомнил.

Он посоветовал мне оставаться на валуне и сместить свою точку сборки назад точно в то место, где она была во время вспоминаемого мною события.

– Постарайся вспомнить каждую деталь, – предупредил он меня.

Это случилось много лет назад. Мы с доном Хуаном в то время находились в штате Чиуауа на севере Мексики, в высокогорной пустыне. Я часто отправлялся с ним туда, поскольку в этом районе росло много лекарственных трав, которые он собирал. С антропологической точки зрения местность тоже представляла для меня огромный интерес. Не так давно археологи нашли здесь, как они предполагали, следы большого доисторического поселения. Предположительно, это было торговое поселение, возникшее рядом с крупным трактом и ставшее центром торговли, связавшим американский Юго-Запад с югом Мексики и Центральной Америкой.

Я несколько раз побывал в этой высокогорной пустыне, все больше убеждаясь, что археологи правы в том, что это, действительно, был настоящий тракт. Конечно же, я прочитал дону Хуану лекцию о влиянии тракта на доисторическое распределение культурных особенностей на Североамериканском континенте. Тогда я был очень заинтересован в том, чтобы объяснить магию, распространенную среди индейцев американского Юго-Запада, Мексики и Центральной Америки, как систему верований, распространявшуюся по торговым путям и служившую основой для создания на некоем абстрактном уровне своего рода доколумбова пан-индеанизма.

Дон Хуан, естественно, неудержимо смеялся всякий раз, когда я излагал ему свои теории.

Событие, которое я вспомнил, началось примерно в полдень. Собрав два мешочка каких-то очень редких лекарственных трав, мы присели отдохнуть на вершине огромных валунов. Затем, прежде чем отправиться назад к моей машине, мы, по настоянию дона Хуана, заговорили об искусстве сталкинга. По его словам, это место

великолепно подходило для объяснения его сложностей. Но для того, чтобы понять их, я сначала должен был войти в повышенное осознание.

Я попросил, чтобы он, прежде чем делать что-либо, объяснил мне, что такое повышенное осознание.

Дон Хуан с невероятным терпением стал рассказывать о состоянии повышенного осознания в терминах движения точки сборки. По мере того как он говорил, я начал понимать ненужность своей просьбы. Я и сам знал все то, о чем он мог мне сообщить. Я заметил, что, на самом деле, не нуждаюсь ни в каких объяснениях. Он сказал, что объяснения не пропадают, поскольку они откладываются в нас для немедленного или последующего использования или для помощи в подготовке нашего пути к достижению безмолвного знания.

Когда я попросил его рассказать о безмолвном знании более подробно, он тут же ответил, что безмолвное знание является генеральным положением точки сборки, и что много веков назад такое положение было нормальным для человека, но по причинам, не поддающимся выяснению, точка сборки человека сместилась из этого положения и перешла в новое, называемое «разум».

Дон Хуан отметил, что не всякое человеческое существо является представителем этой новой позиции. Точки сборки большинства из нас не находятся точно в месте разума, но в непосредственной близости от него.

То же самое можно сказать и о месте безмолвного знания: точка сборки не всякого человеческого существа находилась точно в этом положении.

Еще он добавил, что «место без жалости», еще одно из положений точки сборки, является непосредственным предшественником безмолвного знания, а положение точки сборки, называемое «местом озабоченности⁴²» — предшественником разума.

⁴² Concern — забота, беспокойство, касательство, заинтересованное отношение

Эти загадочные замечания не показались мне трудными для понимания. Для меня они были само собой разумеющимися. Я понимал все сказанное, ожидая при этом, когда же он, наконец, ударит меня между лопатками, чтобы ввести в состояние повышенного осознания. Но удара так и не последовало, а я продолжал понимать сказанное им, даже не осознавая факта своего понимания. Ощущение легкости, того, что это само собой разумеется, присущее моему нормальному осознанию, не исчезло, поэтому у меня не возникало никакого недоумения по поводу такой способности к пониманию.

Дон Хуан внимательно посмотрел на меня и затем порекомендовал мне лечь лицом вниз на круглом валуне, по-лягушачьи растопырив руки и ноги.

Я лежал так около десяти минут, полностью расслабившись, почти засыпая, пока не был выведен из этого состояния мягким, продолжительным, шипящим рычанием. Я вскинул голову, посмотрел, и волосы у меня встали дыбом. Гигантский темный ягуар сидел на валуне едва ли не в десяти футах от меня, как раз над тем местом, где расположился дон Хуан. Ягуар, обнажив клыки, свирепо смотрел на меня. Казалось, он сейчас прыгнет.

– Не двигайся! – негромко приказал дон Хуан. – И не смотри ему в глаза. Уставься на его нос и не моргай. От этого взгляда зависит твоя жизнь.

Я сделал то, что он велел. Так мы с ягуаром некоторое время смотрели друг на друга, пока дон Хуан не нарушил этого противостояния, набросив, как фрисби, свою шляпу на голову ягуару. Ягуар отпрыгнул назад, увертываясь от нее, и тут дон Хуан свистнул громко, протяжно и пронзительно. После этого он издал оглушительный визг и хлопнул пару раз в ладоши. Это прозвучало как приглушенные выстрелы.

Знаком дон Хуан велел мне спуститься с валуна и присоединиться к нему. Вдвоем мы вопили и хлопали в ладоши до тех пор, пока не решили, что прогнали ягуара прочь.

Мое тело тряслось, но это был не испуг. Я сказал дону Хуану, что самым страшным теперь мне кажется не рычание огромной кошки и не ее взгляд, но ощущение, что ягуар наблюдал за мной задолго до того, как я услышал его и поднял голову.

Дон Хуан ни слова не сказал о происшедшем. Он глубоко погрузился в свои мысли. Когда я попытался спросить его, не почувствовал ли он приближение ягуара раньше меня, он властным жестом велел мне молчать. Он производил впечатление человека, который не совсем здоров или даже растерян.

Помолчав еще немного, дон Хуан знаком показал, что необходимо продолжить путь. Он шел впереди. Мы очень быстро зигзагообразно шли сквозь кустарник в направлении, ведущем от скал.

Через полчаса такого продвижения мы вышли на поляну посреди зарослей чапаралья и остановились, чтобы передохнуть. Мы не проронили ни слова, хотя мне очень хотелось узнать мнение дона Хуана обо всем этом.

– Почему мы идем таким образом? – спросил я. – Не лучше ли двигаться по прямой и побыстрее?

– Нет! – сказал он с ударением. – Не лучше. Этот зверь – самец. Он голоден и идет за нами.

– Но в таком случае тем более важно поскорее выбраться отсюда, – настаивал я.

– Это не так легко сделать, – сказал он. – Ягуар не обременяет себя разумностью. Он будет точно знать, что делать, чтобы заполучить нас. И с такой же уверенностью, с какой я сейчас говорю с тобой, он прочтет наши мысли.

– Что ты имеешь в виду, говоря, что ягуар может читать мысли? – спросил я.

– Это не метафора, – ответил он. – Я имею в виду то, что говорю. Большие животные, вроде этого ягуара, обладают

способностью читать мысли. Я не имею в виду догадки. Я хочу сказать, что они знают все напрямую.

– Что же нам делать? – спросил я, не на шутку встревожившись.

– Мы должны стать менее рациональными и попытаться выиграть битву, не позволяя ягуару читать нас.

– Как же нам поможет уменьшение рациональности? – спросил я.

– Разум выбирает то, что выглядит наиболее здоровым для ума, – сказал он. – Например, только что твой разум подсказал тебе, что нужно бежать из всех сил по прямой линии. Но твой разум не учел одного обстоятельства. Нам придется пробежать около шести миль, прежде чем мы окажемся в безопасности в твоей машине. Ягуар обгонит нас с легкостью. Он спрячется впереди, на пути нашего бегства, и будет ждать в наиболее подходящем для прыжка месте.

Гораздо лучшим, хотя и менее рациональным выбором является зигзаг. – Откуда ты знаешь, что это лучше, дон Хуан? – спросил я.

– Я знаю это, потому что у меня очень четкая связь с духом, – ответил он. – Другими словами, моя точка сборки расположена в месте безмолвного знания. Оттуда я могу ясно видеть, что ягуар голоден, но он не из тех, кто обычно нападает на людей. К тому же он сбит с толку нашими действиями. Если мы начнем двигаться зигзагом, ягуар должен будет попытаться предусмотреть наши дальнейшие действия.

– Есть ли еще какой-либо выбор, кроме зигзага? – спросил я.

– Есть только рациональные варианты, – ответил он. – Но у нас нет необходимых для рациональных вариантов средств. Например, мы можем подняться на более высокое место, но там нам нужны ружья, чтобы защититься.

Нам нужно соответствовать вариантам ягуара. Эти варианты диктуются безмолвным знанием. Мы должны делать то, что говорит нам безмолвное знание, каким бы неразумным это не казалось.

Он начал зигзагообразное движение. Я старался держаться поближе, однако был не слишком уверен, что такой бег спасет нас. Моей запоздалой реакцией была паника. Меня преследовала мысль о темном, неясно маячившем силуэте огромной кошки.

Пустынный чапараль состоял из высоких и густых кустов, росших на расстоянии четырех-пяти футов друг от друга. Редкие дожди в высокогорной пустыне не позволяли расти растениям с густой листвой. По этой же причине отсутствовал густой подлесок. И все-таки зрительно чапараль воспринимался как буйные и непроходимые заросли.

Дон Хуан двигался с необычайной легкостью, и поспевать за ним мне было совсем не просто. Он посоветовал, чтобы я следил за тем, чтобы ступать бесшумно, поскольку звук ломающихся веток невольно выдает нас и потому смертельно опасен.

Я попытался идти след в след за доном Хуаном, чтобы не ломать сухие ветки. Мы прошли зигзагом около сотни ярдов, прежде чем я заметил огромный темный силуэт ягуара не более чем в тридцати футах позади себя.

Я закричал во весь голос. Не останавливаясь, дон Хуан быстро обернулся и успел заметить огромную кошку. Он опять пронзительно засвистел и захлопал в ладоши, имитируя звук приглушенного выстрела.

Очень тихим голосом он сказал мне, что кошки не любят карабкаться вверх, поэтому сейчас мы как можно быстрее пересечем глубокий овраг в нескольких ярдах справа от меня.

Он подал мне знак, и мы рванулись через кусты так быстро, как могли. Мы спустились по склону на дно оврага и стали поспешно карабкаться вверх по противоположной стороне. Оттуда нам очень ясно было видно дно и склон оврага, а также местность вокруг нас. Дон Хуан прошептал, что ягуар идет по нашему запаху,

поэтому, если повезет, мы увидим, как он бежит вниз на дно оврага по нашим следам.

Пристально глядя вниз, мы ожидали появления зверя. Но его не было видно. Я начал думать, что ягуар ушел, когда услышал леденящее душу рычание огромной кошки в чапарале позади нас. Я похолодел при мысли о том, что дон Хуан оказался прав. Чтобы попасть туда, где он сейчас находился, ягуар должен был знать наши мысли и, опередив нас, пересечь овраг.

Не проронив ни звука, дон Хуан с невероятной скоростью побежал вперед. Я устремился за ним, и мы зигзагом бежали еще некоторое время. Когда мы, наконец, остановились, чтобы передохнуть, я задышался.

Страх перед идущим по пятам ягуаром не мешал мне восхищаться великолепной физической сноровкой дон Хуана. Он бежал, как юноша. Я стал было рассказывать ему, что он напомнил мне одного человека, запомнившегося мне с детства из-за глубокого впечатления, которое он произвел на меня своим бегом. Дон Хуан подал мне знак замолчать. Он внимательно прислушивался, и я последовал его примеру.

Я услышал мягкий хруст в кустарнике прямо перед нами. Затем на мгновение темный силуэт ягуара показался на фоне чапарала примерно в пятидесяти ярдах от нас.

Дон Хуан пожал плечами и указал в сторону зверя.

– Похоже, мы не сможем отделаться от него, – сказал он тоном человека, смирившегося со своей судьбой. – Давай пойдем не спеша, как если бы мы совершали приятную прогулку по парку и ты рассказывал бы мне историю о своем детстве. Сейчас для этого самое подходящее время и место. Нас преследует голодный ягуар, а ты делишься со мной своими воспоминаниями о прошлом; великолепное неделание, когда тебя преследует ягуар.

Он громко рассмеялся, а когда я сообщил ему, что потерял всякий интерес к рассказыванию историй, он согнулся от хохота.

– Ты хочешь наказать меня сейчас за то, что я не захотел слушать тебя раньше, да? – спросил он.

Я, конечно же, тут же стал защищаться. Я сказал, что его обвинения совершенно абсурдны, что я вообще не помню, о чем говорил.

– Если маг свободен от чувства собственной важности, то он не придает значения тому, что потерял нить своего рассказа, – сказал дон Хуан с коварным блеском в глазах. – Поскольку у тебя не осталось самозначительности, ты должен сейчас рассказать свою историю. Поведай ее духу, ягуару и мне, как если бы ты вовсе не забывал, о чем идет речь.

Мне хотелось сказать ему, что я не расположен выполнять его просьбу, поскольку мой рассказ слишком глуп, а окружающая нас обстановка слишком подавляет. О таких вещах следует рассказывать в более подходящем месте и в другое время, как он сам это делал обычно. Но прежде чем я собрался открыть рот, дон Хуан ответил мне.

– Мы оба, ягуар и я, умеем читать мысли, – сказал он с улыбкой. – Если я выбираю подходящее время и место для своих магических историй, то лишь потому, что использую их в целях обучения и хочу извлечь из них максимальную пользу.

Он подал мне знак идти дальше. Мы спокойно двинулись вперед, идя рядом. Я сказал, что восхищен его бегом и выносливостью и что в моем восхищении есть небольшая доля самозначительности, поскольку я считал себя самым хорошим бегуном. Затем я рассказал ему один эпизод из своего детства, который вспомнился мне, когда я увидел, как хорошо он бежит.

Я рассказал ему о том, как мальчишкой играл в футбол и как замечательно бегал в то время. Будучи проворным и быстрым, я чувствовал свою безнаказанность в любых проделках, поскольку мог убежать от любой погони, особенно от старых полицейских, патрулировавших улицы моего города. Если я разбивал уличный фонарь или совершал еще что-нибудь в том же роде, мне достаточно было лишь вовремя сбежать, и я был в безопасности.

Но однажды случилось нечто для меня совершенно неожиданное. Старых полицейских заменили новыми, имевшими военную выучку. Расплата наступила в тот момент, когда я разбил витрину магазина и побежал прочь, совершенно уверенный в своей безнаказанности. Молодой полицейский бросился за мной в погоню. Я бежал, как никогда прежде, но это меня не спасло. Молодой офицер был первоклассным форвардом полицейской футбольной команды и оказался более выносливым и быстрым, чем десятилетний мальчишка. Он поймал меня и на протяжении всего обратного пути к разбитой витрине подгонял ногой, как футбольный мяч. Он очень артистично перечислял названия всех видов ударов, которые производил, как если бы это была тренировка на футбольном поле, где я выступал в роли мяча. Бил он совсем не больно, лишь беззлобно припугнул; при этом мое сильное унижение было ослаблено восхищением десятилетнего мальчишки его удалью и способностями футболиста.

Я сказал дону Хуану, что нередко испытывал то же самое и по отношению к нему. Вот и сейчас он смог обогнать меня, несмотря на разницу в возрасте и мои давние способности к бегу.

Еще я сказал, что многие годы видел себя первоклассным бегуном во снах, где молодой полицейский не мог догнать меня.

— Твоя история куда важнее, чем я ожидал, — прокомментировал дон Хуан. — Я-то думал, что это будет рассказ о том, как тебя отшлепала твоя мама.

То, с каким видом он говорил все это, делало его слова очень смешными. В них была явная издевка. Он добавил, что, в некоторых случаях, дух, а не наш разум, решает, какие истории нам следует рассказывать. И сейчас все было именно так. Дух вызвал в моем уме эту историю, поскольку история эта, несомненно, имела отношение к моей нерушимой самозначительности. Он сказал, что факел гнева и унижения горел во мне годами и что чувства подавленности и поражения были по-прежнему нетронутыми.

— Эта твоя история и ее нынешний контекст могли бы стать настоящим праздником для какого-нибудь психолога, — продолжал

он. – В твоём сознании я, должно быть, ассоциируюсь с тем молодым полицейским, который разрушил твоё представление о непобедимости.

Теперь, когда он отметил это, я согласился, что он точно сформулировал моё ощущение, хотя я не осознавал его, а тем более не пытался выразить в словах.

Дальше мы пошли молча. Меня настолько потрясла его аналогия, что я совершенно забыл о выслеживавшем нас ягуаре, как вдруг грозное рычание вернуло меня к нашей ситуации.

Дон Хуан велел мне попрыгать на длинных нижних ветвях кустов, сломать пару из них и соорудить некое подобие длинной метлы. Он сделал то же самое. Убегая, мы использовали их, чтобы поднять облако пыли, поддевая и разбрасывая сухой песок.

– Это должно обеспокоить ягуара, – сказал он, когда мы остановились, чтобы перевести дыхание. – У нас осталось всего несколько часов дневного времени. Ночью ягуар непобедим, поэтому нам лучше бежать в сторону тех скал.

Он указал на скальные выступы примерно в полумиле к югу от нас.

– Нам следует двигаться на восток, – возразил я. – Те горы от нас слишком далеко на юг. Если мы направимся к ним, то никогда не доберемся до моей машины.

– Нет способа добраться сегодня до твоей машины, – сказал он спокойно. – Возможно, и завтра тоже. Кто сказал, что мы вообще когда-нибудь вернемся к ней?

Вначале я ощутил приступ страха, но затем мною вдруг овладело удивительное чувство покоя. Я сказал дону Хуану, что если смерть собирается захватить меня в этом пустынном чапарале, то, надеюсь, это будет не слишком больно.

– Не беспокойся, – ответил он. – Смерть причиняет боль лишь тогда, когда это случается в постели, из-за болезни. Борясь за свою

жизнь, ты не почувствуешь боли. Если ты что-нибудь и почувствуешь, – так это ликование.

Он сказал, что одним из самых драматических отличий магов от обычных людей является то, каким образом к ним приходит смерть. Только по отношению к магам-воинам она добра и нежна. Они могут быть смертельно ранены и все же не чувствовать боли. И еще невероятнее то, что смерть сдерживает себя в ожидании так долго, как это нужно магам.

– Самое большое отличие обычного человека от мага состоит в том, что маг управляет своей смертью собственной скоростью, – продолжал дон Хуан. – Что касается данного случая, то сейчас ягуар меня не съест. Скорее он съест тебя, потому что ты не обладаешь необходимой скоростью, чтобы удержать свою смерть.

Он начал разъяснять тонкости идеи о скорости и смерти. Он сказал, что в повседневном мире наше слово или наши решения можно очень легко изменить. Неизменна в нашем мире лишь смерть. С другой стороны, в мире магов обычную смерть можно отменить, но не слово магов. В мире магов нельзя изменить или пересмотреть решения. Однажды принятые, они остаются в силе навсегда.

Я сказал ему, что его утверждения, какими бы впечатляющими они ни были, не могут убедить меня в том, что можно отменить смерть. И он еще раз объяснил мне все то, о чем говорил до сих пор. Он сказал, что для видящего человеческие существа представляют собой продолговатое или сферическое скопление бесчисленных неподвижных, но вибрирующих полей энергии, и что только маги в состоянии вызывать в этих сферах неподвижной светимости движение. В долю секунды они могут сместить свою точку сборки в любое место этого светящегося скопления. Это смещение и скорость, с которой оно происходит, приводят к моментальному сдвигу в область восприятия совершенно иного мира. Кроме того, они могут перемещать свою точку сборки без остановки через все эти поля светящейся энергии. Сила, порождаемая таким движением, столь велика, что мгновенно поглощает всю их светящуюся массу.

Он сказал, что если бы в данный момент на нас обрушился камнепад, то он сумел бы предотвратить обычный эффект смерти от несчастного случая. Используя скорость движения своей точки сборки, он заставил бы себя переместиться в другие миры или сгореть изнутри в доли секунды. Я же, с другой стороны, умер бы обычной смертью, раздавленный обломками скал, поскольку моей точке сборки не хватит скорости, чтобы вытащить меня.

Я заметил, что мне кажется, что маги просто изобрели иной способ умирания, и это не значит, что они могут отменить смерть. Он ответил, что сказал лишь то, что маги управляют своей смертью. Они умирают только тогда, когда должны умереть.

Хотя я не сомневался в том, что он говорит правду, я продолжал задавать вопросы, как в какой-то игре. Но когда он говорил, в моем уме, как на экране, формировались смутные воспоминания и мысли о других воспринимаемых мирах.

Я сказал дону Хуану о своих странных мыслях. Он рассмеялся и посоветовал не забывать о ягуаре, который был настолько реален, насколько реальным может быть только подлинное проявление духа.

От мысли о том, как реален зверь, меня бросило в дрожь.

– Не лучше ли нам сменить направление вместо того, чтобы идти прямо к тем холмам? – спросил я.

Я подумал, что мы можем опять сбить ягуара с толку таким внезапным поворотом.

– Слишком поздно менять направление, – сказал дон Хуан. – Ягуар уже знает, что у нас нет другого пути, как только идти к холмам.

– Этого не может быть, дон Хуан! – воскликнул я.

– Почему? – спросил он.

Я сказал, что хотя и допускаю способность дикого зверя быть на прыжок впереди нас, но все же не могу принять то, что ягуар настолько предусмотрителен, чтобы вычислить, куда мы хотим идти.

– Твоя ошибка состоит в том, что о силе ягуара ты думаешь с точки зрения его способности вычислять, понимать вещи, – сказал он. – Ягуар не может думать. Он просто знает.

Дон Хуан сказал, что наши, поднимающие пыль, маневры были направлены на то, чтобы запутать ягуара, передавая ему чувственное послание чего-то, чего мы не использовали. Мы не могли испытывать какого-то реального, настоящего чувства, поднимая пыль, хотя от этого зависели наши жизни.

– Я и в самом деле не понимаю, что ты имеешь в виду, – пожаловался я. Начало сказываться постоянное напряжение. Концентрация всех моих сил была слишком длительной.

Дон Хуан пояснил, что чувства людей чем-то похожи на горячие или холодные потоки воздуха и легко воспринимаются зверем. Мы были отправителями, а ягуар – получателем. Какие бы чувства ни владели нами, они найдут свой путь к ягуару. Или, иначе говоря, ягуар может читать все чувства, которые для нас имеют свою историю использования. В случае наших, поднимающих пыль, маневров, чувства, испытываемые нами в их отношении, настолько отличаются от обычных, что могут создавать только вакуум у получателя.

– Безмолвное знание подсказывает мне еще один прием: подбрасывание вверх комьев земли, – сказал дон Хуан.

Некоторое время он смотрел на меня, как бы ожидая моей реакции.

– Сейчас мы пойдем очень спокойно, – сказал он. – Приготовься подбрасывать землю ногами, как великан десяти футов ростом.

Очевидно, на моем лице появилось довольно глупое выражение. Дон Хуан затрясся от смеха.

– Поднимай ногами облака пыли, – приказал он мне. – Чувствуй себя огромным и тяжелым.

Я попытался – и немедленно ощутил свою громадность. Шутливым тоном я заметил, что сила его внушения невероятна. Я действительно почувствовал, что стал гигантским и свирепым. Он заверил меня, что ощущение размера ни в коем случае не является следствием его внушения, но результатом смещения моей точки сборки.

Он сказал, что люди древности стали легендарными благодаря безмолвному знанию о той силе, которую можно получить, сдвигая точку сборки. Маги возродили эту древнюю силу, хотя и в более умеренном масштабе. При помощи сдвига точки сборки они могли манипулировать своими чувствами и изменять вещи. Я изменяю вещи, почувствовав себя большим и свирепым. Чувства, производимые таким образом, называются намерением.

– Твоя точка сборки уже немного сдвинулась, – продолжал он. – Сейчас ты находишься в таком положении, что можешь или утратить свое достижение, или же заставить свою точку сборки сдвинуться еще дальше.

Он сказал, что, вероятно, любой человек, живущий в обычных условиях, когда-нибудь получает возможность вырваться из оков обусловленности. При этом он подчеркнул, что имел в виду не социальные условности, но условности, которые сковывают наше восприятие. Момент восторга (приподнятого настроения) достаточно, чтобы сместить наши точки сборки и разрушить условности. То же касается и мгновения страха, гнева, плохого самочувствия или горя. Но чаще всего, получая шанс сместить нашу точку сборки, мы пугаемся. Обычно вступают в игру наши академические, религиозные, социальные устои. Они обеспечивают наше безопасное возвращение в толпу, в привычное стадо, возврат нашей точки сборки в предписанное положение нормального образа жизни.

Еще он сказал, что все известные мне мистики и духовные учителя действовали по тому же принципу: их точки сборки

смещались благодаря дисциплине, аскетизму – или случайно – в определенное место, после чего они возвращались в нормальное состояние, сохраняя память об этом на всю жизнь.

– Ты можешь быть весьма благочестивым, хорошим парнем, – продолжал он, – и забыть при этом о начальном движении своей точки сборки. Или сумеешь вытолкнуть себя за пределы своего разума. Ты, кстати, все еще находишься в этих пределах.

Я знал все, о чем он говорил, но при этом ощущал странные колебания, делавшие меня нерешительным.

Дон Хуан развивал свою мысль далее. Он сказал, что средний человек, будучи не способным обрести энергию, для того, чтобы воспринимать за пределами своей повседневности, называет область экстраординарного восприятия магией, волшебством или происками дьявола, отшатывается от нее и не утруждает себя дальнейшими исследованиями.

– Но ты уже не можешь так поступать, – продолжал дон Хуан. – Ты не религиозен и при этом слишком любопытен, чтобы так просто отказаться от приобретенного опыта. Единственное, что могло бы остановить тебя – это трусость. Преврати все это в то, чем оно является на самом деле, – в абстрактное, в дух, в нагуаль. Не существует ни колдовства, ни зла, ни дьявола. Есть только восприятие.

Я понимал его. Но я не мог точно сказать, каких действий он от меня ждал.

Я взглянул на дона Хуана, стараясь отыскать нужные слова. Казалось, я вошел в состояние, необыкновенно обострившее мои умственные способности, и я старался не пропустить ни единого слова.

– Стань огромным! – приказал он мне с улыбкой. – Покончи с разумом! И тут я точно понял, что он имеет в виду. Я действительно знал, что могу сделать ощущение своей величины и свирепости настолько интенсивным, что, в самом деле, стану гигантом, возвышающимся над кустарником и обозревающим все вокруг нас.

Я попытался высказать свои мысли, но быстро прекратил это. Я понял, что дон Хуан знает все, что я думаю, и, очевидно, гораздо, гораздо больше.

Вдруг со мной произошло нечто необычное. Всякие размышления прекратились. Я буквально ощутил, как темное покрывало опустилось на меня и затуманило (затемнило) мои мысли. И я позволил своей разумности уйти с непринужденностью человека, которого ничто в мире не тревожит. Я был убежден, что если захочу рассеять это затемняющее покрывало, то все, что нужно будет для этого сделать – просто почувствовать, что прорываешься сквозь него.

Войдя в такое состояние, я почувствовал, что меня что-то гонит вперед, и я начал двигаться. Нечто заставляло мое тело перемещаться с одного места на другое. Я больше не чувствовал никакой усталости. Скорость и легкость, с которой я мог двигаться, приводили меня в восторг.

Мое состояние нельзя было назвать ни ходьбой, ни полетом. Скорее, я переносился с невероятной легкостью. Движения тела только тогда становились резкими и неуклюжими, когда я пытался осмыслить их. Наслаждаясь ими и не размышляя, я погрузился в уникальное состояние такого физического счастья, какое до сих пор было мне совершенно незнакомо. Если у меня в жизни и были такие моменты, то они были столь кратковременны, что не оставили следа в моей памяти. Однако, испытав этот экстаз, я начал как бы смутно припоминать, что когда-то однажды уже пережил его, но затем все забыл.

Восторг от движения сквозь чапараль был таким интенсивным, что все остальное прекратилось. Единственным, существующим для меня, были те периоды радости и следующие за ними моменты, когда я прекращал движение и обнаруживал себя находящимся перед чапаралем.

Но еще более невероятным было телесное ощущение, что я возвышаюсь над кустарником, возникшее у меня с того момента, как я начал двигаться.

Вдруг я отчетливо увидел прямо перед собой ягуара. Он изо всех сил убегал прочь. Я почувствовал, как он старается не наступать на колючки кактусов. Несмотря на скорость, он ступал на землю очень осторожно.

Мне вдруг ужасно захотелось погнаться за ягуаром и напугать его до такой степени, чтобы он, забыв осторожность, покалечился колючками. Но тут мысль о том, как опасен может быть ягуар, если поранится, пронзила мой затихший ум. Эта мысль подействовала так, как если бы кто-то разбудил меня.

Когда я, наконец, понял, что мой мыслительный процесс восстановился, то обнаружил, что нахожусь у подножия невысоких скал. Оглядевшись, я в нескольких футах от себя увидел дона Хуана. Он выглядел измученным, был бледен и тяжело дышал.

– Что случилось, дон Хуан? – спросил я, прочистив свое пересохшее горло.

– Это ты расскажи мне, что случилось, – сказал он, задыхаясь. Я рассказал ему о своих ощущениях. Вдруг я понял, что прекрасно вижу вершину горы, находившуюся непосредственно в поле моего зрения. Это были последние минуты дня, и это означало, что я бежал или шел более двух часов.

Я попросил дона Хуана объяснить такое несоответствие во времени. Он сказал, что моя точка сборки сместилась дальше места без жалости и достигла места безмолвного знания, однако мне все еще не хватает энергии, чтобы манипулировать ею самостоятельно. Манипулировать ею самостоятельно я смог бы, только имея достаточно энергии для движения между безмолвным знанием и разумом по своей воле.

Еще он добавил, что если маг обладает необходимой энергией – или даже если ее не совсем достаточно, но речь идет о жизни и смерти – то он может перемещаться туда и обратно между разумом и безмолвным знанием.

Его заключение относительно меня сводилось к следующему: поскольку наше с ним положение было весьма серьезным, я

позволил духу сместить свою точку сборки, в результате чего вошел в безмолвное знание. Диапазон моего восприятия, естественно, расширился, что вызвало ощущение высоты, парения над кустарником.

В то время в силу своего академического образования я был весьма озабочен подтверждением путем консенсуса. Я задал ему один из обычных для меня вопросов.

– Если бы кто-нибудь с факультета антропологии UCLA наблюдал за мной, увидел бы он меня в облике гиганта, несущегося сквозь чапараль?

– Я, действительно, не знаю, – ответил дон Хуан. – Выяснить это можно, если сместить точку сборки во время твоего пребывания на факультете антропологии.

– Я пытался, – сказал я, – но ничего не вышло. Мне нужно, чтобы ты был поблизости, – только тогда может происходить что-то в этом роде.

– Значит, это не было для тебя вопросом жизни и смерти, – ответил он. – Если бы это было именно так, ты смог бы сместить свою точку сборки самостоятельно.

– Но другие люди смогли бы увидеть то, что вижу я при смещении моей точки сборки? – настаивал я.

– Нет, поскольку их точка сборки не находилась бы в том же положении, что и твоя, – ответил он.

– Но тогда, дон Хуан, может быть, и ягуар мне только привиделся? – спросил я. – Все это происходило только в моем сознании?

– Это не совсем так, – сказал он. – Эта огромная кошка реальна. Ты преодолел расстояние во много миль и даже не устал. Если ты не веришь, посмотри на свои туфли; они сплошь в колючках кактусов. Так что ты, действительно, двигался, возвышаясь над кустарником. Но в то же время ничего такого не происходило. Все

зависит от положения точки сборки человека: находится ли она в месте разума или в месте безмолвного знания.

Во время его объяснений я понимал все, что он говорит, но по собственной воле не смог бы повторить ни одной фразы. Я даже не мог определить, что именно я знаю, и почему в этом для меня так много смысла.

Рычание ягуара вернуло меня к реальности непосредственной угрозы. Я заметил темный силуэт ягуара, когда он взбирался на скальный выступ в тридцати ярдах справа от нас.

– Что будем делать, дон Хуан? – спросил я, зная, что он тоже заметил зверя.

– Продолжим взбираться на самый верх и будем искать там укрытие, – сказал он спокойно.

Затем он с таким видом, как будто ничто в мире его не беспокоило, добавил, что я потерял драгоценное время, indulgiруя в своем удовольствии от парения над кустарником. При этом вместо того, чтобы направиться к тем скалам, на которые он указывал, я двигался в восточном направлении к гораздо более отдаленной и высокой горной гряде.

– Мы должны добраться до того откоса раньше ягуара, иначе нам не спастись, – сказал он, указывая на почти отвесный склон у самой вершины горы.

Я посмотрел вправо и увидел, что ягуар перепрыгивает с уступа на уступ. Он уже почти преодолел расстояние, необходимое ему, чтобы отрезать нас от цели.

– Идем же, дон Хуан! – завопил я, сильно нервничая. Дон Хуан улыбнулся. Казалось, ему доставляют удовольствие мой страх и нетерпение. Мы старались двигаться, как можно быстрее, и карабкались, не останавливаясь. Я старался не обращать внимания на темную гибкую тень, видневшуюся время от времени чуть впереди нас и всегда справа.

Мы все трое одновременно достигли основания крутого откоса. Ягуар находился примерно в двадцати ярдах справа. Он подпрыгнул и попытался взобраться по склону скалы, но не смог. Склон был слишком крут.

Дон Хуан закричал, что я не должен терять времени, разглядывая ягуара, ведь отказавшись от подъема, он сейчас же нападет на нас. Не успел дон Хуан договорить, как зверь бросился.

Времени для дальнейших предупреждений не оставалось. Я мгновенно вскарабкался по почти отвесной скале следом за доном Хуаном. Душераздирающий вой разочарованного зверя раздался как раз под моей правой пяткой. Страх оказался замечательной движущей силой: я взобрался по скользкому склону так, словно умел летать.

Я достиг вершины раньше дона Хуана, который еле сдерживал смех. Оказавшись в безопасности на вершине скалы, я смог подумать над происшедшим. Дон Хуан не хотел ничего обсуждать. Он заявил, что на этом этапе моего развития любое смещение точки сборки все еще остается для меня загадкой. Вначале ученичества вызовом для меня, – сказал он, – было, скорее, сохранение своих достижений, чем понимание их, и что, начиная с какого-то момента, все это обретет для меня определенный смысл.

Я возразил, что и теперь для меня все это имеет смысл, но он настаивал, что перед тем, как говорить, что знание обрело для меня смысл, я должен быть способен объяснять его самому себе. Он подчеркнул, что для того, чтобы движение точки сборки имело для меня смысл, мне понадобится энергия для флуктуаций от места разума до места безмолвного знания. Он на минуту остановился, окидывая взглядом все мое тело, улыбнулся и заговорил снова.

– Сегодня ты достиг места безмолвного знания, – заключил он. Он объяснил, что сегодня моя точка сборки сместилась сама по себе, без его вмешательства. Я намеревался этого движения, манипулируя чувством своей огромности, в результате чего моя точка сборки достигла места безмолвного знания.

Мне было очень любопытно слушать, как дон Хуан объясняет мой опыт. Он сказал, что говорить о восприятии, достигнутом в месте безмолвного знания, можно лишь в терминах «здесь и здесь». Он пояснил, что, когда я говорил ему, что чувствовал себя возвышающимся над пустынным чапаралем, я должен был добавить об одновременном видении поверхности пустыни и верхушек кустарника. Другими словами, одновременно я находился там, где я был сам, и там, где был ягуар. Таким образом, я и мог видеть, как осторожно он ступает, стараясь не поранить лапы колючками кактусов. Иными словами, вместо того, чтобы воспринимать все как обычно, — здесь и там, — я воспринимал «здесь и здесь».

Его объяснения испугали меня. Он был прав. Я не признался ни ему, ни даже самому себе в том, что находился в двух местах одновременно. Я не осмелился бы даже думать в таких терминах, если бы не его разъяснения.

Он повторил, что мне требуется больше опыта и энергии, чтобы все обрело смысл. Я был слишком неопытен и все еще нуждался в постоянном присмотре. К примеру, пока я парил над кустарником, ему пришлось быстро смещать свою точку сборки из места разума в место безмолвного знания и обратно, чтобы держать меня под контролем. Это очень его истощило.

— Скажи мне одну вещь, — обратился я к дону Хуану, желая проверить его рассудительность. — Этот ягуар кажется более странным, чем ты хочешь признать, не так ли? Ягуары ведь не являются частью фауны этих мест. Пумы, но не ягуары. Как бы ты мог объяснить это?

Перед тем, как ответить, он наморщил лоб. Вдруг он стал очень серьезным.

— Я думаю, что именно этот ягуар подтверждает твои антропологические теории, — провозгласил он торжественно. — Очевидно, ягуар следовал по тому самому знаменитому торговому пути, соединяющему Чиуауа с Центральной Америкой.

Дон Хуан так захохотал, что его смех эхом прокатился в горах. Это эхо встревожило меня не меньше, чем ягуар. Даже не само эхо,

но факт, что я никогда не слышал эхо ночью. Оно всегда ассоциировалось у меня со светом дня.

Мне потребовалось несколько часов, чтобы вспомнить все обстоятельства своей встречи с ягуаром. Все это время дон Хуан не разговаривал со мной. Он прислонился к скале и дремал, сидя в таком положении. Спустя некоторое время, я перестал обращать на него внимание и, наконец, уснул сам.

Проснулся я от боли в скуле. Я спал, прислонившись одной щекой к скале. Открыв глаза, я попытался соскользнуть с валуна, на котором лежал, но потерял равновесие и с шумом плюхнулся на ягодицы. Дон Хуан появился из-за кустов как раз вовремя, чтобы успеть посмеяться надо мной.

Начинало темнеть, и я вслух высказал свои опасения насчет того, успеем ли мы добраться до долины, прежде чем наступит ночь. Дон Хуан пожал плечами. Казалось, это его не заботило. Он сел рядом со мной.

Я спросил, хочет ли он услышать более подробный рассказ о том, что я вспомнил. Он жестом показал мне, что все в порядке, однако вопросов задавать не стал. Я подумал, что он предоставляет мне возможность самому начать говорить, поэтому стал рассказывать ему о тех трех вещах из моего воспоминания, которые показались мне наиболее важными. Во-первых, то, что он говорил о безмолвном знании; во-вторых, я сместил свою точку сборки с помощью намерения, и еще – то, что я вошел в состояние повышенного осознания, не получив удар между лопаток.

– Намеревание сдвига своей точки сборки – твое самое большое достижение, – сказал дон Хуан, – но достижение – это нечто личное. Оно необходимо, но не является чем-то важным. Это не тот остаток⁴³, которого ожидают маги.

Я полагал, что знаю, чего он хочет. Я сказал ему, что не совсем забыл происходившее со мной. В нормальном состоянии моего осознания осталось то, что горный лев – представление о ягуаре не

⁴³ Residue – остаток, осадок, отстой

укладывалось в моей голове – преследовал нас, и что дон Хуан спрашивал меня, не чувствую ли я себя обиженным нападением большой кошки. Я уверял его, что для меня было бы абсурдным чувствовать обиду, на что он сказал мне, что я должен чувствовать то же самое в отношении нападок окружающих меня людей. Я должен либо защищаться, либо уйти прочь, но только не чувствовать себя морально уязвленным.

– Это не тот остаток, о котором я говорю, – продолжал он с улыбкой. – Понятие об абстрактном, о духе – вот единственный остаток, который важен. Представление о личном «я» не имеет ни малейшей ценности. Ты все еще ставишь на первое место самого себя и свои собственные чувства. Всякий раз, когда появлялась такая возможность, я заставлял тебя осознавать необходимость абстрагироваться. Ты всегда полагал, что я имею в виду абстрактное мышление. Нет. Абстрагироваться – значит сделать себя доступным духу путем его осознания.

Он сказал, что одной из самых драматических черт человеческой природы является ужасная связь между глупостью и саморефлексией.

Именно глупость заставляет нас отвергать все, что не согласуется с нашими рефлексивными ожиданиями. Например, являясь обычными людьми, мы не в состоянии оценить наиболее важный аспект знания, доступного человеческим существам: наличие точки сборки и ее способность сдвигаться.

– Человеку рациональному кажется немислимым, что должна существовать некая невидимая точка, в которой собирается восприятие, – продолжал он. – Еще более немислимым ему кажется то, что эта точка находится не в мозге, – что он еще мог бы смутно себе представить, если бы принял идею ее существования.

Дон Хуан добавил, что непоколебимое стремление рационального человека твердо придерживаться образа себя – это способ надежно застраховать свое дремучее невежество. Он, например, игнорирует тот факт, что магия – это не заклинания, не магические формулы, не фокус-покус, но свобода восприятия не

только повседневного мира, но всего другого, доступного человеческому существу.

– Вот где глупость обычного человека наиболее опасна, – продолжал он. – Он боится магии. Он дрожит при мысли о возможности свободы. А ведь свобода на кончиках его пальцев. Она называется третьей точкой. И до нее можно дотянуться так же просто, как сместить точку сборки.

– Но ведь ты сам говорил мне, что сдвиг точки сборки настолько сложен, что является настоящим подвигом, – возразил я.

– Так оно и есть, – заверил он. – Вот еще одно магическое противоречие: это невероятно трудно, но все же является самой простой вещью в мире. Я уже говорил тебе, что высокая температура может сместить точку сборки. Голод или страх, любовь или ненависть сделают то же самое, что и мистицизм или несгибаемое намерение, которое и является для магов наиболее предпочтительным методом.

Я снова попросил его объяснить значение термина несгибаемое намерение. Он сказал, что это некая, проявляемая человеком, однонаправленность ума, абсолютно четко очерченная цель, не нарушаемая никакими противоречивыми интересами или желаниями. Несгибаемое намерение также является силой, возникающей, когда точка сборки удерживается в необычном положении.

Затем дон Хуан указал на очень важное различие, которое ускользало от меня все эти годы, – между движением и смещением точки сборки. Движение, по его словам, является глубоким изменением ее положения, настолько глубоким, что точка сборки может даже достичь других пучков энергии, находящихся в пределах светящейся массы наших энергетических полей. Каждая полоса энергии представляет собой совершенно иной для восприятия мир. С другой стороны, смещение – это незначительный сдвиг в пределах той полосы энергетических полей, которая воспринимается нами как мир повседневной жизни.

Он продолжал, что маги рассматривают негибимое намерение как катализатор, приводящий в действия их неизменяемые решения, и, с другой стороны, – их неизменяемые решения являются катализатором, приводящим точку сборки в движение к новым позициям. Эти новые позиции, в свою очередь, порождают негибимое намерение.

Должно быть, я выглядел ошарашенным. Дон Хуан рассмеялся и сказал, что попытка понять до конца метафорические описания магов разумом так же бессмысленна, как попытка понять разумом безмолвное знание. Также, добавил он, проблема со словами заключается в том, что любая попытка прояснить с их помощью описания магов только делает их более запутанными.

И все же я настаивал на том, чтобы он попытался объяснить это любым доступным ему способом. Я утверждал, что все, что он может сказать, например, о третьей точке, лишь прояснит суть дела, что, хотя я все знал об этом, это все еще приводило меня в замешательство.

– Мир повседневной жизни состоит из двух точек отсчета, – сказал он. – У нас, например, есть «здесь и там», «внутри и снаружи», «добро и зло», «верх и низ» и т.д. Итак, наше восприятие жизни по существу является двумерным. Никакие из наших действий мы не воспринимаем с глубиной.

Я запротестовал, говоря, что он смешивает уровни. Я сказал ему, что могу принять его определение восприятия, как способности живых существ схватывать своими органами чувств энергетические поля, выбираемые их точкой сборки – весьма необычное с точки зрения моего академического образования определение, но в данный момент оно казалось мне достаточно убедительным. Однако я не мог представить себе, что может означать «глубина» применительно к нашим действиям. Я считал, что он, вероятно, говорит об интерпретациях-обработке наших основных восприятий.

– Маги воспринимают свои действия с глубиной, – сказал он. – Их действия являются для них трехмерными. Они обладают третьей точкой отсчета.

– Как может существовать третья точка отсчета? – спросил я удивленно.

– Наши точки отсчета изначально получены из нашего чувственного восприятия, – сказал он. – Наши органы чувств воспринимают и различают, что находится рядом с нами, а что – нет. Используя это основное различие, мы и выводим остальное.

Для того, чтобы достичь третьей точки, мы должны воспринимать два места одновременно.

Мое воспоминание привело меня в странное настроение – как если бы то, что я пережил тогда, произошло несколько минут назад. И я вдруг осознал кое-что из полностью упущенного мною раньше. Под руководством дона Хуана я уже дважды пережил это двойственное восприятие, но этот раз был первым, когда я достиг его полностью самостоятельно.

Размышляя над тем, что я вспомнил, я также понял, что мой чувственный опыт был более сложным, чем мне вначале показалось. В то время, когда я возвышался над кустарником, я осознал – без слов или даже мыслей – что пребывание в двух местах одновременно, или пребывание «здесь и здесь», как называл это дон Хуан, – переключило мое восприятие непосредственно и полностью сразу на оба эти места. Но я также осознал и то, что моему двойному восприятию не доставало полной ясности обычного восприятия.

Дон Хуан пояснил, что обычное восприятие имеет ось. «Здесь и там» являются периметрами этой оси, и мы привязаны к ясности «здесь». Он сказал, что в обычном восприятии только «здесь» воспринимается полностью, мгновенно и непосредственно. Его двойственный аспект, «там», не обладает непосредственностью. Он может быть объектом предположений, умозаключений, ожиданий, но не может восприниматься непосредственно всеми чувствами. Когда же мы воспринимаем два места одновременно, исчезает полная ясность, но зато достигается непосредственное восприятие «там».

– Но тогда, дон Хуан, я был прав, описывая свое восприятие как важную составляющую часть моего опыта, – сказал я.

– Нет, не был, – ответил он. – То, что ты пережил, было для тебя существенным, потому что открыло путь к безмолвному знанию, но, действительно, важной вещью был только ягуар. Этот ягуар был настоящим проявлением духа.

Эта большая кошка появилась незамеченной из ниоткуда, и она могла прикончить нас обоих. Это так же верно, как то, что я с тобой говорю. Ягуар был выражением магии. Без него ты не получил бы ни душевного подъема, ни урока, ни понимания.

– Но это был реальный ягуар? – спросил я.

– Можешь не сомневаться – он был абсолютно реален! Дон Хуан заметил, что для обычного человека эта большая кошка могла бы показаться просто ужасающей неожиданностью. Обычный человек вряд ли смог бы объяснить разумно, что делал ягуар в Чиуауа, так далеко от тропических джунглей. Но маг, обладающий связующим звеном с намерением, рассматривает этого ягуара как средство для восприятия – не как странный случай, но как источник благоговейного страха.

Мне хотелось задать еще несколько вопросов, но прежде чем я смог их сформулировать, я уже знал ответы. Я следовал курсом своих вопросов и ответов до тех пор, пока, в конце концов, не понял, что мне мало безмолвно знать ответы: чтобы обрести для меня какую-либо ценность, эти ответы должны быть переведены в слова.

Я задал первый же пришедший мне в голову вопрос. Я попросил дона Хуана объяснить то, что казалось мне очередным противоречием. Он утверждал, что только дух мог сдвинуть точку сборки. Но затем он сказал, что мою точку сборки сдвинули чувства, превратившиеся в намерение.

– Только маги могут превращать свои чувства в намерение, – сказал он. – А намерение – это дух, вот и получается, что именно дух сдвигает точку сборки магов.

Могут ввести в заблуждение мои слова, – продолжал он, – что только маги знают о духе, и что намерение является исключительно достоянием магов. Это совершенно не так, но в области

практических действий дело обстоит именно таким образом. Суть на самом деле в том, что маги лучше сознают свою связь с духом, чем обычный человек, и стремятся манипулировать ею. Вот и все. Я уже говорил тебе, что связующее звено с намерением – это универсальная особенность, свойственная всему сущему.

Затем два или три раза дон Хуан, казалось, порывался что-то добавить. Он колебался, как бы подбирая слова. Наконец, он сказал, что пребывание в двух местах сразу было для магов признаком, отмечающим тот момент, когда точка сборки достигает места безмолвного знания. Расщепленное восприятие, достигнутое собственными усилиями, называется свободным движением точки сборки.

Он заверил меня, что каждый нагуаль последовательно делает все, что в его силах, чтобы стимулировать свободное движение точки сборки своего ученика. Это решительное усилие загадочно называется «достижением третьей точки».

– Наиболее трудным аспектом знания нагуаля, – продолжал дон Хуан, – и, конечно, наиболее важной частью его задачи является достижение этой третьей точки. Нагуаль намеревается этого свободного движения, а дух предоставляет ему средства для осуществления этого. Я никогда не намеревался ничего подобного, пока не появился ты. Поэтому я никогда в полной мере не был способен оценить гигантские усилия моего бенефактора, когда он намеревался этого ради меня.

Трудности, которые возникают у нагуаля, который намерен осуществить это свободное движение точки сборки своих учеников, – ничто по сравнению с теми трудностями, с которыми сталкиваются ученики, пытаясь понять, что делает нагуаль. Посмотри на путь твоей собственной борьбы! То же самое происходило и со мной. В большинстве случаев я считал, что уловки духа были просто уловками нагуаля Хулиана.

Позднее я понял, что обязан ему своей жизнью и благополучием, – продолжал дон Хуан. – Теперь я знаю, что обязан ему бесконечно большим. Поскольку я не имею возможности

выразить это, я предпочитаю говорить, что он прибегнул к хитрости, чтобы привести меня к обладанию третьей точкой отсчета.

Третья точка отсчета — это свобода восприятия, это намерение, это дух, кувырок мысли в сверхъестественное, это акт выхода за наши ограничения и прикосновение к непостижимому.

Два односторонних моста⁴⁴

Мы с доном Хуаном сидели за столом на его кухне. Было раннее утро. Мы только что вернулись с гор, где провели ночь после моего вспоминания об опыте с ягуаром. Вспоминание о моем расщепленном восприятии привело меня в состояние эйфории, чем, как обычно, воспользовался дон Хуан, чтобы погрузить меня в более чувственные переживания, которые сейчас я был совершенно не способен вспомнить. Тем не менее, моя эйфория не исчезла.

— Открытие возможности находиться в двух местах одновременно поражает наш ум, — сказал он. — Поскольку наш разум рационален, а рациональность — это наша саморефлексия, то все, что находится за пределами саморефлексии, или привлекает, или пугает нас, в зависимости от того, какими людьми мы являемся.

Он пристально посмотрел на меня и улыбнулся, как будто только что открыл во мне что-то для себя новое.

— Или это и пугает, и привлекает нас в равной степени, что, кажется, и происходит в случае с нами обоими.

Я сказал ему, что дело не в том, что меня пугало или привлекало мое переживание, но в том, что я был испуган безграничностью возможностей раздвоенного восприятия.

— Я не хочу сказать, что не верю в то, что был в двух местах одновременно, — сказал я. — Я не отрицаю свой опыт, и все же думаю,

⁴⁴ The two one-way bridges

что я был настолько напуган этим, что мой разум отказался воспринять это как факт.

– Мы с тобой – люди такого типа, которые оказываются захваченными вещами, подобными этой, а затем забывают обо всем, что было, – заметил он и улыбнулся. – Мы с тобой очень похожи.

Теперь была моя очередь смеяться. Я знал, что он смеется надо мной. И в то же время он излучал такую искренность, что мне хотелось верить в то, что он говорит правду. Я сказал ему, что среди его учеников я был единственным, кто научился не принимать всерьез его заявления о равенстве между нами. Я заметил, что наблюдал за его действиями и слышал, как он каждому из учеников говорил самым искренним тоном: «Мы с тобой такие дураки. Мы так похожи!» И я снова и снова ужасался, когда видел, что они верят ему.

– Ты не похож ни на кого из нас, дон Хуан, – сказал я. – Ты зеркало, которое не отражает наших образов. Ты уже за пределами нашей досягаемости.

– То, что ты замечаешь – это результат борьбы длиной в жизнь. Тот, кого ты видишь – маг, который, в конце концов, научился следовать замыслам духа, вот и все.

Я множеством способов описывал тебе различные стадии, через которые проходит воин на своем пути знания – продолжал он. – С точки зрения своей связи с намерением воин проходит через четыре стадии. Первая – это когда его связующее звено с намерением является ненадежным и ржавым. Вторая – это когда он преуспевает в его очищении. Третья – когда он учится манипулировать им. И, наконец, четвертая – когда он учится принимать замыслы абстрактного.

Дон Хуан настаивал, что его достижение не сделало его внутренне другим. Это только дало ему большие возможности. Так что он не был неискренен, когда говорил мне и другим ученикам, что мы похожи.

– Я прекрасно понимаю, через что ты вынужден проходить сейчас, – продолжал он. – Когда я смеюсь над тобой, – на самом деле я смеюсь над воспоминаниями о себе в твоём положении. Я слишком держался за мир повседневной жизни. Я ногтями держался за него. Все говорило о том, что я должен оставить его, но я не мог. И, подобно тебе, я безоговорочно доверял разуму, хотя не было никакого смысла поступать так, ведь я больше не являлся обычным человеком.

Моя проблема тогда – это твоя проблема сегодня. Инерция повседневного мира несла меня, и я продолжал действовать, как обычный человек. Я отчаянно держался за свои непрочные рациональные структуры. Разве ты не делаешь то же самое?

– Я не держусь ни за какие структуры – это они держат меня, – сказал я, заставив его рассмеяться.

Я сказал, что прекрасно его понимаю, но дело не в этом, потому что я все равно не способен вести себя, как маг, как бы я ни пытался.

Он объяснил, что мои неудобства в мире магов происходят от недостаточного знакомства с ним. В этом мире я должен ко всему относиться по-новому, что бесконечно трудно, потому что это имеет мало общего с непрерывностью моей повседневной жизни.

Он описал специфическую проблему магов, как раздвоенность. Во-первых, невозможно восстановить разрушенную однажды непрерывность. Во-вторых, невозможно использовать непрерывность, продиктованную новым положением их точки сборки. Эта новая непрерывность всегда слишком туманна, слишком зыбка и не придает магам той уверенности, которая позволила бы им действовать так, как если бы они были в мире повседневной жизни.

– И как маги решают эту проблему? – спросил я.

– Никто ничего не решает, – ответил он, – дух или решает это за нас, или нет. Если да, то маг обнаруживает себя действующим в магическом мире, сам не зная как. Вот почему я всегда настаивал, что безупречность – это единственное, что идет в счет. Маг живет

безупречной жизнью — и это, кажется, привлекает решение. Почему? Никто не знает.

Дон Хуан минуту помолчал. И потом, как если бы я попросил его, вдруг прокомментировал мысль, которая как раз пришла мне в голову. Я в этот момент подумал, что безупречность всегда ассоциировалась у меня с религиозной моралью.

— Безупречность, как я уже говорил тебе много раз, это не мораль, — сказал он. — Она только напоминает мораль. Безупречность — это только наилучшее использование нашего уровня энергии. Естественно, это требует и бережливости, и благоразумия, и простоты, и моральной чистоты; но, прежде всего, это подразумевает отсутствие саморефлексии. И хотя это напоминает выдержку из монастырского устава, но это не так.

Маги говорят, что для того, чтобы управлять духом, — а под этим они подразумевают управление движением точки сборки, — необходима энергия. Единственная вещь, которая сберегает для нас энергию, — это наша безупречность.

Дон Хуан заметил, что вовсе не обязательно изучать магию, чтобы сдвигать точку сборки. Иногда вследствие естественных, хотя и драматических обстоятельств, таких как война, лишения, стрессы, усталость, горе, беспомощность — точка сборки человека подвергается глубоким сдвигам.

— Если бы человек, который находится в подобных обстоятельствах, был способен воспринять идеологию магов, — сказал дон Хуан, — то он был бы способен без проблем довести до предела этот естественный сдвиг. И люди могли бы искать и находить необыкновенные вещи, вместо того, чтобы делать то, что люди обычно делают в подобных обстоятельствах, — жаждать поскорее вернуться в обычное состояние.

Когда движение точки сборки доведено до предела, — продолжал он, — как обычный человек, так и ученик магии становятся магами, потому что, благодаря предельному усилению этого движения, непрерывность разрушается так, что восстановить ее уже нельзя.

– Как можно до предела усилить это движение? – спросил я.

– Благодаря устранению саморефлексии, – ответил он. – Движение точки сборки или разрушение непрерывности не является реальной трудностью. Реальной трудностью является обладание энергией. Если у кого-то есть энергия, и если его точка сборки сдвинулась, он открывает для себя поистине непостижимые вещи.

Дон Хуан объяснил, что все трудности для человека состоят в том, что интуитивно он осознает свои скрытые ресурсы, но не отваживается воспользоваться ими. Вот почему маги говорят, что человек находится в положении, среднем между глупостью и невежеством. Он сказал, что люди сейчас, более чем когда бы то ни было, нуждаются в обучении новым идеям, которые касаются исключительно их внутреннего мира, – идеям магов. Не социальным идеям, а идеям, относящимся к человеку, стоящему лицом к неизвестному, лицом к своей смерти. Сегодня, более чем когда бы то ни было, мы нуждаемся в том, чтобы обучиться тайнам точки сборки.

Затем, без всякого вступления или перехода, дон Хуан начал рассказывать мне очередную магическую историю. Он сказал, что в течение целого года он был единственным молодым человеком в доме нагуалья Хулиана. Он был полностью поглощен собой и не обратил внимания, что в начале следующего года его бенефактор привел трех юношей и четырех молодых женщин, которые поселились в его доме. Насколько дону Хуану было известно, эти семеро прибывали по одному в течение двух или трех месяцев и были просто слугами и не более того. Один из молодых людей был даже приставлен к нему помощником.

Дон Хуан был убежден, что Нагуаль завлекал их и льстил им, чтобы заставить их бесплатно работать на него. И он мог бы пожалеть их, если бы не их слепое доверие к нагуалю Хулиану и не их болезненная привязанность ко всем и вся в доме.

Он чувствовал, что они были рождены рабами и что ему нечего было им сказать. Хотя он и был вынужден поддерживать с ними

хорошие отношения и давать им советы, но делал это не потому, что хотел, а потому, что Нагуаль требовал этого, как часть его работы. Когда они искали его советов, то его приводила в ужас острота и драматичность их жизненных ситуаций.

Он втайне поздравил себя с лучшей, чем у них, участью. Он искренне считал, что был более ловким, чем все они, вместе взятые. Он гордился тем, что в отличие от них, он мог насквозь видеть маневры Нагуаля, хотя и не претендовал на то, чтобы понимать их. И он смеялся над их смехотворными попытками быть полезными. Он считал их раболепными и говорил им в лицо, что их безжалостно эксплуатирует профессиональный тиран.

Но больше всего его бесило, что четыре молодые женщины до такой степени находились под влиянием нагуаля Хулиана, что готовы были делать все, чтобы понравиться ему. Дон Хуан находил утешение в работе или часами напролет читал книги, которые были в доме нагуаля Хулиана. Чтение стало его страстью. Когда он читал, все знали, что его нельзя беспокоить никому, кроме Нагуаля, который явно получал удовольствие, донимая его. Он всегда хотел, чтобы дон Хуан подружился с молодыми людьми и девушками. Он постоянно говорил, что все они, включая дону Хуана, были его учениками магии. Дон Хуан был убежден, что нагуаль Хулиан ничего не знал о магии, и посмеивался над ним, слушая его без всякой веры.

Нагуаля Хулиана не волновало неверие дона Хуана. Он просто действовал так, как если бы дон Хуан верил ему, и собирал всех учеников вместе, чтобы давать им инструкции. Периодически он брал их с собой на продолжавшиеся всю ночь экскурсии в близлежащие горы. В большинстве случаев он оставлял их одних странствовать в этих суровых горах с доном Хуаном во главе.

Логическим обоснованием таких путешествий служило то, что в уединении, в дикой местности они смогут найти дух. Но этого никогда не случалось. По крайней мере, до дона Хуана это совершенно не доходило. Однако нагуаль Хулиан так упорно настаивал на важности духа, что дон Хуан загорелся желанием узнать, что же это такое.

Во время одной из таких ночных экскурсий нагуаль Хулиан потребовал, чтобы дон Хуан искал дух, даже если он и не понимает, что это такое.

– Конечно же, он подразумевал единственную вещь, которую только и может иметь в виду нагуаль: движение точки сборки, – сказал дон Хуан. – Но он выразил это в такой форме, которая, как он полагал, будет иметь для меня смысл: искать дух.

Я подумал, что он говорит чепуху. К тому времени у меня уже сформировались свои собственные взгляды и убеждения, и я был уверен, что дух является тем, что известно как характер, воля, мужество, решительность. И я считал, что мне ничего не нужно искать. Все это у меня уже было.

Нагуаль Хулиан настаивал, что дух неопределим, что его невозможно чувствовать, а тем более говорить о нем. Можно только вызвать его с помощью признания его существования, говорил он. Моя реакция была такой же, как твоя: никто не может вызвать то, чего не существует.

Дон Хуан сказал мне, что он так много спорил с нагуалем Хулианом, что тот, в конце концов, пообещал ему в присутствии всех домочадцев, что он одним махом намерен не только продемонстрировать ему, чем является дух, но и как идентифицировать его. Он пообещал также устроить большую вечеринку и даже пригласить соседей, чтобы отпраздновать урок дона Хуана.

Дон Хуан напомнил, что в те дни, еще до Мексиканской революции, Нагуаль и семь женщин его группы вели себя, как богатые владельцы большой гасиенды. Это ни у кого не вызывало сомнений, особенно относительно нагуаля Хулиана, богатого и щедрого землевладельца, который отказался от церковной карьеры, чтобы заботиться о своих семи незамужних сестрах.

Однажды в дождливый сезон нагуаль Хулиан заметил, что как только дождь прекратится, он устроит вечеринку, которую обещал дону Хуану. И в воскресенье вечером он взял своих домочадцев на берег реки, сильно разлившейся после долгих ливней. Нагуаль

Хулиан ехал верхом на лошади, в то время как дон Хуан почтительно следовал сзади, что было принято у них на тот случай, если бы они встретили кого-нибудь из соседей: насколько знали соседи, дон Хуан был личным слугой помещика.

Нагуаль выбрал для пикника место на высокой площадке над рекой. Женщины приготовили еду и питье. Нагуаль даже пригласил группу музыкантов из города. Это была большая вечеринка, в которой принимали участие рабочие с гасиенды, соседи и даже случайные прохожие, которые слонялись вокруг, привлеченные весельем.

Каждый ел и пил вволю. Нагуаль танцевал со всеми женщинами, пел, читал стихи. Он рассказывал анекдоты и с помощью кое-кого из женщин инсценировал эти шутки, чем привел всех в полный восторг.

Выбрав подходящий момент, нагуаль Хулиан спросил, не желает ли кто-нибудь, особенно ученики, принять участие в уроке дона Хуана. Но все отказались: они хорошо знали жесткую тактику Нагуаля. Тогда он спросил дона Хуана, уверен ли тот, что по-прежнему хочет узнать, что такое дух.

Дон Хуан не мог сказать «нет». Он просто не мог повернуть обратно. Он ответил, что готов, как всегда. Нагуаль подвел его к краю бушующей реки и поставил на колени. Затем он начал читать длинное заклинание, в котором взывал к силе ветра и гор и просил силу реки помочь дону Хуану.

Его многозначительное заклинание было выражено так непочтительно, что все засмеялись. Закончив, он попросил дона Хуана встать перед ним с закрытыми глазами. Потом он взял ученика на руки как ребенка и швырнул его в бушующий поток, закричав: «Не ненавижь реку, ради Бога!»

Рассказ об этом инциденте вызвал у дона Хуана приступ хохота. Возможно, в других обстоятельствах я тоже нашел бы это забавным. Однако сейчас эта история ужаснула меня.

– Ты бы видел лица этих людей, – продолжал дон Хуан. – Я мельком отметил их испуг, когда летел по воздуху в реку. Никто не мог предвидеть, что этот дьявольский Нагуаль способен на такое.

Дон Хуан подумал, что пришел конец его жизни. Он был никудышным пловцом и, погружаясь на дно реки, поносил себя на чем свет стоит за то, что позволил всему этому случиться. Он был до такой степени зол, что даже не успел испугаться. Он смог только подумать, что не намерен погибать в этой проклятой реке от рук этого проклятого человека.

Его ноги коснулись дна, и он вытолкнул себя на поверхность. Река была неглубокой, но разлившаяся вода сильно расширила ее. Течение было сильным и тащило его, пока он барахтался по-собачьи, пытаясь не позволить бурлящей воде захлестнуть его.

Течением его отнесло на значительное расстояние. И пока его несло, и он пытался сделать все, чтобы не погибнуть, он вошел в странное состояние ума. Он понял свой недостаток. Он был очень раздражительным человеком, и постоянно сдерживаемое раздражение делало его злобным и агрессивным по отношению ко всем окружающим. Но он не мог ненавидеть реку или драться с нею, или быть нетерпеливым с ней, или мучить ее – как это он делал со всем и всеми в своей жизни.

Все, что он мог сделать с рекой – это следовать ее течению. Дон Хуан утверждал, что это простое понимание и вынужденное согласие с этим, так сказать, склонило чашу весов, и он испытал свободное движение точки сборки. Внезапно, совершенно не понимая, что происходит, дон Хуан, вместо того, чтобы барахтаться в бурлящей воде, ощутил себя бегущим вдоль берега. Он бежал так стремительно, что не было времени думать. Страшная сила увлекала его, и он мчался сквозь кусты и поваленные деревья, как если бы их здесь не было.

Довольно долго он бежал в этом отчаянном темпе, пока, наконец, не отважился бросить взгляд на красноватую пенящуюся воду. И он увидел там самого себя, которого грубо швыряло течением. Ничто в его опыте не подготовило его для восприятия

такого момента. Он знал тогда, не прибегая к мыслительному процессу, что был в двух местах одновременно. И в одном из них, в стремнине реки, он был беспомощен.

Всю свою энергию он направил на то, чтобы попытаться спасти себя. Ни о чем не раздумывая, он начал бежать под углом, прочь от берега реки. Это потребовало от него всех сил, каждый дюйм давался с трудом. У него было такое чувство, что он вытаскивает бревно. Он двигался так медленно, что, казалось, прошла вечность, прежде чем он преодолел несколько ярдов.

Напряжение оказалось для него чрезмерным. И внезапно, — он больше не бежал — он падал в глубокий колодец. Очутившись в воде, он вскрикнул от холода. И вот он снова был в реке, и его снова несло по течению. Он до того перепугался, обнаружив себя вновь в бушующей реке, что изо всех сил пожелал очутиться целым и невредимым на берегу. И немедленно оказался там, несясь с головокружительной скоростью параллельно реке, но на некотором отдалении от нее.

На бегу он смотрел на бурлящую воду и видел там себя, барахтающегося изо всех сил, чтобы удержаться на поверхности. Он хотел закричать, приказать самому себе плыть под углом, забирая к берегу, но у него не было голоса.

Его сострадание к той части себя было всепоглощающим. И это послужило как бы мостом между двумя Хуанами Матусами. Он тут же вернулся в воду и поплыл под углом по направлению к берегу.

Невероятного ощущения раздвоенности между двумя местами оказалось достаточно, чтобы полностью избавиться от страха. Он больше не заботился о своей судьбе. Он свободно выбирал между плаванием в реке и бегом по берегу. Но в любом случае он последовательно двигался влево — либо стремился прочь от реки, либо греб к левому берегу.

Он выбрался на левый берег реки милях в пяти ниже по течению. Ему пришлось ждать здесь, скрываясь в кустах, больше недели. Он ждал, пока спадет вода, чтобы перейти реку вброд, и еще ждал, пока пройдет его страх, и он снова будет цельным.

Дон Хуан сказал, что с ним произошло следующее: сильная длительная эмоция страха за свою жизнь привела к сдвигу точки сборки непосредственно в место безмолвного знания. Поскольку он в свое время не обращал ни малейшего внимания на слова нагуалья Хулиана о точке сборки, он совершенно не понимал, что с ним происходит. Его пугала мысль, что он, возможно, больше никогда не будет нормальным человеком. Но когда он исследовал свое двойное восприятие, то обнаружил его практическую сторону и нашел, что оно ему нравится. Он был двойным в течение несколько дней. Он мог полностью быть тем или другим. Или же он мог быть обоими одновременно. Когда он был обоими, вещи становились неопределенными и ни одна ипостась не была эффективной, так что этот вариант он отверг. Но возможность быть тем или иным открывала перед ним непостижимые возможности.

Пока он восстанавливал силы в кустах, он установил, что одна из его ипостасей была более гибкой, чем другая, и могла преодолевать расстояния в мгновение ока и находить пищу или лучшее убежище. И вот однажды это существо вернулось в дом нагуалья Хулиана, чтобы посмотреть, волнуются ли там за него.

Он услышал, как молодые люди печалятся о нем, и это было для него определенно сюрпризом. Он стал жадно наблюдать за ними, поскольку ему страшно нравилось выяснять, что они думают о нем. Но тут нагуаль Хулиан обнаружил его и положил всему этому конец.

Впервые он по-настоящему испугался Нагуалья. Дон Хуан услышал, что Нагуаль приказывает ему прекратить этот вздор. Он появился внезапно, как черный колоколообразный предмет огромной массы и силы. Он схватил дона Хуана. Дон Хуан не знал, каким образом Нагуаль схватил его, однако причиненная этим боль очень сильно выбила его из колеи. Это была острая нервная боль, которую он ощутил в животе и в паху.

— Я тут же вновь оказался на берегу реки, — сказал дон Хуан, смеясь. — Я поднялся, перешел вброд недавно обмелевшую реку и направился домой.

Помедлив, он спросил меня, что я думаю об этой истории. И я ответил, что она ужаснула меня.

– Ведь ты мог бы погибнуть в этой реке, – сказал я, чуть не крича. – Что за отвратительную шутку с тобой сыграли! Этот нагуаль Хулиан, должно быть, просто безумец!

– Подожди минутку, – запротестовал дон Хуан. – Нагуаль Хулиан был коварным, но отнюдь не безумным. И он делал то, что должен был делать как нагуаль и учитель. Это верно, что я мог погибнуть. Но все мы должны быть способны на такой риск. Тебя самого мог растерзать ягуар, или ты мог бы умереть от любой из тех вещей, которые я с тобой проделывал. Нагуаль Хулиан был властным и уверенным – и прямо брался за дело. С ним не было никакого хождения вокруг да около, никаких лишних слов.

Я настаивал, что, несмотря на ценность этого урока, мне методы нагуаля Хулиана по-прежнему кажутся странными и чрезмерными. Я уверял дон Хуана, что все, что я слышал о нагуале Хулиане, до такой степени беспокоило меня, что у меня сложилось о нем самое негативное представление.

– Я думаю, ты боишься, что на днях я собираюсь бросить тебя в реку или заставить тебя носить женское платье, – сказал он и рассмеялся. – Вот почему ты не одобряешь методы нагуаля Хулиана.

Я признал, что он прав, и он, смеясь, заверил меня, что у него нет намерения подражать методам нагуаля Хулиана, потому что у него они не сработают. Он, по его словам, является таким же безжалостным, но не таким практичным, как нагуаль Хулиан.

– В то время, – продолжал дон Хуан, – я не мог оценить его искусство, и, конечно же, мне совсем не нравилось то, что он сделал со мной. Но теперь, всякий раз, когда я думаю об этом, я восхищаюсь им все больше – каким великолепным и прямым путем он поместил меня в положение безмолвного знания.

Дон Хуан сказал, что чудовищность его переживания заставила его совершенно забыть о монстре. Он без сопровождающих дошел до дверей дома нагуаля Хулиана, но затем передумал и в поисках

утешения отправился к нагуалю Элиасу. И нагуаль Элиас объяснил ему глубокую подоплеку действий нагуаля Хулиана.

Нагуаль Элиас с трудом сдержал возбуждение, когда услышал историю дона Хуана. Он горячо объяснил дону Хуану, что его бенефактор был великолепным сталкером, действующим практически. Его бесконечные поиски всегда были направлены на прагматические цели и решения. Его поведение в тот день на реке было шедевром сталкинга. Он манипулировал всеми и всех поразил. Казалось, даже сама река была под его контролем.

Нагуаль Элиас утверждал, что в то время, как дон Хуан несло по течению и он боролся за свою жизнь, река помогла ему понять, что такое дух. И благодаря этому дон Хуан получил возможность войти прямо в безмолвное знание.

Дон Хуан сказал, что поскольку он был еще неоперившимся юнцом, он слушал нагуаля Элиаса, не понимая ни слова, но был искренне восхищен и впечатлен глубиной Нагуаля.

Во-первых, нагуаль Элиас объяснил дону Хуану, что для сталкеров чрезвычайно важны звучание и смысл слов. Слова используются ими как ключ для открытия всего, что скрыто. Поэтому сталкеры нуждаются в том, чтобы объявить свою цель, прежде чем пытаться достичь ее. Однако вначале они не могут раскрыть свою истинную цель, поэтому им необходимо тщательно подбирать слова, чтобы скрыть главный удар.

Нагуаль Элиас назвал это действие пробуждением намерения. Он объяснил дону Хуану, что нагуаль Хулиан пробудил намерение, эмоционально заявив перед лицом всех своих домочадцев, что собирается сходу показать дону Хуану, что такое дух и как его определить. Это было совершенно бессмысленно, потому что нагуаль Хулиан знал, что нет способа идентифицировать дух. В действительности же он пытался сделать следующее: поместить дон Хуана в место безмолвного знания.

Сделав это заявление, скрывавшее его истинную цель, нагуаль Хулиан собрал так много людей, как только мог, делая их, таким образом, своими сознательными и бессознательными помощниками.

Все они знали о провозглашенной им цели, но никто из них не знал, что у него на уме на самом деле.

Нагуаль Элиас надеялся, что его объяснение сможет вытряхнуть дона Хуана из его невозможного состояния полной недисциплинированности и безразличия, но в этом он сильно заблуждался. И все же Нагуаль терпеливо объяснил ему, что в то время, когда он боролся с течением, он достиг третьей точки.

Старый Нагуаль объяснил, что положение безмолвного знания называется третьей точкой, поскольку для того, чтобы достичь его, нужно пройти вторую точку – место без жалости.

Он сказал, что точка сборки дона Хуана приобрела достаточную текучесть, чтобы он мог быть двойным, и это позволило ему пребывать в месте разума и в месте безмолвного знания или альтернативно, или одновременно.

Нагуаль сказал дону Хуану, что это было потрясающее достижение. Он даже по-отечески обнял дона Хуана и не переставал говорить о том, как дон Хуан, вопреки тому, что он ничего не знал – или, может быть, именно потому, что он ничего не знал, – смог переводить всю свою энергию из одного места в другое. Для Нагуаля это означало, что точка сборки дона Хуана обладала максимально благоприятной естественной текучестью.

Он сказал дону Хуану, что каждое человеческое существо обладает способностью к такой текучести. Большинство из нас, однако, хранят ее в резерве, и мы никогда не используем ее, за исключением редких случаев, вызываемых магами, – подобно пережитому им опыту, или вследствие естественных драматических ситуаций, таких, например, как борьба за жизнь.

Дон Хуан слушал, замороженный звуками голоса старого Нагуаля. Когда он был внимателен, он мог уследить за всем, что говорил этот человек, чего никогда не наблюдалось при его общении с нагуалем Хулианом.

Старый Нагуаль продолжал объяснять, что человечество в целом находится в первой точке, точке разума, но что не у каждого

человеческого существа точка сборки находится точно в положении разума. Те, кто пребывают точно в этом месте, являются истинными лидерами человечества. В большинстве случаев они были неизвестными людьми, чья гениальность заключалась в использовании своего разума.

Нагуаль сказал, что было другое время, когда человечество находилось на третьей точке, которая тогда, конечно, еще была первой точкой. Но потом человечество перешло в место разума.

Когда безмолвное знание было первой точкой, преобладало такое же положение вещей. Точка сборки не каждого человеческого существа была непосредственно в этой позиции. Вот почему истинные лидеры человечества всегда были теми редчайшими человеческими существами, чьим точкам сборки случалось находиться в точном положении либо разума, либо безмолвного знания. Остальное человечество, сказал дону Хуану старый Нагуаль, было только публикой, аудиторией. В наши дни они являются поклонниками разума.

В прошлом они были поклонниками безмолвного знания. Они были теми, кто восхищался и слагал оды героям в любом из положений.

Нагуаль настаивал, что человечество провело большую часть своей истории в положении безмолвного знания и что этим объясняется наше великое и страстное желание достичь его вновь.

Дон Хуан спросил старого Нагуаля, что именно делал с ним нагуаль Хулиан. Его вопрос прозвучал более зрело и более разумно, чем он имел в виду на самом деле. Нагуаль Элиас ответил ему в терминах, в то время для дона Хуана абсолютно непонятных. Он сказал, что нагуаль Хулиан подготавливал дона Хуана, переманивая его точку сборки в положение разума, чтобы он мог быть скорее мыслителем, чем частью неразумной и эмоционально переменчивой публики, которая любит упорядоченные создания разума. В то же время Нагуаль готовил дона Хуана к тому, чтобы он мог стать истинным абстрактным магом вместо того, чтобы быть

лишь частью болезненно впечатлительной и невежественной аудитории поклонников неизвестного.

Нагуаль Элиас заверил дону Хуана, что только те человеческие существа, которые являются образцами разума, могут легко сдвигать свою точку сборки и быть образцами безмолвного знания. Он сказал, что только те, кто пребывает точно в одном из этих положений, могут ясно видеть другое положение, и что именно таким и был путь, приведший к эпохе разума. Положение разума было ясно видно из положения безмолвного знания.

Старый Нагуаль сказал дону Хуану, что односторонний мост от безмолвного знания к разуму называется «озабоченностью». Это озабоченность, которую истинные люди безмолвного знания ощущали относительно источника всего, что они знали. А второй односторонний мост, от разума к безмолвному знанию, называется «чистым пониманием». Это осознание, которое говорит человеку разума, что разум — лишь один-единственный островок в бесконечном архипелаге.

Нагуаль добавил, что то человеческое существо, в распоряжении которого находятся оба эти моста, является магом, имеющим прямой контакт с духом, жизненной силой, которая делает возможными оба положения. Он указал дону Хуану, что все, что нагуаль Хулиан сделал в тот день на реке, было настоящим шоу, но не для человеческой аудитории, а для духа — силы, которая за ним наблюдала. Он непринужденно скакал, резвился и развлекал всех, особенно силу, к которой он и обращался.

Дон Хуан сказал, что нагуаль Элиас заверил его, что дух прислушивается только тогда, когда тот, кто к нему обращается, говорит жестами. Эти жесты не означают знаки или телодвижения — это действия истиной непринужденности, действия щедрости, юмора. В качестве жестов для духа маги проявляют все лучшее в себе и молча предлагают это абстрактному.

Намеревание внешности

До моего отъезда домой дон Хуан планировал еще одно путешествие в горы, но мы так его и не совершили. Вместо этого он попросил отвезти его в город. Ему нужно было встретиться там с какими-то людьми.

По пути он говорил о чем угодно, только не о намерении. Это была желанная передышка.

В полдень, когда он закончил свои дела, мы на площади присели на его любимую скамейку. Площадь была пустынной. Я чувствовал себя усталым и сонным. Но потом я и сам не заметил, как совершенно неожиданно для себя оживился. Мысли стали кристально ясными.

Дон Хуан моментально заметил эту перемену. Мое замешательство рассмешило его. Он прочел мои мысли, – а может, это были его мысли, и я прочел их.

– Если думать о жизни в терминах часов, а не лет, то она покажется невероятно длинной, – сказал он. – Даже если думать о ней в терминах дней, – жизнь покажется бесконечной.

Это было именно то, о чем я как раз подумал.

Он сказал, что жизнь магов измеряется в часах и что маг может за один час прожить столько, что по интенсивности это вполне может сравниться с целой жизнью обычного человека. Такая интенсивность становится важным преимуществом, когда приводит к накоплению информации за счет движения точки сборки.

Я потребовал более детальных объяснений. Довольно давно он рекомендовал мне, поскольку было неудобно делать заметки во время бесед, аккуратно сохранять всю полученную мной информацию о мире магов не на бумаге и не в памяти, но в сдвиге моей точки сборки.

– Даже при самом незначительном сдвиге точка сборки создает совершенно изолированные островки восприятия, – сказал дон Хуан. – Информация может быть сохранена там в форме опытов сложности осознания.

– Но как может информация храниться в чем-то, столь неопределенном?

– Ум – это тоже что-то неопределенное, но ты все же доверяешь ему просто потому, что хорошо знаком с ним, – возразил он. – Движение точки сборки тебе знакомо гораздо меньше, хотя это почти то же самое.

– Я имею в виду – каким образом сохраняется информация? – не отступал я.

– Информация сохраняется в самом опыте, – объяснил он. – Позже, когда маг сдвигает свою точку сборки именно в то место, где она была во время опыта, он полностью переживает весь опыт. Это вспоминание магов является способом восстановления всей информации, сохраненной при перемещении точки сборки.

Автоматическим результатом движения точки сборки, – продолжал он, – является интенсивность. Например, данный момент ты проживаешь интенсивнее, чем обычно, поэтому, собственно говоря, ты накапливаешь интенсивность. Когда-нибудь ты заново переживешь этот момент, сместив свою точку сборки в то же место, где она находится сейчас. Таким образом маги и накапливают информацию.

Я сказал дону Хуану, что интенсивное вспоминание, которое пришло ко мне несколько дней назад, не было результатом каких-либо сознательных умственных усилий.

– Как можно сознательно управлять вспоминанием? – спросил я.

– Интенсивность, являясь одним из аспектов намерения, естественным образом связана с сиянием глаз магов, – объяснил он. – Для того чтобы вспомнить изолированные островки восприятия,

магам нужно лишь намереваться того особого сияния своих глаз, которое связано с тем местом, которое они хотят вернуть. Но я уже объяснял тебе это.

Должно быть, вид у меня был довольно растерянный. Дон Хуан с серьезным выражением лица рассматривал меня. Дважды или трижды я открывал рот, чтобы задать ему вопрос, но никак не мог сформулировать свои мысли.

– Благодаря значительно более высокому, чем нормальный, уровню интенсивности, – сказал дон Хуан, – за несколько часов маг может прожить эквивалент обычной человеческой жизни. Его точка сборки, сдвигаясь в новые положения, вбирает больше энергии, чем обычно. Такой дополнительный приток энергии и называется интенсивностью.

Я необыкновенно ясно понимал то, о чем он говорил, и моя рациональность пошатнулась под ударом огромности того, что подразумевалось под этим.

Дон Хуан пристально посмотрел на меня и предупредил, чтобы я остерегался реакции, которая обычно причиняет магам страдание, – тщетного желания последовательно и логично объяснить магический опыт.

– Магический опыт настолько необычен, – продолжал дон Хуан, – что маги считают его интеллектуальным упражнением и используют для отслеживания самих себя. И все-таки их козырной картой, как сталкеров, является то, что они очень остро осознают себя воспринимающими существами, и то, что восприятие имеет намного больше возможностей, чем это может представить себе наш разум.

Единственное, что я мог сказать в ответ, – это лишь выразить свое понимание невероятных возможностей человеческого осознания.

– Для того, чтобы защитить себя от этой необъятности, – сказал дон Хуан, – маги учатся поддерживать в себе совершенное сочетание безжалостности, хитрости, терпения и мягкости. Эти четыре основы

сталкинга неразрывно связаны друг с другом. Маги культивируют их, намереваясь их. Эти основы, естественно, являются положениями точки сборки.

Таким образом, строго говоря, любые действия всех магов являются преднамеренно обдуманнми и осознанными и содержат в себе особую смесь безжалостности, хитрости, терпения и мягкости.

– Маги используют эти четыре настроения сталкинга в качестве гидов, – продолжал он. – Они представляют собой четыре различных состояния ума, четыре различных вида интенсивности, которыми маги могут пользоваться для того, чтобы заставить свою точку сборки сдвигаться в определенное положение.

Казалось, им внезапно овладело раздражение. Я спросил, не надоели ли ему мои настойчивые расспросы.

– Я сейчас думаю о том, как наша рациональность заводит нас в тупик, – продолжал он. – Мы склонны размышлять, задавать вопросы, выяснять. Но нет никакой возможности делать это относительно магии. Магия является актом достижения места безмолвного знания. А безмолвное знание невозможно охватить умом. Его можно только пережить.

Он улыбался. Глаза его сияли, как два пятна света. Он сказал, что маги, пытаясь защититься от всепоглощающего воздействия безмолвного знания, развили искусство сталкинга. Сталкинг сдвигает точку сборки медленно, но неуклонно, таким образом давая магу время и возможность поддерживать самого себя.

– В искусстве сталкинга, – продолжал дон Хуан, – есть особая техника, которую очень широко используют маги – это контролируемая глупость. По мнению магов, контролируемая глупость – единственное средство, которое позволяет им иметь дело с самими собой в состоянии расширенного осознания и восприятия, а также – со всеми людьми и всем на свете в повседневной жизни.

Дон Хуан объяснил, что контролируемая глупость есть искусство контролируемой иллюзии или искусство создания видимости полной увлеченности в данный момент каким-либо

действием, – притворство столь совершенное, что его невозможно отличить от реальности. Он сказал, что контролируемая глупость – это не прямой обман, но сложный, артистический способ отстранения от всего, в то же время оставаясь неотъемлемой частью всего.

– Контролируемая глупость – это искусство, – продолжал дон Хуан. – Очень беспокоящее искусство, обучиться которому очень нелегко. Многие маги не в состоянии его вынести, и не потому, что в нем изначально что-то не так, но потому, что для его практики требуется слишком много энергии.

Дон Хуан признал, что сам он добросовестно практиковал контролируемую глупость, хотя это и не доставляло ему особого удовольствия, – возможно потому, что его бенефактор был ее адептом. А может быть, потому, что особенности его характера, – в сущности, по его словам, мелочного и неискреннего, – не обеспечивали гибкости, необходимой для практики контролируемой глупости.

Я удивлено посмотрел на него. Он умолк и уставился на меня своими озорными глазами.

– К тому времени, когда мы приходим к магии, наша личность уже сформировалась, – сказал он и пожал плечами, изображая беспомощность. – Поэтому нам остается лишь практиковать контролируемую глупость и смеяться над собой.

В порыве чувств я начал уверять дона Хуана, что мне он ни в коем случае не кажется мелочным или неискренним.

– Но это главные черты моего характера, – настаивал он. Но я отказывался согласиться с этим.

– Сталкеры, практикующие контролируемую глупость, полагают, что в отношении личностных особенностей все человечество делится на три категории, – сказал он и улыбнулся, как бывало всякий раз, когда он собирался чем-то меня зацепить.

– Но это же абсурд, – возразил я. – Поведение человека слишком сложно, чтобы его можно было так просто свести всего лишь к трем категориям.

– Сталкеры говорят, что мы не настолько сложны, как мы порой о самих себе думаем, – ответил он. – Они говорят, что каждый из нас принадлежит к одной из трех групп.

Я нервно рассмеялся. Если бы я находился в обычном состоянии осознания, я принял бы его слова за шутку. Но сейчас, когда мой ум был в высшей степени ясным, а мысли – острыми, я чувствовал, насколько он серьезен.

– Ты это серьезно? – спросил я как можно более вежливо.

– Смертельно серьезно, – ответил он и рассмеялся. Его смех немного снял мое напряжение. Дальнейшие его объяснения касались классификационной системы сталкеров. По его словам, люди, относящиеся к первой группе, являются идеальными секретарями, помощниками, компаньонами. Их личность отличается большой подвижностью, но такая подвижность неплодотворна. Однако они внимательны, заботливы, в высшей степени привязаны к дому, в меру сообразительны, имеют чувство юмора и приятные манеры, милы, деликатны. Иными словами, лучше людей не найдешь. Однако у них имеется один огромный недостаток – они не могут действовать самостоятельно. Им всегда требуется некто, кто бы руководил ими. Под чьим-то руководством, – каким бы жестким и противоречивым оно ни было, – они изумительны, лишившись его – погибают.

Люди, относящиеся ко второй группе, наоборот – совершенно неприятны. Они мелочны, мстительны, завистливы, ревнивы, эгоистичны. Они говорят исключительно о самих себе и обычно требуют, чтобы окружающие разделяли их взгляды. Они всегда захватывают инициативу, даже если это и не приносит им спокойствия. Им совершенно не по себе в любой ситуации, поэтому они никогда не расслабляются. Они ненадежны и никогда ничем не бывают довольны. И чем ненадежнее они, тем более опасными

становятся. Их роковым недостатком является то, что ради лидерства они могут даже совершить убийство.

К третьей категории относятся люди, которые не приятны, но и не отвратительны. Они никому не подчиняются, равно как и не стараются произвести впечатление. Они, скорее всего, безразличны. У них сильно развито самомнение, исключительно на почве мечтательности и размышления о собственных желаниях. В чем они действительно необычны – так это в ожидании грядущих событий. Они ждут, когда их откроют и завоюют и с необыкновенной легкостью питают иллюзии относительно того, что впереди их ждет множество свершений, которые они обещают претворить в жизнь. Но они не действуют, поскольку на самом деле не располагают необходимыми средствами.

Дон Хуан сказал, что себя он относит ко второй группе. После чего он предложил мне отнести самого себя к какой-нибудь из названных групп, чем невероятно меня смутил. Он смеялся так сильно, что почти катался по земле.

Затем он снова велел мне отнести себя к одной из групп, и тогда я нехотя предположил, что являюсь комбинацией всех трех.

– Не надо подсовывать мне эту комбинационную чепуху, – сказал он, все еще смеясь. – Мы простые существа, и каждый из нас относится к одной из трех групп. Я полагаю, что ты относишься ко второй. Сталкеры называют ее представителей «пердунами».

Я начал было протестовать, что предложенная им классификация унижительна, но решил воздержаться от длинной тирады. Я лишь заметил, что если сказанное о трех типах личности истинно, то каждый из нас пожизненно привязан к определенному типу, не имея возможности ни измениться, ни освободиться.

Он признал, что дело именно так и обстоит. Несмотря на это, один шанс на освобождение все-таки остается. Давным-давно маги установили, что к этим трем категориям относится только наша личная саморефлексия.

– Наша беда в том, что мы принимаем себя всерьез, – сказал он. – К какой из трех групп относится наш образ себя, имеет значение лишь вследствие нашей самозначительности. Если мы не являемся самозначительными, то нам больше нет дела до того, к какой группе мы принадлежим.

Я всегда буду оставаться пердуном, – продолжал он, трясаясь от смеха, – и ты тоже. Но сейчас я – пердун, который не принимает себя всерьез, чего нельзя сказать о тебе.

Я был возмущен. Мне хотелось спорить, но я не мог собрать для этого энергии.

Эхо его смеха, прокатившееся по пустынной площади, показалось мне каким-то сверхъестественным.

Он сменил тему разговора и быстро перечислил основные ядра, о которых мы уже говорили: проявления духа, толчок духа, уловки духа, нисхождение духа, требования намерения, управление намерением. Он вновь назвал их все, как бы давая мне возможность твердо их запомнить. Затем он кратко повторил все, что говорил мне ранее относительно этих ядер. Похоже, он намеренно заставлял меня сохранить всю эту информацию в интенсивности момента.

Я заметил, что основные ядра все еще остаются для меня тайной. Я был очень обеспокоен своей неспособностью понять их. Казалось, он вот-вот прекратит обсуждение этой темы, а я все еще совершенно не ухватил ее смысла.

Я настаивал на дополнительных вопросах относительно абстрактных ядер. Казалось, он обдумывал сказанное мной, а потом спокойно кивнул головой.

– Эта тема была очень трудной и для меня, – сказал он. – Я, как и ты, задавал много вопросов. Но я, вероятно, был чуть-чуть эгоистичней, чем ты. И я очень злился. Вопросы я мог задавать только сварливым тоном. Ты, пожалуй, воинствующий инквизитор. В конце концов ты и я в равной степени несносны, но только по разным причинам.

Относительно основных ядер дон Хуан добавил, прежде чем сменить тему разговора, всего лишь одну вещь, — что они обнаруживают себя невероятно медленно — то неустойчиво проявляясь, то отступая.

— Я могу без конца повторять, что тот, чья точка сборки сдвинулась, — начал он, — может двигать ее дальше. Учитель нужен нам лишь по одной причине — он должен безжалостно подталкивать нас к действию. В противном случае нашей естественной реакцией является остановиться, чтобы поздравить себя с тем, что мы продвинулись так далеко.

По его словам, мы оба являем собой пример отвратительной тенденции потакать себе. К счастью, его бенефактор, будучи непревзойденным сталкером, совершенно не щадил его.

Дон Хуан рассказывал, как во время ночных путешествий по пустыне нагуаль Хулиан основательно просветил его относительно природы самозначительности и движения точки сборки. По словам нагуаля Хулиана, самозначительность — это чудовище о трех тысячах голов. Противостоять ему и победить его можно лишь в трех случаях. Во-первых, если отсечь все головы последовательно; во-вторых, — достичь того загадочного состояния, которое называется местом без жалости, постепенно разрушающего самозначительность путем лишения ее пищи (морения голодом); и в-третьих — если за мгновенное истребление трехтысячеголового чудовища заплатить своей собственной символической смертью.

Нагуаль Хулиан советовал избрать третий путь. При этом он сказал дону Хуану, что тот может считать себя счастливым, если ему будет предоставлена возможность выбора, потому что обычно только дух определяет тот путь, по которому должен следовать маг, и долг мага — следовать ему.

Дон Хуан сказал, что учил меня так же, как в свое время его учил бенефактор — отсекал все три тысячи голов самозначительности одну за другой, однако результаты оказались весьма различными. Тогда как я поддавался учению очень хорошо — он не поддавался ему вообще.

– Со мной был особый случай, – продолжал он. – С той самой минуты, как мой бенефактор увидел меня, лежащего на дороге с пробитой пулей грудью, он знал, что я – новый нагуаль. Он и вел себя соответственно, сдвинув мою точку сборки, после того как здоровье мое немного улучшилось. И я мог с огромной легкостью видеть поле энергии в виде чудовищного человека. Однако это достижение вместо предполагаемой помощи стало помехой дальнейшему движению моей точки сборки. И в то время, когда точки сборки других учеников неуклонно сдвигались, моя оставалась неподвижной на уровне способности видеть монстра.

– Но почему твой бенефактор не объяснил тебе того, что происходит? – спросил я, озадаченный этими излишними сложностями.

– Мой бенефактор не верил в передаваемое сверху знание, – сказал дон Хуан. – По его мнению, знание, сообщаемое таким образом, является неэффективным. Оно не было доступным в случае необходимости. С другой стороны то знание, которое вводится постепенно, всегда может быть так или иначе востребовано тем, кто в нем нуждается.

Дон Хуан сказал, что его метод обучения отличается от метода обучения его бенефактора тем, что сам он верит в необходимость свободы выбора, чего тот совершенно не допускал.

– Не пытался ли нагуаль Элиас, учитель твоего бенефактора, рассказывать тебе о том, что происходило на самом деле? – настаивал я.

– Он попытался, – вздохнув, сказал дон Хуан, – но я был тогда просто невыносим. Я считал, что знаю все. Поэтому то, что говорили мне они оба, я попросту пропускал мимо ушей.

В поисках выхода из создавшегося положения нагуаль Хулиан решил вынудить дон Хуана, достичь еще раз, но уже самостоятельно, свободного движения точки сборки.

Я прервал его, спросив, когда это произошло: до или после случая на реке. Рассказы дона Хуана, к сожалению, не следовали так нравившемуся мне хронологическому порядку.

– Это случилось через несколько месяцев, – ответил он. – Но не думаешь ли ты, что из-за того, что у меня тогда произошло расщепление восприятия, я действительно изменился, стал мудрее или уравновешеннее? Ничего подобного.

Можешь судить по себе. Я не только раз за разом прерывал твою непрерывность, но и раздробил ее на мелкие кусочки. Но посмотри на себя: ты все еще действуешь так, как если бы был невредим. И это – высшее достижение магии, намеревания.

То же самое было и со мной. Полученный опыт лишь на какое-то время мог всколыхнуть меня, но затем я все забывал и вновь связывал разорванные концы так, словно ничего не произошло. Вот потому-то мой бенефактор и был уверен в том, что по-настоящему измениться мы можем лишь в том случае, если умрем.

Возвращаясь к своей истории, дон Хуан сказал, что Нагуаль решил при помощи Тулио, самого нелюдимого обитателя поместья, нанести еще один сокрушительный удар по его психологической непрерывности.

По его словам, все ученики, в том числе и он сам, никогда не находились в полном согласии по поводу чего бы то ни было. В одном лишь их мнения совпадали: маленький, щуплый Тулио был презрительно высокомерным. Они ненавидели Тулио, так как он либо избегал, либо унижал их. Он обращался с ними с таким пренебрежением, что они чувствовали себя грязью. Они уверяли себя, что Тулио не разговаривает с ними потому, что ему нечего сказать, и что его высокомерная отчужденность является прикрытием его неуверенности в себе.

Тем не менее, вопреки его отталкивающим чертам характера, ко всеобщему огорчению учеников, Тулио имел большое влияние на обитателей поместья. Особенно – на нагуалья Хулиана, который души в нем не чаял.

Однажды утром нагуаль Хулиан отослал всех учеников на целый день с каким-то поручением в город. Единственным, кто остался в доме, кроме старых обитателей поместья, был дон Хуан.

Около полудня нагуаль Хулиан приступил к изучению своих бухгалтерских книг, чем он занимался ежедневно. В процессе работы он время от времени обращался к дону Хуану за помощью в своих подсчетах.

Дон Хуан начал просматривать счета и вскоре обнаружил, что для дальнейшей работы необходимо получить какую-то информацию от бывшего в курсе всех дел поместья Тулио, который забыл сделать какую-то запись. Нагуаль Хулиан был явно рассержен, узнав об оплошности Тулио, чему дон Хуан втайне обрадовался. Нагуаль нетерпеливо приказал дону Хуану найти Тулио, который присматривал за работниками в поле, и немедленно привести его. Дон Хуан, предвкушая, как он досадит Тулио, пробежал по полю около полумили в сопровождении одного из батраков, который, как обычно, охранял его от монстра. Он нашел Тулио, наблюдавшего за работниками, по своему обычаю, с некоторого расстояния. Дон Хуан заметил, что Тулио с явным отвращением избегает людей и предпочитает наблюдать за ними издалека.

Грубым и подчеркнуто повелительным тоном дон Хуан потребовал, чтобы Тулио отправился с ним в дом, поскольку он нужен Нагуалю. Еле слышным голосом Тулио ответил, что сейчас он очень занят, но через час освободится и сможет прийти.

Однако дон Хуан настаивал, зная, что Тулио не собирается с ним спорить и просто проигнорирует его, отвернувшись. Поэтому он был обескуражен, когда Тулио вдруг стал выкрикивать непристойности в его адрес. Это было настолько непохоже на Тулио, что батраки даже перестали работать, в недоумении поглядывая друг на друга. Дон Хуан был уверен, что они никогда не слышали, чтобы Тулио повышал голос, и тем более не слышали его грубой брани. Он сам был настолько удивлен, что стал нервно посмеиваться. Это буквально разъярило Тулио, который даже швырнул в испуганного дон Хуана камнем. Тот увернулся.

Дон Хуан со своим телохранителем немедленно бросились домой. У входной двери они налетели на Тулио, тихо беседовавшего и смеявшегося над чем-то с несколькими женщинами. Тот отвернулся, сделав вид, что, как обычно, не замечает дона Хуана. Дон Хуан стал гневно отчитывать его за то, что он тут прохлаждается, когда Нагуалью нужна его помощь. Тулио и женщины помотрели на дона Хуана так, как будто тот сошел с ума.

Однако с Тулио в этот день явно творилось что-то неладное. Вдруг он заорал, чтобы дон Хуан закрыл свой проклятый рот и занимался своей собственной проклятой работой. Он во всеуслышание обвинил дона Хуана в попытке выставить его в неприглядном свете перед нагуалем Хулианом.

Женщины разинули рты от изумления, с неодобрением поглядывая на дона Хуана. Они стали успокаивать Тулио, а дон Хуан приказал ему идти в кабинет Нагуаля разбираться в счетах. Тулио послал его к черту.

Дона Хуана трясло от гнева. Простая задача спросить Тулио о счетах обратилась в кошмар. Он пытался успокоиться. Женщины пристально рассматривали его, что опять привело его в ярость. В тихой ярости он поспешил в кабинет Нагуаля, а Тулио вновь заговорил с женщинами, продолжая тихо посмеиваться, как бы радуясь удачному розыгрышу.

Дон Хуан был страшно удивлен, когда, войдя в кабинет, застал там Тулио, сидевшего за столом Нагуаля и поглощенного счетами. Дону Хуану невероятным усилием воли удалось сдержать свой гнев. Он улыбнулся Тулио. У него больше не было к нему претензий. Вдруг он понял, что нагуаль Хулиан использовал Тулио, чтобы испытать его и проверить, не выйдет ли он из себя. Однако в этом удовольствии он ему откажет.

Не отрываясь от своих подсчетов, Тулио сказал, что если дон Хуан ищет Нагуаля, он может найти его в другом конце дома.

Дон Хуан побежал туда, и, действительно, обнаружил Нагуаля, медленно прогуливавшегося с Тулио по внутреннему дворику. Казалось, Нагуаль был полностью поглощен беседой с Тулио. Тулио

мягко подтолкнул Нагуаля и тихим голосом сообщил ему, что пришел помощник.

Нагуаль бесстрастно объяснил дону Хуану все о счетах, над которыми они работали. Объяснение было длинным и обстоятельным. Затем он сказал, что дону Хуану остается лишь принести бухгалтерскую книгу, чтобы они могли сделать запись, и Тулио расписался бы в ней.

Дон Хуан не понимал, что происходит. Обстоятельное объяснение и бесстрастный тон нагуаля Хулиана говорили о будничности происходящего. Тулио нетерпеливо приказал дону Хуану поскорее принести книгу, так как он торопится. Его ждали в другом месте.

К этому моменту дон Хуан начал чувствовать, что из него делают клоуна. Он знал, что Нагуаль явно что-то задумал: у него было странное выражение глаз – это всегда было для дона Хуана признаком его очередной дьявольской шутки. Кроме того, Тулио за этот день произнес больше слов, чем за предыдущие два года пребывания дона Хуана в этом доме.

Не говоря ни слова, дон Хуан вернулся в кабинет. Как он и ожидал, Тулио уже был там. В ожидании дона Хуана он сидел на краю скамьи и нетерпеливо притоптывал массивным каблуком ботинка. Вручив дону Хуану книгу счетов, за которой тот пришел, Тулио сказал ему идти.

Несмотря на то, что дон Хуан уже был готов к такому приему, он удивился. Он уставился на этого человека, который вдруг рассердился и стал ругаться. Дон Хуан боролся с тем, чтобы не взорваться, продолжая внушать себе, что это всего лишь испытание его характера. Перед ним живо предстала картина изгнания из дома как провалившегося испытание.

Совершенно сбитый с толку, дон Хуан, однако, не утратил способности изумляться скорости, с которой Тулио успевал везде оказаться на прыжок раньше него.

Дон Хуан предвидел, конечно, что Тулио окажется рядом с Нагуалем, когда он принесет книгу счетов. И все же, увидев, что Тулио снова опередил его, он, хотя и не удивился, но отнесся к его появлению недоверчиво. Ведь он только что промчался сквозь дом кратчайшим путем, и Тулио никак не мог бежать быстрее. К тому же, в этом случае Тулио пришлось бы бежать рядом с доном Хуаном.

Нагуаль Хулиан с безразличным видом принял бухгалтерскую книгу из рук дона Хуана. Он что-то в ней записал, а Тулио расписался. Затем они снова заговорили о счетах, не обращая на дона Хуана никакого внимания, а тот стал пристально рассматривать Тулио. Дон Хуан пытался понять, что же за испытание они для него придумали. Наверное, думал он, проверяется его способность к выдержке. В конце концов, в этом доме она всегда была предметом недовольства.

Нагуаль отпустил дона Хуана, сказав, что хочет обсудить дела наедине с Тулио. Дон Хуан тут же бросился искать женщин, желая узнать их мнение по поводу этих странных событий. Однако, сделав несколько шагов, он наткнулся на двух из них в сопровождении Тулио. Все трое оживленно беседовали. Дон Хуан заметил их раньше, чем они его, и бросился назад к Нагуалю. Тулио был на прежнем месте и разговаривал с Нагуалем.

Невероятная мысль закралась в голову дона Хуана. Он бросился в кабинет – Тулио был там, погруженный в свои счета, и даже не поднял голову при появлении дона Хуана. Тот спросил, что все это значит. Тулио на этот раз был таким как обычно и не удостоил дона Хуана ни ответом, ни даже взглядом.

И тут его пронзила еще одна невероятная мысль. Он побежал в конюшню, оседлал двух лошадей и попросил человека, бывшего этим утром его телохранителем, сопровождать его снова. Они прискакали туда, где не так давно видели Тулио, и застали его на прежнем месте. Он не стал говорить с доном Хуаном, только пожал плечами и отвернулся, когда тот обратился к нему с вопросом.

Тогда дон Хуан и его телохранитель поскакали назад, в поместье. Дон Хуан быстро спешил и, оставив лошадей под

присмотром этого человека, ворвался в дом. Тулио завтракал в обществе женщин. Он также беседовал с Нагуалем и работал над своими книгами.

У дона Хуана подкосились ноги. От страха его прошиб холодный пот. Он знал, что Нагуаль испытывает его при помощи одной из своих ужасных шуток. Обдумав свое положение, он решил, что действовать можно в трех направлениях. Во-первых, сделать вид, что не происходит ничего из ряда вон выходящего, во-вторых, попытаться самому понять смысл испытания, и третьим вариантом, – поскольку Нагуаль всегда внушал ему, что он может объяснить все, что дон Хуан захочет спросить, – было обратиться к нему самому за разъяснениями.

Дон Хуан решил спросить. Он пошел к Нагуалю и попросил его объяснить, что с ним происходит. На этот раз Нагуаль был один и все еще работал над своими счетами. Он отложил их в сторону и улыбнулся дону Хуану. По его словам, двадцать одно неделание, которым он обучал дона Хуана, могли бы стать средством для отсеечения трех тысяч голов самозначительности, но в отношении дона Хуана такие средства оказались совершенно неэффективными. Поэтому он применил второй метод разрушения самозначительности, предполагавший введение дона Хуана в состояние, которое называется местом без жалости.

Дон Хуан был убежден, что нагуаль Хулиан совсем рехнулся. Слушая его рассказ о неделании, о чудовище с тремя тысячами голов и местах без жалости, дон Хуан почти проникся жалостью к нему самому.

Нагуаль Хулиан очень спокойно попросил дона Хуана сходить в сарай, находившийся под навесом во дворе, и привести Тулио.

Дон Хуан вздохнул, едва удержавшись, чтобы не рассмеяться. Действия Нагуаля были слишком очевидны. Дон Хуан знал, что Нагуаль хочет с помощью Тулио продолжить испытание.

Тут дон Хуан прервал свой рассказ и спросил меня, что я думаю о поведении Тулио. Я ответил, что, исходя из своих знаний о мире Нагуаля, я считаю Тулио магом, который, весьма искусно сдвигая

свою точку сборки, создавал у дон Хуана впечатление о своем пребывании сразу в четырех местах одновременно.

– Ну и как ты думаешь, что я обнаружил в сарае? – спросил дон Хуан, широко улыбаясь.

– Очевидно, там был Тулио или не было никого, – ответил я.

– Но если бы произошло то или другое, то моя непрерывность не пострадала бы, – сказал дон Хуан.

Я попытался представить самое невероятное и сказал, что возможно, в сарае было тело сновидения Тулио, напомнив при этом дону Хуану, что он и сам делал нечто подобное со мной при помощи одного из членов его партии магов. Дон Хуан решительно отверг мое предположение.

– То, что я обнаружил, было шуткой, не укладывающейся в рамки реальности, и все же это не было чем-то странным, противоречащим законам мира, в котором мы живем. Как по-твоему, что это было?

Я сказал, что терпеть не могу, когда он говорит загадками. Принимая во внимание все те странные вещи, которые он когда-то проделывал со мной, я мог представить себе только еще более причудливые вещи, а поскольку они исключались, я отказывался гадать.

– Когда я вошел в сарай, то полагал, что Тулио прячется где-то поблизости, – сказал дон Хуан. – Я был уверен, что следующим этапом испытания станет бешеная игра в прятки. Тулио собирался свести меня с ума, скрываясь в этом сарае.

Но ничего похожего на то, к чему я мысленно приготовился, не произошло. Я вошел в сарай и увидел там сразу четверых Тулио.

– Что значит «четверых Тулио?» – спросил я.

– В сарае было четверо мужчин, и все они были Тулио. Можешь представить себе мое изумление. Все они сидели в одинаковых позах

со скрещенными ногами, плотно прижавшись друг к другу. Они ожидали меня. Я взглянул на них и с диким воплем выскочил из сарая.

Мой бенефактор повалил меня на землю у самой двери. И тогда, уже по-настоящему испуганный, я увидел, как четверо Тулио вышли из сарая и направились ко мне. Я вопил и вопил, пока все четверо щипали меня своими твердыми пальцами, словно стая огромных птиц. Я вопил до тех пор, пока не почувствовал, как что-то во мне поддалось, и я вошел в состояние предельного безразличия.

Никогда раньше в своей жизни я не ощущал ничего более необычного. Сбросив с себя всех Тулио, я встал. Они продолжали щекотать меня. Не обращая на них внимания, я повернулся прямо к Нагуалью и попросил его объяснить мне, кто были эти четверо мужчин.

По словам нагуалья Хулиана, они были образцовыми сталкерами. Нагуаль Элиас, их учитель, придумал для них имена. В качестве упражнения в контролируемой глупости он взял испанские числительные уно, дос, трес, куатро (один, два, три, четыре), прибавил к каждому из них имя Тулио и получил следующие имена: Тулиуно, Тулиодо, Тулитре и Туликуатро.

Нагуаль Хулиан представил всех по очереди дону Хуану. Четверо мужчин стояли, выстроившись в ряд. Дон Хуан посмотрел каждому из них в лицо, поздоровался кивком головы, и те тоже кивнули ему. Нагуаль сказал, что все четверо являются до такой степени талантливыми сталкерами, – дон Хуан имел возможность убедиться в этом, – что просто не существует слов для похвал. Они были такими великолепными сталкерами, что для всех практических целей существовал только один из них. И хотя люди виделись и общались с ними ежедневно – никто, кроме членов партии Нагуалья, не знал, что существуют четверо Тулио.

Дон Хуан с абсолютной ясностью понимал все, что говорил об этих мужчинах нагуаль Хулиан. Такая необычайная ясность восприятия давала ему возможность понять, что он достиг места без жалости. И так же совершенно самостоятельно он понял, что место

без жалости является положением точки сборки, где исчезает жалость к самому себе. Однако дон Хуан также знал, что его проницательность и мудрость были в высшей степени мимолетными. Его точка сборки неизбежно должна была вернуться в исходное положение.

Когда нагуаль Хулиан спросил дона Хуана, нет ли у него каких-либо вопросов, тот понял, что ему, скорее, следует уделить гораздо больше внимания объяснениям Нагуаля, чем выдвигать свои собственные предположения.

Дон Хуан хотел знать, каким образом все четверо Тулио создавали впечатление, что существовал только один человек. Он был страшно заинтересован, поскольку понял, что на самом деле они не являются точной копией друг друга. Правда, они носили одинаковую одежду, были примерно одного и того же возраста, телосложения и роста. На этом их сходство заканчивалось. И все же, даже при ближайшем рассмотрении он мог бы поклясться, что существует только один Тулио.

Нагуаль Хулиан объяснил, что глаз человека привык фокусироваться на самых заметных деталях чего бы то ни было и что об этих деталях мы знаем заранее. Поэтому искусство сталкеров заключается в создании впечатления посредством выбранных ими деталей, которые, как они знают, обязательно привлекут внимание наблюдателя. Искусно усиливая определенные впечатления, сталкеры могут создать у наблюдателя абсолютную убежденность в том, что видят его глаза.

Нагуаль Хулиан рассказал о том, как развлекло и рассмешило женщин его отряда прибытие в поместье дона Хуана, переодетого женщиной. Но бывший с ними мужчина, оказавшийся Тулитре, тут же создал у дон Хуана впечатление относительно Тулио. Он слегка повернул голову, чтобы скрыть свое лицо, презрительно пожал плечами, желая показать, что все это ему надоело, и пошел прочь. По дороге он тихонько смеялся, но так, чтобы этого никто не видел. Женщины постарались закрепить это первое впечатление соответствующим поведением, сделав вид, что их раздражает этот необщительный человек.

С этого момента каждый из четверых Тулио, оказываясь рядом с доном Хуаном, усиливал создавшееся впечатление и развивал его до тех пор, пока глаз дона Хуана не привык различать только то, что ему предлагалось.

Затем в разговор вступил Тулиуно. Он сказал, что им потребовалось около трех месяцев очень осторожных и последовательных действий с целью заставить дона Хуана быть слепым ко всему, кроме того, что он ожидал увидеть. Спустя три месяца слепота дона Хуана стала столь очевидной, что четверо Тулио перестали соблюдать осторожность. В доме они вели себя, как обычно. Они даже перестали носить одинаковую одежду, и все же дон Хуан не замечал разницы.

Когда в доме появились новые ученики, четверым Тулио пришлось начинать все сначала. На этот раз задача была потруднее, поскольку учеников было много и все они были наблюдательными.

Дон Хуан спросил у Тулиуно о внешности Тулио. В ответ Тулиуно сказал, что, как считает нагуаль Элиас, внешность является сущностью контролируемой глупости, поэтому сталкеры создают внешность, намереваясь ее, а не с помощью каких-либо ухищрений. Ухищрения придают внешности неестественность, и глаз сразу замечает обман. В этом отношении намеревание внешности – это исключительно упражнение для сталкеров.

Следующим заговорил Тулитре. Он сказал, что внешность испрашивается у духа. О внешности спрашивают, ее интенсивно призывают, ее никогда не создают рациональным путем. О внешности Тулио нужно было узнать у духа. И чтобы облегчить это, нагуаль Элиас поместил всех четверых в крохотную уединенную комнатку-кладовку, где дух говорил с ними. Дух сказал, что, прежде всего, им необходимо намереваться достичь однородности.

Через четыре недели полной изоляции однородность пришла к ним. По словам нагуаля Элиаса, намерение слило их воедино, и они приобрели уверенность в том, что индивидуальные особенности каждого останутся незамеченными. Теперь им нужно было вызвать ту внешность, которая бы воспринималась наблюдателями, и они

занялись этим, вызывая намерение для внешности Тулио. Им пришлось немало потрудиться, чтобы усовершенствовать ее. Под руководством своего учителя они сконцентрировали внимание на каждой детали, которая помогла бы сделать ее еще совершеннее.

Четверо Тулио продемонстрировали дону Хуану все наиболее характерные черты Тулио – преувеличенные жесты презрения и надменности; резкий поворот головы вправо, изображавший гнев; поворот верхней частью тела таким образом, чтобы левым плечом закрыть часть лица; резкий взмах рукой над глазами, будто бы для того, чтобы, откинуть волосы со лба, а также походку подвижного, но нетерпеливого человека, который слишком нервничает, чтобы решить, какой путь ему лучше выбрать.

По словам дона Хуана, все эти особенности поведения, а также десятки других, создали незабываемый характер Тулио. Фактически он был настолько незабываем, что для того, чтобы спроецировать его, как на экране, на доне Хуане и на других учениках, любому из Тулио достаточно было всего лишь намекнуть на какую-либо деталь, и дон Хуан с другими учениками тут же дорисовывали остальное сами.

Дон Хуан сказал, что, в результате столь последовательного поведения, Тулио стал для него и других учеников в высшей степени отвратительным человеком. Однако если бы они поглубже заглянули в себя, то поняли бы, что Тулио сам навязал им такое представление о себе. На самом деле, он был легким, загадочным и производил, сознательно или бессознательно, впечатление, что он подобен тени.

Дон Хуан спросил у Тулиуно, как они призывали намерение. Тулиуно объяснил, что сталкеры призывают намерение громким голосом. Обычно это происходило в маленькой, темной, уединенной комнатке. На черный стол ставилась свеча так, чтобы пламя находилось буквально в нескольких дюймах от глаз, затем медленно произносилось слово «намерение», ясно и вдумчиво. Оно произносилось столько раз, сколько, как чувствовал каждый, это было необходимо. Интенсивность звука поднималась и падала без какой-либо мысли на этот счет.

Тулиуно подчеркнул, что неотъемлемой частью вызова намерения была полная концентрация на том, чего намеревались. В данном случае, например, они концентрировались на своей однородности и на внешности Тулио. Однако после того, как намерение слило их воедино, им потребовалось еще около двух лет, чтобы убедиться в том, что их однородность и внешность Тулио будут реальностью для наблюдателей.

Я спросил дона Хуана, что он думает об их методе вызова намерения. Он сказал, что его бенефактор, как и нагуаль Элиас, были в большей степени приверженцами ритуальных действий, чем он сам, поэтому им нравилось использовать для этой цели свечи, темные комнаты и черные столы.

Я как бы невзначай заметил, что испытываю непреодолимую тягу к ритуальным обрядам. Ритуал казался мне главным действием, способствовавшим концентрации внимания. Дон Хуан воспринял мои слова очень серьезно. Он сказал, что видел мое тело как энергетическое поле, в котором имелось яркое пятно, находившееся справа в нижней части светящегося кокона. Насколько ему известно, такой особенностью обладали все маги древности и жадно искали ее у других. Наличие яркой светимости, как они полагали, свидетельствует об энергетичности и болезненной впечатлительности⁴⁵. Темным магам тех времен доставляло удовольствие овладевать этой чертой и связывать ее с темной стороной человеческого существа.

– Но тогда выходит, что злая сторона у человека все-таки есть, – сказал я торжествующе, – а ты всегда отрицал это. Ты всегда говорил, что зла не существует, что существует лишь сила.

Я был сам удивлен своей вспышкой. Мгновенно дало знать о себе мое католическое воспитание: в моем воображении возник Властелин Тьмы, более величественный, чем сама жизнь.

Дон Хуан смеялся до тех пор, пока не закашлялся.

⁴⁵ Morbidity – болезненность, болезненная впечатлительность, склонность к меланхолии, подозрительности

– У нас действительно есть темная сторона, – сказал он, наконец. – Мы убиваем не задумываясь, ведь так? Мы сжигаем людей во имя Бога. Мы истребляем самих себя, мы уничтожаем жизнь на этой планете, мы губим Землю. Затем мы переодеваемся в рясы, и Бог разговаривает с каждым из нас. Что же он говорит нам? Он говорит: будьте хорошими мальчиками, а не то я накажу вас. Бог угрожает нам уже много столетий подряд. Однако это ничего не меняет. И не потому, что мы злы, а потому, что мы тупы. Да, у человека есть темная сторона, и ее называют глупостью.

Я не проронил ни слова, но внутренне я аплодировал дону Хуану, с восхищением отметив его искусство спорить. Уже в который раз он достойно парировал мои возражения.

Немного помолчав, дон Хуан объяснил, что по той же причине, по которой ритуальное действие заставляет обычных людей возводить огромные церкви, являющиеся памятниками самозначительности, – ритуал так же заставляет магов строить здания болезненной впечатлительности и одержимости. Вот почему обязанностью каждого нагуаля является управление осознанием таким образом, чтобы оно устремилось непосредственно к абстрактному, свободное от залогов⁴⁶ и закладов⁴⁷.

– Что ты имеешь в виду, дон Хуан, под «залогам и закладами»?

– Ритуал захватывает наше внимание лучше, чем что бы то ни было, – сказал он. – Однако за это приходится слишком дорого платить. Этой высокой ценой является болезненная впечатлительность⁴⁸, а болезненная впечатлительность может стать тягчайшими залогом и закладами нашего осознания.

Дон Хуан сказал, что осознание человека напоминает огромный заколдованный дом. Осознание повседневной жизни как бы пожизненно запечатано в одной из комнат этого дома. Мы

⁴⁶ Lien – залоговое право; право удержания; право наложения ареста на имущество должника

⁴⁷ Mortgage – заклад, закладная

⁴⁸ Morbidity – см. стр. 266

входим в эту комнату через магические врата – рождение. Таким же образом мы выходим через другие магические врата – смерть.

Однако маги смогли найти еще один выход и выбраться из этой запечатанной комнаты, оставшись в живых. Это явилось их величайшим достижением. Но вершиной их достижений было то, что, вырвавшись из этой запечатанной комнаты, они выбрали свободу. Они решили совсем покинуть этот огромный дом, вместо того, чтобы затеряться в его бесчисленных комнатах.

Болезненная впечатлительность является антитезой приливу энергии, в котором осознание нуждается для обретения свободы. Болезненная впечатлительность заставляет магов потерять путь, и тогда они начинают блуждать по запутанным и темным лабиринтам неизвестного.

Я спросил у дона Хуана, была ли болезненная впечатлительность у четверки Тулио.

– Странность нельзя считать болезненной впечатлительностью, – ответил он. – Тулио были исполнителями, нанятыми самим духом.

– Какой смысл нагуалю Элиасу было обучать четверых Тулио именно так, а не иначе? – спросил я.

Дон Хуан уставился на меня, а затем громко рассмеялся. В этот момент над площадью зажглись вечерние огни. Он встал со своей любимой скамейки и погладил ее ладонью, словно она и впрямь была его любимым животным.

– Свобода, – сказал он. – Он хотел, чтобы они были свободны от условностей восприятия. Поэтому он учил их быть артистами, мастерами своего дела. Сталкинг – это искусство. Поскольку маг не является ни покровителем искусства, ни его продавцом, – единственно важной вещью для него является сам процесс исполнения.

Мы стояли у скамьи, глядя на прогуливавшуюся по площади вечернюю публику. Рассказ дона Хуана о четверых Тулио погрузил меня в какое-то ощущение предчувствия. Дон Хуан посоветовал мне

возвращаться домой. Длительная автомобильная поездка в Лос-Анджелес, по его словам, даст моей точке сборки передышку после всех тех сдвигов, которым она подверглась за последние несколько дней.

– Общество Нагуаля очень утомительно, – продолжал он. – Оно вызывает странную усталость и даже может быть вредным.

Я начал уверять его, что совершенно не чувствую усталости и что общение с ним уж никак не может повредить мне. Фактически, его общество действовало на меня, как наркотик – я не мог жить без него. Эти слова могли показаться лестью, но я действительно имел в виду то, что сказал.

Мы три или четыре раза прошли по площади в абсолютном молчании.

– Езжай домой и подумай об основных ядрах магических историй, – сказал дон Хуан с ноткой завершенности в голосе. – Или, скорее, не стоит думать о них, но постарайся сдвинуть свою точку сборки в сторону безмолвного знания. Перемещение точки сборки – это все, но оно ничего не значит, если не является трезвым и контролируемым действием. Итак, закрой дверь саморефлексии. Будь безупречен, и у тебя будет достаточно энергии, чтобы достичь места безмолвного знания.

